

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

THE INSTITUTE OF STATE AND LAW
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА РАН**

2019. Том 14. № 1

**PROCEEDINGS
OF THE INSTITUTE OF STATE
AND LAW OF THE RAS**

2019. Volume 14. No. 1

Москва

«Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS» — мультиязычное научное периодическое издание, где публикуются результаты фундаментальных теоретических и прикладных исследований в сфере государства и права. Издается с 2006 г.

Выходит шесть раз в год.

Материалы публикуются на русском, английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70200 от 21 июня 2017 г.). Включен в каталог агентств «Роспечать» и «Урал-пресс» (подписной индекс — 86119).

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлению «Юриспруденция». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Размещен в *E-library*, *Cyberleninka*, СПС «ГАРАНТ», *WorldCat*.

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10
Тел.: +7 (495) 691-13-09

E-mail: trudy@igpran.ru
Сайт: <http://igpran.ru/trudy>

Тираж: 300 экземпляров. Заказ №

Отпечатано в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 88

Корректор: *О.В. Мехоношина*

Компьютерная верстка: *А.П. Савастеева*

“Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS” — a multilingual academic periodical for the coverage of the results of fundamental and applied enquiries in the field of State and law.

The Journal launched by the Institute in 2006 is published bimonthly (six times a year).

Manuscripts are accepted in Russian, English, German, French, Spanish or Italian.

The Journal has been registered as a mass media (registration certificate No. ФС77-70200 of 21 June 2017). It is included into the Press of Russia Agency Catalogue “Newspapers. Magazines”, subscription index — 86119. It is also available through the East View Information Services and “Ural-Press” Agency.

The Journal is recommended by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of scientific results of doctorate dissertations. It is indexed/abstracted in Russian Science Citation Index (RSCI), Scientific Electronic Library, Cyberleninka, Legal Information System “Garant”, WorldCat.

Address of the Editorial Board:

10, Znamenka str., Moscow 119019,
Russian Federation
Phone: +7 (495) 691-13-09

E-mail: trudy@igpran.ru
Web: <http://igpran.ru/en/proceedings.php>

Circulation: 300 copies. Order No.

Published by LLC “Amirit”

88, N.G. Chernyshevskogo str., Saratov 410004, Russian Federation

Printers proof reader: *Ol'ga V. Mehonoshina*

Desktop publisher: *Anna P. Savasteeva*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Савенков Александр Николаевич
(главный редактор)

Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Васильева Татьяна Андреевна
(заместитель главного редактора)

Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Варламова Наталия Владимировна
(ответственный секретарь)

Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Антокольская Мария

Амстердамский свободный
университет
(Амстердам, Нидерланды)

Антонов Михаил Валерьевич

Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики
в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург,
Российская Федерация)

Бауринг Билл

Биркбек-колледж,
Лондонский университет
(Лондон, Великобритания)

Видра Дорис

Университет им. Париса Лодрона
(Зальцбург, Австрия)

Грачева Елена Юрьевна

Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
(Москва, Российская Федерация)

Дождев Дмитрий Вадимович

Московская высшая школа
социальных и экономических наук
(Москва, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Alexander N. Savenkov
(Editor-in-Chief)

Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Tatiana A. Vasilieva
(Deputy Editor-in-Chief)

Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Natalia V. Varlamova
(Executive Secretary)

Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Masha V. Antokolskaia

VU University Amsterdam
(Amsterdam, the Netherlands)

Mikhail V. Antonov

Higher School of Economics
National Research University,
Campus in Saint Petersburg
(Saint Petersburg, Russian Federation)

Bill Bowring

School of Law,
Birkbeck, University of London
(London, United Kingdom)

Doris Wydra

University of Salzburg
(Salzburg, Austria)

Elena Yu. Gracheva

Kutafin Moscow State Law University
(Moscow, Russian Federation)

Dmitry V. Dozhdev

Moscow School of Social
and Economic Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Кленова Татьяна Владимировна
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королева
(Самара, Российская Федерация)

Мелкевик Бьярн
Университет Лавала
(Квебек, Канада)

Полубинская Светлана Вениаминовна
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Саликов Марат Сабирьянович
Уральский государственный
юридический университет
(Екатеринбург, Российская
Федерация)

Соболева Анита Карловна
Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики
(Москва, Российская Федерация)

Солан Лоуренс
Бруклинская школа права
(Бруклин, США)

Трунк Александр
Кильский университет
им. Христиана Альбрехта
(Киль, Германия)

Тимошина Елена Владимировна
Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург,
Российская Федерация)

Фиттипальди Эдоардо
Миланский государственный
университет
(Милан, Италия)

Ширвиндт Андрей Михайлович
МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

Tatyana V. Klenova
Korolev Samara National Research
University
(Samara, Russian Federation)

Bjarne Melkevik
University of Laval
(Quebec, Canada)

Svetlana V. Polubinskaya
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Marat S. Salikov
Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Anita K. Soboleva
Higher School of Economics National
Research University
(Moscow, Russian Federation)

Lawrence Solan
Brooklyn Law School
(Brooklyn, USA)

Alexander Trunk
Kiel University
(Kiel, Germany)

Elena V. Timoshina
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg,
Russian Federation)

Edoardo Fittipaldi
State University of Milan
(Milan, Italy)

Andrey M. Shirvindt
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ ИДЕЙ И ИНСТИТУТОВ

Баженова Е.А.

Истоки естественно-правового мышления в идеях древнегреческих софистов: Протагор и Антифон..... 9

Староверова Е.В.

«Прожиток» как вещное право на землю в Московской Руси XVI — первой половины XVII в..... 34

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Баишев Ж.Н.

Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования..... 57

Шинкарецкая Г.Г.

Международные обязательства непризнанного государства (на примере Приднестровской Молдавской Республики).... 76

ПРАВО И КОСМОНАВТИКА

Батурин Ю.М.

Правовой статус космонавта: краткий профессиональный комментарий..... 94

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Наумов А.В.

Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства..... 121

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Ценова Е.А.

Правовое регулирование налоговых и валютно-правовых обязательств физических лиц — собственников имущества за рубежом..... 141

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Шталина М.А.

- Административные реформы в Индии 166

ПЕРСОНАЛИИ

Поляков А.В., Тимошина Е.В.

- «Путь к истине в науке — коммуникативный процесс»: юбилей Дженевры Игоревны Луковской 191

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Антонов М.В.

- Рецензия на монографию: Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. 240 pp. 199

Дидикин А.Б., Беляев М.А.

- Рецензия на монографию: Philosophical Foundations of Law and Neuroscience / Ed. by D. Patterson, M.S. Pardo. Oxford: Oxford University Press, 2016. 272 pp. 215

TABLE OF CONTENTS

HISTORY OF LEGAL CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Elena A. Bazhenova

- The Origins of Natural Law Thinking in the Ideas of Ancient Greek Sophists: Protagoras and Antiphon..... 9

Ekaterina V. Staroverova

- Prozhitok as the Estate in Land in the Muscovite State: from the 16th Century to the First Half of the 17th Century..... 34

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Zholymbet N. Baishev

- The Court of the Eurasian Economic Union: Challenges of Functioning..... 57

Galina G. Shinkaretskaia

- International Obligations of Unrecognized State. The Case of Transdnistrian Moldavian Republic. 76

LAW AND SPACE EXPLORATION

Yuri M. Baturin

- Cosmonaut's Legal Status: Brief Professional Commentary 94

THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL LAW

Anatoly V. Naumov

- The Theory of Criminal Law Should Not Be Reduced to the Analysis and Criticism of Criminal Legislation..... 121

LEGAL PROBLEMS OF TAXATION

Ekaterina A. Tsepova

- Regulation of Tax and Currency Exchange Obligations of Individuals, Owing the Property Abroad 141

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERTISE

Marina A. Shtatina

Administrative Reforms in India.....	166
--------------------------------------	-----

PERSONALITIES

Andrey V. Polyakov and Elena V. Timoshina

“The Path to Truth in Science is a Communicative Process”: Anniversary of Professor D.I. Lukovskaya	191
--	-----

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Mikhail V. Antonov

Review: Cercel, C.S. (2018). Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge. 240 pp.....	199
--	-----

Anton B. Didikin and Maxim A. Belyaev

Review: Patterson, D. and Pardo, M.S., eds. (2016). Philosophical Foundations of Law and Neuroscience. Oxford: Oxford University Press. 272 pp.....	215
---	-----

ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ ИДЕЙ И ИНСТИТУТОВ

ЕЛЕНА АЛЬБЕРТОВНА БАЖЕНОВА

Юридический институт, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600005, Российская Федерация, Владимир, ул. Студенческая, д. 8

E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

SPIN-код: 8812-7588

ORCID: 0000-0003-0088-6131

ИСТОКИ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ В ИДЕЯХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ СОФИСТОВ: ПРОТАГОР И АНТИФОН

Аннотация. Протагор и Антифон — первые известные нам авторы, предложившие свой взгляд на соотношение природы человека, с одной стороны, и требований закона и позитивной морали — с другой. Они сделали предметом философского обсуждения вопросы о конвенциональном характере закона и морали, а также о моральной обязанности соблюдать закон.

Протагор, согласно свидетельствам Платона в диалогах «Протагор» и «Тее́тет», предпринял попытку примирить индивидуальные и общественные интересы с помощью концепции универсальной добродетели, к которой по необходимости должны быть причастны все граждане полиса. Однако эту попытку трудно признать успешной, так как по логике Протагора добродетель выступает лишь средством для выживания индивидов и обеспечения их безопасности. Обосновывая первостепенную значимость и естественный характер гражданских добродетелей, Протагор в то же время допускает возможность следования им лишь для видимости, в качестве прикрытия эгоистических мотивов.

Антифон рассматривает договор между людьми как единственное и достаточное основание закона и морали. Подходя к проблеме с индивидуалистических позиций, Антифон резко противопоставляет природу и конвенцию, однако рассматривает первую скорее с точки зрения пользы или вреда следования ей, нежели в качестве источника объективных моральных предписаний. При такой интерпретации природа и конвенция — два разных мира; можно выбрать, велениям какого из них следовать, но примирить их практически невозможно.

Ни Протагор, ни Антифон не предлагают стройных, непротиворечивых концепций человеческой природы, поэтому их идеи еще нельзя назвать естественно-правовыми в полном смысле слова. Их представления о природе пока не содержат фундаментальных стандартов, которые позволяли бы сверять с ними

создаваемое людьми право и конвенциональную мораль. Главная слабость теорий обоих софистов в неспособности обосновать социальный характер природы человека. Однако несомненной заслугой Протагора и Антифона является сама постановка ими вопроса о приоритете природы либо конвенции, индивидуальных либо общественных интересов, равно как и вопроса о возможности их согласования. Идеи двух старших софистов сыграли решающую роль в формировании интеллектуального климата, в котором — главным образом в полемике с ними — возникли гораздо более сложные концепции человеческой природы Платона и Аристотеля, а также сама традиция естественного права.

Ключевые слова: естественное право, природа, закон, мораль, природа человека, конвенция, софисты, Протагор, Антифон

ELENA BAZHENOVA

Institute of Law, A. and N. Stoletov Vladimir State University
8, Studencheskaya str., Vladimir 600005, Russian Federation
E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0088-6131

THE ORIGINS OF NATURAL LAW THINKING IN THE IDEAS OF ANCIENT GREEK SOPHISTS: PROTAGORAS AND ANTIPHON

Abstract. Protagoras and Antiphon are the first authors known to us who offered their views on the correlation between human nature, on the one hand, and the requirements of the law and positive morality, on the other. With Protagoras and Antiphon, the conventional character of law and morality, as well as the existence of a moral obligation to obey the law, became vital subjects of philosophical discussion.

Protagoras, according to Plato's testimony in the dialogues "Protagoras" and "Theaetetus", attempted to reconcile individual and public interests with the help of the concept of universal virtue, which all citizens of the *polis* should participate in. This attempt, however, is difficult to regard as successful, since, according to the logic of Protagoras, virtue is only a means for the survival of individuals and ensuring their security. While providing justification of the paramount importance and natural character of civic virtues, Protagoras at the same time allows for the possibility of following them only for appearance, as a cover for selfish motives.

Antiphon views the contract between people as the sole and sufficient basis of law and morality. Approaching the problem from an individualistic point of view, Antiphon sharply contrasts nature and convention. Nevertheless, he considers the former rather in terms of benefits and harms of following it, and not as a source of objective moral prescriptions. According to this interpretation, nature and convention are two different worlds; one may choose which of them to follow, but it is impossible to reconcile them.

Neither Protagoras, nor Antiphon offers any consistent concept of human nature, and that is why their ideas could not be characterized as natural law in the full sense of the word. Their views of nature do not yet contain fundamental standards, with which human law and conventional morality could be compared. The main weakness of both theories is their inability to give account of the social character of human nature. At the same time, the undoubted merit of Protagoras and Antiphon is the very statement of the question of the priority of nature or the convention, individual or public interests, as well as of the possibility of their harmonization. The ideas of two senior sophists played a decisive role in shaping the intellectual climate, in which, primarily in direct controversy with them, Plato and Aristotle produced much more elaborate concepts of human nature; and the natural law tradition emerged.

Keywords: natural law, nature, law, moral, human nature, convention, sophists, Protagoras, Antiphon

1. Введение

Античная Греция часто признается родиной естественно-правового мышления. Оно сформировалось главным образом благодаря работе древнегреческих софистов, Платона, Аристотеля и стоиков. При этом софисты были первыми, кто сформулировал вопрос о соотношении природы (φύσις) и закона (νόμος)¹.

Древнегреческое слово νόμος многозначно. Оно еще не используется Гомером, но его можно встретить у Гесиода и поэтов-лириков VIII–VI вв. до н.э., у которых оно означает «обычай», а также передает множество других смысловых оттенков, общим для которых является идея меры и распределения², причем в самых разных контекстах — начиная от музыкального размера и заканчивая разделом пастбищных земель³. Д.И. Луковская отмечает, что Гесиод использует слово «номос» для обозначения «мирового порядка», который Пифагор впоследствии назовет «космосом»⁴.

К V в. до н.э. значение термина νόμος в основном сужается до законов в строгом смысле слова⁵; хотя он может использоваться и для обо-

¹ Имеется в виду теоретическая формулировка вопроса. О том, что к данной теме обращались не только философы, но и люди искусства, свидетельствует, к примеру, трагедия Софокла «Антигона», лейтмотивом которой является превосходство неписаного природного закона над писанным человеческим.

² Существительное νόμος происходит от глагола νέμω — распределять, уделять.

³ См.: Kelly J.M. A Short History of Western Legal Theory. Oxford, 2007. P. 8.

⁴ См.: Луковская Д.И. Становление политико-правовой мысли в Древней Греции // История государства и права. 2008. № 11. С. 27.

⁵ См.: Kelly J.M. Op. cit. P. 10.

значения неписаных законов богов, и для отсылки к традиционным, поддерживаемым обществом правилам поведения. Однако в том же V в. до н.э. понятие «номос» приобретает еще один смысл, когда софисты начинают отождествлять его с конвенцией или, как мы могли бы сегодня сказать, предметом социального конструирования⁶, противопоставляя тем самым естественному, природному началу. В данной статье термин «номос» в основном используется именно в этом смысле. Поскольку в античных текстах слово νόμος может употребляться и в более широком значении, нежели писанный закон⁷, в статье в зависимости от контекста он может использоваться для обозначения как законов в строгом смысле слова, так и предписаний конвенциональной морали.

В период расцвета классического полиса νόμος обладал непререкаемым авторитетом, был предметом гордости греков, тем, что отличало, как они считали, эллинскую цивилизацию от варваров, управляемых тиранами. «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]»⁸, — писал Гераклит. Наиболее ярким свидетельством почти сакрального положения закона у древних греков служит негативное восприятие ими законодательных изменений, когда инициаторы таких изменений в случае отклонения их предложений подвергались риску преследования и даже смерти⁹. Однако в период кризиса, вызванного Пелопоннесской войной, ситуация изменилась. Все чаще стали издаваться новые законы; законодательный процесс становился ареной политической борьбы; вновь принятые законы не всегда записывались; наряду с собственно законами (νόμοι) распространение получили ψήφισματα — временные, дополняющие или правореализующие меры, соотношение которых с законами в более строгом смысле было трудно определить¹⁰.

Бедствия войны, наиболее опустошительным из которых стала чума, унесшая за четыре года (430—426 гг. до н.э.) около четверти на-

⁶ См.: *Barney R. Callicles and Thrasymachus // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/callicles-thrasymachus/> (дата обращения: 28.10.2018).*

⁷ См., например: *Ostwald M. Nomos and Phusis in Antiphon's Περί Ἀληθείας // Cabinet of the Muses: Essays in Classical and Comparative Literature in Honor of T.G. Rosenmeyer / Ed. by M. Griffith, D.J. Mastronarde. Atlanta, 1990. P. 297.*

⁸ Перевод дается по: *Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Сост. А.В. Лебедев. М., 1989. С. 247.*

⁹ См.: *Kelly J.M. Op. cit. P. 11.*

¹⁰ *Ibid.*

селения Афин, нарушили нормальную жизнь города и вызвали беззакония прежде невиданного размаха. По словам древнегреческого историка Фукидида, «никакой страх перед богом или человеческим законом больше не сдерживал. Что до богов, казалось, не имело значения, поклонялся ты им или нет, когда и добрые, и злые умирали без различия у всех на глазах. Что касается преступлений против человеческого закона, то никто не надеялся прожить достаточно долго, чтобы предстать перед судом и понести наказание»¹¹.

В ситуации хаоса, рожденного чумой, естественные потребности и импульсы индивида выходили на первый план, обнажая искусственный характер социальных норм, которыми афиняне так гордились¹². Неудивительно поэтому, что именно в последней трети V в. до н.э. требования природы начинают противопоставляться предписаниям закона как никогда резко и открыто и возникают представления, подобные тем, что озвучил Антифон.

Софистам было легко выбрать природу в качестве фундаментального принципа, используемого для объяснения и критики закона, поскольку вся предшествующая философская традиция исследовала природу как всеобщее устойчивое начало, стоящее за бесконечно изменчивым миром, доступным человеку в ощущениях. Однако если натурфилософов, таких как Анаксимандр, Гераклит или Анаксагор, интересовала природа как физическая вселенная, то в центре внимания софистов — природа человека «во всей его индивидуальной случайности и многозначности»¹³. Тем не менее в определенном смысле софисты продолжают осуществлять программу натурфилософов; смещается лишь фокус их внимания. Ведь проект по разграничению вклада, который вносят природа и конвенция в человеческую жизнь, может рассматриваться как распространение на человеческую сферу естественной науки досократиков, с ее попытками выявить вечные объяснительные первопринципы (*ἀρχαί*), стоящие за постоянно меняющимися разнообразными космическими явлениями¹⁴.

Протагор и Антифон — наиболее известные из «старших» софистов и первые мыслители, чьи высказывания о соотношении челове-

¹¹ Цит. по: *Deleuva Caizzi F.* Protagoras and Antiphon: Sophistic Debates on Justice // *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy* / Ed. by A.A. Long. Cambridge, 1999. P. 322.

¹² Ibid.

¹³ *Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. М., 2001. С. 356.

¹⁴ См.: *Barney R.* Op. cit.

ческой природы и закона дошли до нашего времени. Они современники (Протагор, предположительно, немного старше Антифона), и оба были непосредственно вовлечены в политическую жизнь Афин второй половины V в. до н.э.¹⁵ Протагор был близок к Периклу и даже составлял по его поручению законы для новой колонии Фурий. Антифона часто отождествляют со знаменитым оратором Антифоном из Рамнуса, участником олигархического «переворота четырехсот» в 411 г. до н.э., хотя с этим согласны не все исследователи¹⁶.

Несмотря на то что именно Протагор и Антифон — первые из известных нам мыслителей, предложивших свое видение человеческой природы и ее соотношения с позитивными установлениями, историки естественного права редко обращаются к рассмотрению их идей. Исследование взглядов софистов осложняется тем, что до нас не дошли их произведения. Все, чем мы располагаем, — это небольшие разрозненные фрагменты либо свидетельства других авторов. Как следствие, история естественно-правового мышления больше ассоциируется с такими именами, как Фома Аквинский и Дж. Локк, реже — Платон, Аристотель и Цицерон. Софистов чаще упоминают как теоретиков общественного договора, нежели чем родоначальников естественного права, хотя обе эти идеи появляются одновременно и неразрывно связаны друг с другом. Кроме того, необходимо признать, что историки правовых учений уделяют софистам намного меньше внимания, чем историки философии и специалисты по античной классике.

История естественного права нуждается в сравнительном обсуждении идей софистов, в анализе дискуссий между ними, а также в рассмотрении возражений на их идеи античных критиков софистики, в первую очередь Платона и Аристотеля. Вопросы, поставленные софистами (об искусственном характере права, о моральной обязанности соблюдать закон, об этическом и правовом просвещении и т.п.), имеют не только историческое значение; они и сегодня крайне важны и являются предметом острой полемики.

Примем в общих чертах для целей работы характеристику теории естественного права как теории, которая предлагает универсальный критерий в качестве источника моральной действительности¹⁷

¹⁵ См.: *Kerferd G.B. The Sophistic Movement. Cambridge; New York; Melbourne, 1981. P. 42–44, 49–51.*

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ В рамках данной статьи затрагивается лишь вопрос о критерии моральной действительности закона, но не его юридической действительности. Иными словами, речь идет о моральной обязанности соблюдать закон, обсуждение

позитивного закона и «позитивной морали». Этот критерий должен быть независим от законодателя, в случае права, и от общества, в случае «неписаных законов» поведения¹⁸. Исходя из этого понимания, попытаемся сравнить представления Протагора и Антифона о человеческой природе и проанализировать, насколько природа в интерпретации каждого из этих софистов способна служить критерием действительности закона и наличия моральной обязанности следовать ему. При этом рассмотрение вопроса о правомерности самого принципа обращения к природе для определения этического обязательства¹⁹ не входит в задачу исследования. Задача заключается в том, чтобы, оставаясь в рамках собственной логики софистов, попытаться понять, насколько предложенные ими концепции человеческой природы способны предоставить ориентиры для индивидуального поведения в ситуации, когда закон и конвенциональная мораль с этим уже не справлялись.

2. Протагор

Старший и наиболее известный представитель софистики Протагор в первом приближении понимал природу как заложенные в человеке способности: «Для учения нужны природные способности и упражнение» (фр. В3)²⁰.

Однако в диалоге Платона «Протагор», где обсуждается вопрос о том, можно ли научить и научиться добродетели, Протагор рассказывает миф, свидетельствующий, что понимание им человеческой природы, возможно, шире, нежели следует из приведенного фрагмента²¹. Согласно мифу боги сделали людей и животных в глубине Земли из смеси земли и огня и приказали Прометею и Эпиметею распреде-

которой только и было возможно в Древней Греции, где не было профессиональных юристов.

¹⁸ См.: *Maguire J.P. Plato's Theory of Natural Law // Yale Classical Studies / Ed. by A.R. Bellinger. Vol. 10. New Haven, 1947. P. 151.*

¹⁹ Пример критики такого обращения см. у К. Поппера: *Popper K.R. The Open Society and its Enemies. Vol. I. The Spell of Plato. L., 1947. P. 52–54.*

²⁰ *Маковельский А.О. Софисты. Вып. 1. Баку, 1940. С. 16.*

²¹ Вопрос об аутентичности мифа спорен, и многие исследователи отводят Платону значительную роль в авторстве мифа. Тем не менее наиболее вероятно, что в основных своих чертах миф принадлежит историческому Протагору. См. об этом: *Maniwald B. Protagoras' Myth in Plato's "Protagoras": Fiction or Testimony? // Protagoras of Abdera: The Man, His Measure / Ed. by J. M. van Ophuijsen, M. van Raalte, P. Stork. Leiden, 2013. P. 176.*

лить между ними способности, подобающие каждому роду. Эпиметей уговорил Прометея доверить распределение ему. Однако, наделив животных силой, быстротой, способностью летать, когтями, толстой шкурой или другими свойствами, необходимыми для защиты и добычи пропитания, Эпиметей не оставил ничего для людей. Прометей обнаружил упущение уже в день, когда человек должен был выйти из-под земли, и решился на отчаянный шаг. Он украл премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем и подарил его людям, благодаря чему те смогли изобрести жилища, одежду, обувь, постели и добыть пропитание из почвы (319d–322a)²². Но люди сначала не обладали искусством жить сообществом и поодиночке не могли защититься от диких зверей. Попытки объединиться и построить города заканчивались неудачей, поскольку люди сразу же начинали обижать друг друга. Тогда Зевс даровал им стыд (αἰδώς²³) и справедливость (δίκη²⁴), распределив их между всеми людьми так, чтобы каждый без исключения оказался к ним причастным (322b–d)²⁵.

На первый взгляд по смыслу мифа αἰδώς и δίκη представляют собой важные элементы человеческой природы, благодаря которым только и возможно мирное сосуществование людей в обществе. Но не все исследователи признают естественный характер αἰδώς и δίκη. Так, Дж. Керферд отождествляет их с добродетелями σωφροσύνη и δικαιοσύνη и считает, что, по Протагору, они приобретаются в результате обучения²⁶. Такой вывод он делает, в частности, на основании того, что стыд и справедливость, в отличие от технического мастерства, получены людьми уже после того, как они начали свою жизнь на земле. Еще одним аргументом в пользу искусственного характера стыда и справедливости Дж. Керферд считает слова Протагора, произнесенные софистом уже после изложения мифа: «А еще я попытаюсь тебе доказать, что добродетель эта не считается врожден-

²² См.: Платон. Протагор / Пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева // Собрание сочинений в 4 т. Т. I. М., 1990. С. 430–431.

²³ В англоязычной литературе αἰδώς часто переводится как «взаимное уважение» — “mutual respect”.

²⁴ Вл. С. Соловьев переводит здесь δίκη как «правда», однако слово «справедливость», без сомнения, более точно передает смысл древнегреческого понятия в данном контексте. Понимание δίκη как справедливости в современной зарубежной критической литературе является общепринятым.

²⁵ См.: Платон. Протагор. С. 431–432.

²⁶ См.: Kerferd G.B. Protagoras’ Doctrine of Justice and Virtue in the “Protagoras” of Plato // The Journal of Hellenic Studies. 1953. Vol. 73. P. 42–43.

ной и возникающей самопроизвольно, но что ей научаются, и если кто достиг ее, так только прилежанием» (323c)²⁷.

Другие ученые спорят с Дж. Керфердом. Так, по мнению Дж. Макгвайра, очень трудно согласиться с тем, что αἰδώς и δίκη, дарованные всем людям Зевсом, могут быть не «от природы»²⁸. Но если это природные свойства человека, тогда что они собой представляют? На этот вопрос трудно ответить, поскольку сам Протагор не проясняет центральные понятия своей этики; скорее, он извлекает их из здравого смысла без какого-либо обсуждения, поскольку считает самоочевидными²⁹.

Интересно, что в мифе как таковом (320c8–322d5) присутствуют лишь понятия αἰδώς и δίκη, тогда как добродетели σωφροσύνη и δικαιοσύνη появляются в тексте уже после того, как изложение мифа закончено и Протагор возвращается к обсуждению современных ему афинских демократических практик (323a). Это может рассматриваться как аргумент против полного отождествления αἰδώς и δίκη, с одной стороны, и σωφροσύνη и δικαιοσύνη — с другой.

Предположим, что значение этих двух пар терминов не тождественно; как тогда мы можем интерпретировать αἰδώς и δίκη? Одна возможная интерпретация состоит в том, чтобы принять их за зачатки морали, или эмбриональные добродетели³⁰, присутствующие в каждом, но нуждающиеся в развитии для того, чтобы превратиться в полноценные добродетели. Но тогда возникает большой соблазн приравнять αἰδώς и δίκη к способностям, о которых Протагор говорит во фрагменте В3, и перестает работать аналогия с искусствами (322c–d), которые рассматриваются в мифе не с точки зрения способностей к ним, а как уже сформированные виды мастерства.

Другое объяснение смысла αἰδώς и δίκη предлагает Б. Манувальд. Он исходит из противоречия между волей Зевса, согласно которой αἰδώς и δίκη должны быть распределены между всеми людьми, и его же законом, вводящим убийство для тех, кто не способен быть к ним причастным. По мнению Б. Манувальда, чтобы данное противоречие обрело смысл, не следует интерпретировать слова Зевса как

²⁷ Платон. Протагор. С. 433.

²⁸ См.: Maguire J.P. Protagoras... or Plato? II. The “Protagoras” // Phronesis. 1977. Vol. 22. No. 2. P. 111.

²⁹ См.: Levi A. The Ethical and Social Thought of Protagoras // Mind. 1940. Vol. 49. Iss. 194. P. 296.

³⁰ Ibid. P. 294.

утверждение, что природа уже полностью снабдила каждого человека всеми необходимыми социальными навыками. Скорее, его следует понимать как указание на абсолютную важность и необходимость таких навыков, заставляющую индивида прилагать все возможные усилия для их обретения, чтобы не быть исключенным из человеческого общества³¹.

Универсальный характер αἰδώς и δίκη у Протагора часто побуждает рассматривать его как теоретика, который одним из первых предпринял попытку обосновать социальную природу человека. Так, А. Леви заключает, что доктрины Протагора предвещают учение Аристотеля о том, что человек по природе — существо социальное³².

Однако необходимо рассмотреть и противоположные аргументы. Например, согласно анализу М. МакКой Протагор в мифе рисует человеческую природу как включающую в себя несколько «слоев»: материя, из которой сделан человек (смесь земли и огня); техническое мастерство, служащее ему компенсацией силы, быстроты и других свойств, которыми наделены животные для своей защиты и добычи пропитания; наконец, социальные качества, дарованные Зевсом³³. У человека в дополитическом (дообщественном) состоянии нет иной цели, помимо своего собственного физического благополучия. Хотя формально αἰδώς и δίκη даруются человеку Зевсом, этот дар вынужденный, поскольку без него люди не способны защититься ни друг от друга, ни от диких зверей. По мнению М. МакКой, главная мысль Протагорова мифа заключается в том, что техническая мудрость недостаточна для того, чтобы обеспечить выживание человека. Тогда как технические навыки способствуют выживанию, политическое общество необходимо для существования человека. Справедливость и стыд вместе с украденным мастерством служат заменой физических защитных свойств, таких, как густая шерсть, скорость передвижения, когти, умение летать и т.п., которыми люди в отличие от животных не обладают.

³¹ См.: *Manuwald B.* Op. cit. P. 175.

³² См.: *Levi A.* Op. cit. P. 296.

³³ См.: *McCoy M.* Protagoras on Human Nature, Wisdom, and the Good: The Great Speech and the Hedonism of Plato's "Protagoras" // *Ancient Philosophy.* 1998. Vol. 18. No. 1. P. 21–39. Хотя М. МакКой делает оговорку, что ее в данной статье интересует лишь герой диалога Платона «Протагор», а не исторический Протагор, все же мы можем полагаться на результаты ее анализа постольку, поскольку исходим из гипотезы, что миф Протагора, переданный в диалоге, в основных своих чертах аутентичен.

Такой взгляд на человеческую природу, полагает М. МакКой, противоположен взгляду Аристотеля; ведь последний связывает специфические качества живого существа с его целью: человек должен пользоваться разумом, поскольку разум — неотъемлемое свойство человеческой природы. Для человеческого существа, по Аристотелю, размышлять — это и есть «быть» в полном смысле слова. Для Протагора же связь между существованием и разумом другая: мы размышляем ради того, чтобы продолжать существование³⁴.

Доказывая Сократу, что люди считают всякого человека причастным к справедливости и другим гражданским добродетелям, Протагор приводит в пример несправедливого человека, который вздумал бы всем открыто объявить о своей несправедливости (323b—c). По словам Протагора, такую правдивость немедленно сочли бы безумием: «Ведь считается, что каждый, каков бы он ни был на самом деле, должен провозглашать себя справедливым, а кто не прикидывается справедливым, тот не в своем уме»³⁵. М. МакКой полагает, что этот пример, скорее, демонстрирует конфликт в понимании Протагором человеческой природы, поскольку выдает, что для него поведение, диктуемое благоразумием (в эгоистическом смысле), более естественно, нежели действие, которое следует велениям справедливости.

Теперь обратимся к тому, как Протагор интерпретирует «номос» (закон). В этой интерпретации можно выделить следующие аспекты. Во-первых, Протагор характеризует законы как «изобретение славных древних законодателей» (326d)³⁶, что указывает на почтительное отношение к закону, характерное, скорее, для предшествующей эпохи. Во-вторых, Протагор рассматривает «номос» в контексте системы обучения добродетели, когда первоначальный этап школьного образования завершается и сыновья наиболее богатых родителей имеют возможность продолжить обучение, осваивая в дополнение к добрым нравам, приобретенным в школе, еще и законы полиса (326c—e)³⁷.

Нам не известно ни одного высказывания Протагора и ни одного свидетельства о нем, в котором он бы интерпретировал νόμος как конвенцию. Тем не менее некоторые из его идей (или идей, приписываемых ему Платоном) достаточно близко подходят к такому пониманию. Во-первых, это мысль об относительном характере законов, которую

³⁴ См.: *McCoey M.* Op. cit. P. 21—39.

³⁵ *Платон.* Протагор. С. 433.

³⁶ Там же. С. 436.

³⁷ См.: там же. С. 435—436.

высказывает Сократ от имени Протагора в диалоге «Тезетт»: «Ведь что каждому городу представляется справедливым и прекрасным, то для него и есть таково, пока он так считает» (167c)³⁸. Во-вторых, это уже упоминавшееся представление о вынужденном характере дарования человеку стыда и справедливости, без которых люди в силу своей физической слабости не способны наладить мирное сосуществование и защититься от диких животных. Похожий взгляд озвучивает Главкон во второй книге диалога Платона «Государство», объясняя значение справедливости как вынужденного компромисса между тем, чтобы творить несправедливость безнаказанно, и тем, чтобы терпеть ее, когда ты не в силах отплатить (358e-359a-c)³⁹.

Здесь мы приходим еще к одному противоречию. Если αἰδώς и δίκη — свойства, приобретаемые человеком вынужденно, под влиянием суровой жизненной необходимости, могут ли они рассматриваться как неотъемлемые элементы человеческой природы? Скорее, в этом случае они будут принадлежать к сфере «номоса» (в широком значении конвенции) и будут носить искусственный, а не врожденный характер.

Это возвращает нас к идее Дж. Керферда о том, что стыд и справедливость, по мысли Протагора, не являются природными качествами человека, но, напротив, могут быть отождествлены с гражданскими добродетелями, приобретаемыми в ходе обучения. По мнению Дж. Керферда, следующий за мифом логос (рассуждение), в котором речь идет об обучении общественным добродетелям в течение всей жизни человека, представляет собой не продолжение мифа, но, скорее, альтернативу ему. Универсальную систему обучения добродетели, обрисованную Протагором в логосе, необходимо рассматривать как утверждение, альтернативное утверждению о даровании стыда и справедливости Зевсом в мифе. И то, и другое обозначает одно и то же — образование в вопросах добродетели, которое получают все люди в обществе⁴⁰.

Каковы же в таком случае представления Протагора о человеческой природе? Во-первых, они связаны с изначальным определением природы человека как способностей к обучению; но это определение

³⁸ Платон. Тезетт / Пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 222.

³⁹ См.: Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Диалоги. М., 2006. С. 380.

⁴⁰ См.: Kerferd G.B. Protagoras' Doctrine of Justice and Virtue in the "Protagoras" of Plato. P. 44.

ничего не дает индивиду, интересы которого вошли в противоречие с требованиями полиса. Во-вторых, к такому пониманию добавляется первостепенность целей выживания и физического благополучия, ради достижения которых человек развивает в себе рассудительность и иные общественные добродетели. Предоставляет ли такое понимание природы необходимый ориентир для индивида в случае конфликта с социумом?

У Протагора не много можно найти для ответа на этот вопрос. Пожалуй, только косвенный совет скрывать свою несправедливость, если уж пришлось ее совершить (323b–c). Вероятно, прикидываясь справедливым, человек способен и удержать выгоды, приобретенные в результате дурного поступка, и избежать наказания со стороны общества, т.е. сохранить безопасность. Возможно, такое поведение и такие цели и находятся в согласии с человеческой природой, как ее представляет себе Протагор, однако это не объясняет, как могут быть гармонизированы индивидуальное и общественное благо в случае, если они вступают в противоречие друг с другом.

Из диалога «Теэтет» известна еще одна идея Протагора, относящаяся к возможности разрешения конфликта между индивидуальными и общественными интересами. Вслед за уже известным высказыванием о том, что справедливость — это то, что является таковым в представлении каждого города, Сократ от имени Протагора добавляет: «Однако мудрец вместо каждой дурной вещи заставляет достойную и быть и казаться городам справедливой» (167c)⁴¹. Вероятно, речь идет о возможности предлагать изменения в городские законы, если последние неразумны и несправедливы. Данная возможность представляется сомнительной по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, она доступна лишь мудрецам, а не большинству граждан. Во-вторых, неясно, на основании каких критериев мудрец будет отличать хорошие законы от плохих, т.е. оценивать качество закона; ведь никаких ориентиров, помимо мнения города, Сократ от имени Протагора не обсуждает. В диалоге же «Протагор» (324e–325a) софист говорит о чем-то едином — человеческой добродетели (справедливости, рассудительности, благочестии), в чем необходимо участвовать всем гражданам, если только быть государству⁴². Однако что включает в себя это единое и в чем его отличие от представлений, господствующих в конкретном полисе, не объясняется.

⁴¹ Платон. Теэтет. С. 222.

⁴² Платон. Протагор. С. 434.

3. Антифон

Сегодня мы располагаем достаточно большим фрагментом из трактата Антифона «Об истине» (фр. DK 87 B44 с учетом уточнений, опубликованных в 1984 г.)⁴³, который до сих пор служит предметом широкого научного обсуждения. Начало первого известного нам предложения фрагмента утеряно, к большому сожалению, поскольку именно в этом предложении Антифон обсуждает вопрос о человеческой природе.

Вот как начинается этот фрагмент: «...из знакомых нам обществ мы понимаем и уважаем; а принадлежащие дальним народам мы не понимаем и не уважаем. Это значит, что мы стали варварами по отношению друг к другу, потому что по природе мы все одинаково способны быть как варварами, так и греками».

Основываясь на значении глагола *σέβω* (поклоняться, чтить, питать уважение), Ф. Деклева Кайцци предполагает, что речь в данном предложении идет либо о богах, либо о законах, либо о тех и других вместе, и, наиболее вероятно, цель текста заключается в том, чтобы подчеркнуть абсурдность приписывания ценности лишь тому, что принадлежит собственной группе, и отказа в такой ценности достоянию другой группы на единственном основании, что та группа проживает вдалеке от собственной⁴⁴.

По мнению Ф. Деклевы Кайцци, данное полемическое утверждение основывается на научной концепции биологического равенства, подтверждаемого общностью органических функций для всех людей⁴⁵: «Это очевидно, если мы рассмотрим качества, которые по природе необходимы всем человеческим существам, и те способности, которые имеются у всех; в отношении этих качеств варвары не отличаются от греков. Мы все вдыхаем воздух через рот и ноздри; и мы все веселимся, когда чувствуем радость, или плачем от боли; мы слышим звуки нашими ушами; мы видим, когда солнечный свет взаимодействует с нашими зрительными способностями; мы работаем с помощью рук и ходим с помощью ног...» (DK 87 B44A, col. 1–3).

Приведенный отрывок нередко рассматривался как довод в пользу того, что Антифон — сторонник доктрины биологического равен-

⁴³ Если не указано иное, данный фрагмент в переводе автора статьи с английского цитируется по: *Ostwald M. Op. cit.*

⁴⁴ См.: *Decleva Caizzi F. "Hysteron proteron": la nature et la loi selon Antiphon et Platon // Revue de Métaphysique et de Morale. 1986. Т. 91. No. 3. P. 293–294.*

⁴⁵ *Ibid.*

ства, на основании которой он полностью отвергал позитивный закон как навязанный извне. В честности, К. Поппер характеризует позицию Антифона как «гуманистическую и эгалитарную версию биологического натурализма»⁴⁶ и приписывает ему отождествление закона с мнением, а природы — с истиной.

Сегодня исследователи более осторожны в интерпретации эгалитаризма Антифона. Так, по версии М. Гагарина, фрагмент 44А явно предполагает два противоположных тезиса. С одной стороны, греки и варвары различаются, и глагол $\beta\epsilon\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\acute{\omega}\mu\epsilon\theta\alpha$ подразумевает, что варвары (в противоположность грекам) обладают определенными узнаваемыми, притом негативно оцениваемыми, характеристиками. С другой стороны, Антифон утверждает, что греки и варвары одинаковы, и это подтверждается «необходимыми по природе качествами», такими как дыхание, смех и т.п. По мнению М. Гагарина, идея Антифона заключается не просто в том, что греки и варвары равны от природы и различны согласно конвенции, но также и в том, что греки как отличаются от варваров, так и одинаковы с ними. Здесь истина предстает как сложная комбинация двух противоположных аргументов⁴⁷.

Разумеется, в сравнении с Протагором противопоставление природы и человеческих установлений у Антифона выражено более резко: «Потому что предписания законов случайны, тогда как предписания природы неотвратимы ($\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\chi\alpha\acute{\iota}\alpha$)⁴⁸; предписания законов, основанные на соглашениях, существуют не по природе, тогда как предписания природы, будучи естественными, не основываются на соглашениях» (44В, col. 1). Подчеркивая важность данного утверждения, М. Оствальд отмечает, что оно представляет собой не только самую раннюю отчетливую формулировку договорной теории, дошедшую до нас от греков, но также, в отличие от современных ей интерпретаций закона ($\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$), подобных Протагоровой, не обращается к историческому развитию, чтобы объяснить его характер. Исходя из молчаливого предположения, что все законы — дело рук человека, Антифон принимает соглашение между гражданами как их беспорное основа-

⁴⁶ Popper K.R. Op. cit. P. 58.

⁴⁷ См.: Gagarin M. The Truth of Antiphon's "Truth" // The Society for Ancient Greek Philosophy Newsletter. 1991. P. 7–8. URL: <http://orb.binghamton.edu/sagp/190/> (дата обращения: 12.10.2018).

⁴⁸ А.О. Маковельский переводит $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\chi\alpha\acute{\iota}\alpha$ как «необходимы». См.: Маковельский А.О. Софисты. Вып. 2. Баку, 1941. С. 44.

ние, хотя мы и не знаем, является ли это оригинальной теорией Антифона или взглядом, заимствованным у предшественников⁴⁹.

Исследователи сходятся во мнении, что Антифон не предлагает какую-то определенную концепцию человеческой природы. Говоря о предписаниях природы, он, наиболее вероятно, имеет в виду базовые биологические требования⁵⁰, и, прежде всего, требование самосохранения: «Жить принадлежит природе, так же, как и умирать; и жизнь сохраняется благодаря вещам полезным, тогда как смерть бывает вызвана вещами, которые не полезны» (44В, col. 3–4). Как замечает Ф. Деклева Каицци, многие идеи Антифона отражают опыт афинской общественной жизни, воспринимаемый с позиции, подчеркивающей непригодность действующих правил для удовлетворения индивидуальных потребностей. Обращение к природе в контексте признания жизни и смерти единственными критериями для оценки пользы или вреда; связь между полезным и приятным, с одной стороны, и вредным и мучительным — с другой (44В, col. 4); утверждение, что закон не может защитить индивидов, даже если они следуют ему (44В, col. 5), особенно в ситуации, когда они являются пострадавшей стороной; упоминание о судебной процедуре и убедительных аргументах как о том, что сильнее правды и лжи (44В, col. 6–7) — все предполагает мораль, главным образом, эгоистическую, направленную на самозащиту, искусную в самооправдании путем указания на неспособность правосудия и закона обеспечить индивидуальную безопасность⁵¹.

Дж. Реале и Д. Антисери полагают, что «Антифон утверждал в терминах элеатов, что природа — это истина, а позитивное право — мнение...»⁵². Подтверждением этой точки зрения мог бы служить отрывок, в котором Антифон рассуждает о последствиях нарушения человеческих установлений и предписаний природы. В первом случае нарушитель несет наказание лишь тогда, когда его проступок обнаружен, во втором — расплата наступает неминуемо вне зависимости от того, осталось нарушение тайным или открылось: «Ибо (в этом случае) вред причиняется не вследствие мнения (людей), но поис-

⁴⁹ См.: *Ostwald M.* Op. cit. P. 298.

⁵⁰ *Declava Caizzi F.* Protagoras and Antiphon: Sophistic Debates on Justice. P. 324.

⁵¹ *Ibid.* P. 324–325.

⁵² *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней / Пер. с итал. С.А. Мальцевой. Т. I. СПб., 1997. С. 60. Выше приводилось аналогичное утверждение К. Поппера.

тине» (44В, col. 2)⁵³. М. Гагарин, который считает, что связь между идеями элеатов и Антифона не столь прямолинейна, выдвигает предположение, что цель последнего — не противопоставить истинные пользу и вред согласно природе ложным пользе и вреду согласно закону, но, скорее, подчеркнуть, что утверждаемые законом представления о пользе и вреде зависят от суждений других членов общества. Вред, считающийся таковым вследствие мнения, может быть столь же истинным, или реальным, как и вред по природе. Поэтому как природа, так и закон могут обладать определенной ценностью. Кроме того, из дальнейшего рассуждения Антифона следует, что польза жизни и вред смерти одинаково принадлежат природе и что страдания могут наравне с радостью быть полезными для людей по природе. Эти утверждения, по мнению М. Гагарина, не только ставят под сомнение безоговорочную полезность природы, но также подразумевают, что истина по меньшей мере в том, что касается пользы, может быть более сложной, чем это обычно полагают. Поэтому М. Гагарин считает, что во фрагменте 44В Антифон демонстрирует непоследовательность общераспространенных взглядов на νόμος и φύσις, вред и пользу, не формулируя по этому поводу какого-либо собственно вывода⁵⁴.

Следует отметить, что традиция приписывания Антифону идеи тождественности природы и истины, вероятно, восходит к Платону, который в диалоге «Законы» (889c–d) разоблачает некие учения, связывающие природу и истину и отказывающие большинству искусств в причастности как к природе, так и к истине. Ф. Деклева Каицци полагает, что, хотя имя автора учения Платон не упоминает, все же из числа писателей V в. до н.э. — авторов работ об истине (а трактаты с таким названием имелись еще у Протагора и у Антисфена) — Антифон для Платона — наиболее очевидная мишень⁵⁵.

Рассматривает ли Антифон природу в качестве стандарта, с которым необходимо соотносить полисные установления? Поскольку не все, что проистекает из природы, полезно для человека (ведь смерть тоже принадлежит природе), нельзя утверждать, что природа как таковая выступает для Антифона стандартом для действия и окон-

⁵³ Фраза дается в переводе А.О. Маковельского. См.: *Маковельский А.О. Сократы*. Вып. 2. С. 44.

⁵⁴ См.: *Gagarin M.* Op. cit. P. 7.

⁵⁵ См.: *Decleva Caizzi F.* “Hysteron proteron”: la nature et la loi selon Antiphon et Platon. P. 303.

чательным благом. Только полезные вещи, имеющие своим источником природу, рассматриваются им как желательные. Иными словами, стандартом согласно Антифону выступает не природа сама по себе, а лишь то, что «полезно по природе»⁵⁶.

Интересно, что «полезно по природе» вовсе не означает «справедливо по природе». Антифон не рассматривает справедливость как принадлежащую миру природы; скорее, он обсуждает распространенные в обществе взгляды на справедливость, не идентифицируя свою позицию ни с одним из них. Согласно одному из общепринятых представлений справедливость сводится к соблюдению закона. «Итак, справедливость состоит в том, чтобы не нарушать установления (νόμῳ) города, гражданином которого человек является» (44В, col. 1). Во фрагменте 44С Антифон обсуждает еще один вид справедливости: «справедливость, если к ней относиться серьезно», заключается в том, чтобы не причинять вред кому-либо, если он, в свою очередь, не причинил вред тебе. Если руководствоваться этим предписанием, то окажется, что несправедливость совершает свидетель, дающий в суде показания против человека, который никогда его не обижал. Ни сам Антифон, ни кто-либо из комментаторов не связывает этот последний вид справедливости с природой; напротив, его рассматривают как такой же общераспространенный взгляд на справедливость, как и тот, который отождествляет ее с соблюдением законов⁵⁷. По мнению М. Гагарина, Антифон вводит это понимание справедливости не для того, чтобы подчеркнуть его преимущество по сравнению с первым (невероятно, чтобы Антифон призывал свидетелей давать ложные показания, чтобы защитить своих друзей, потому что такие показания с большой долей вероятности причинят вред кому-то другому, кто также никакой обиды свидетелю не наносил)⁵⁸. Скорее, он делает это, чтобы обратить внимание читателя на некоторые двусмысленности и противоречия в представлениях о справедливости. Поведение, справедливое в одном отношении, будет несправедливым в другом, и ни одно из двух определений полностью не отражает суть справедливости. Иными словами, истина (ἀλήθεια) снова оказывается настолько же сложной и противоречивой, насколько сложна и противоречива сама жизнь; продемонстри-

⁵⁶ См.: *Kerferd G.B. The Moral and Political Doctrines of Antiphon the Sophist. A Reconsideration // The Cambridge Classical Journal. 1957. Vol. 4. P. 31–32.*

⁵⁷ См.: *Gagarin M. Op. cit. P. 8.*

⁵⁸ *Ibid.*

ровать это и было задачей, которую ставил перед собой Антифон⁵⁹. Дж. Керферд пишет, что Антифон, подобно Сократу, последовательно подвергает разбору различные взгляды на справедливость, присутствующие в традиции либо в современной ему полемике, либо модификации таких взглядов⁶⁰. Принимая во внимание род деятельности софистов, их методы и область интересов, такой вывод представляется вполне оправданным.

Таким образом, справедливость у Антифона тесно связана с позитивным правом и конвенциональной моралью. Не всегда ясно, до какой степени он ассоциирует понятие νόμος с писанным законом. В некоторых абзацах эта ассоциация практически неоспорима: упоминание свидетелей, в присутствии которых важно следовать требованиям закона; использование глагола νενομοθέτηται (предписывать, вводить в действие) тогда, когда обсуждается νόμος; и особенно утверждение, что законы не предоставляют защиту (ἐπιχοῦρησις) тем, кто принимает на себя более строгие моральные обязательства по сравнению с требованиями закона. Однако во фрагменте 44В (col. 2–3) говорится о законах, предписывающих глазам видеть то, что они должны, а что — нет, ушам — слышать то, что они должны, а что — нет, языку — произносить то, что он должен, а что — нет, и т.д. Эти строки наводят на мысль, что значение слова νόμος не может быть сведено лишь к юридическим установлениям и, вероятнее всего, включает также моральные предписания, исходящие от общества⁶¹.

Хотя критическое отношение Антифона к нормам позитивной морали и права не вызывает сомнений, все же нет достаточных оснований, чтобы утверждать, будто Антифон полностью отвергает νόμος в пользу φύσις. С самого начала во фрагменте говорится о том, что индивид может прибегать к справедливости, извлекая из этого пользу, когда он подчеркивает важность законов в присутствии свидетелей (44В, col. 1). Обсуждая требования, способствующие сохранению жизни, Антифон включает в их число как те, что обеспечиваются позитивной санкцией, так и санкционированные самой природой (44В, col. 4). При этом первые, хотя и характеризуются как «оковы для природы», не становятся от этого менее полезными для сохранения жиз-

⁵⁹ См.: *Gagarin M.* Op. cit. P. 8.

⁶⁰ См.: *Kerferd G.B.* The Moral and Political Doctrines of Antiphon the Sophist. A Reconsideration. P. 31.

⁶¹ См.: *Ostwald M.* Op. cit. P. 297.

ни. По мнению М. Оствальда, характеристика этих требований как оков просто означает, что для того, чтобы пользоваться преимуществами, предоставляемыми законом, мы должны пожертвовать чем-то в нашей природе. Как объясняется в следующем предложении, это «что-то» относится к претерпеваемым нами неудобствам, а также к радостям, от которых нам приходится отказываться⁶².

Следует согласиться с М. Оствальдом в том, что тема трактата Антифона «Об истине» — это не противопоставление видимости (δόξα) конвенциональных и истинности (ἀλήθεια) естественных ценностей; равно как и не полное отвержение требований закона и морали, вступающих в противоречие с природой. Скорее, Антифон хотел очертить преимущества, приобретаемые человеком, если он следует предписаниям либо общества, либо природы. Частичная истина может быть найдена и в том, и в другом⁶³.

Позицию Антифона, таким образом, можно охарактеризовать как всецело эгоистическую. Он даже не пытается, в отличие от Протагора, совместить индивидуальный интерес и общественное благо, поэтому его концепция природы не претендует на то, чтобы предоставить человеку какой-либо универсальный стандарт, отличный от пользы, понимаемой исключительно с точки зрения здравого смысла. Поэтому в споре между природой и конвенцией Антифон, по сути, предлагает руководствоваться соображениями удобства: постольку, поскольку это удобно, нужно следовать закону, однако если полезность действий по закону вызывает сомнения, а польза требований природы очевидна, то лучше обратиться к природе. При такой интерпретации природа и конвенция предстают как два разных мира; можно выбрать, велениям какого из них следовать в конкретном случае, но примирить их в рамках целостного объяснения практически невозможно.

4. Заключение

Софисты появляются на интеллектуальной сцене в тот период, когда разрушается традиционная гармония между интересами классического полиса и индивида, начинает осознаваться искусственный характер социальных норм и возникает потребность в осмыслении возникшего противоречия, чтобы найти взамен традиционных представлений новые, рациональные основания для гармоничного со-

⁶² См.: *Ostwald M.* Op. cit. P. 300.

⁶³ *Ibid.* P. 303.

существования человека и социума. В этих условиях природа человека выступила удобным концептом, который мог предоставить необходимые ориентиры для примирения индивидуальных и общественных интересов.

Протагор и Антифон были первыми мыслителями, сформулировавшими вопрос о человеческой природе и ее соотношении с законами и обычаями полиса. Обоих объединяет взгляд на природу человека с точки зрения индивидуальных потребностей, центральной из которых является потребность в безопасности и выживании. Хотя Протагор и делает попытку связать интересы индивида и социального целого с помощью понятия универсальной добродетели, ее нельзя признать успешной, поскольку Протагору не удается обосновать социальную природу человека. Не получается у него предоставить и обоснование ценности закона, который выступает у Протагора лишь средством, пусть и важнейшим, следуя которому индивид может избежать неприятностей, подобных судебному преследованию или общественному порицанию. Точно так же и для Антифона закон является средством достижения индивидуально полезного и лишен какой-либо внутренней ценности.

Если Протагор лишь подходит к идее о конвенциональном характере законов, то Антифон уже четко ее формулирует. Пытаясь примирить индивидуальное и социальное начала, Протагор выступает с апологией законопослушного поведения, хотя, по всей видимости, допускает исключения из общей необходимости следовать закону. Антифон же совершенно спокойно обсуждает возможность нарушения закона; очевидно, что это не составляет для него нравственной проблемы, если только приводит к полезному для индивида результату.

В конечном счете ни один из софистов так и не смог предложить убедительный способ разрешения конфликта между индивидуальными интересами, вытекающими из человеческой природы, и требованиями социального целого, выраженными в законах, а также нормах обычая и морали. Единственным вариантом поведения, предложенным софистами индивиду в случае возникновения такого конфликта, является рекомендация (явная у Антифона и завуалированная у Протагора) нарушить закон. Вероятно, Протагор выступал также с идеей законодательных изменений, инициированных по совету мудреца (софиста). Однако эту идею сложно рассматривать как действенный способ разрешения конфликта между индивидом и полисом, поскольку, с одной стороны, мудрость софиста носит эксклюзивный характер, не являясь общим качеством всех граждан; с другой стороны, Прота-

гор как мудрец не предлагает ясных критериев для оценки справедливости закона.

Равным образом и рекомендацию нарушить закон в случае, если он противоречит индивидуальным интересам и природе человека, нельзя признать адекватным решением проблемы. Неудовлетворительность такого решения видна из одобрения Антифоном лишь тайного нарушения закона, с надеждой избежать наказания, без предъявления социуму аргументов, которые обосновывали бы неповиновение. Если такая модель поведения и способна в некоторых случаях обеспечить индивиду выход из конкретной ситуации, то для теоретического решения проблемы она ничего не дает.

Несомненной заслугой Протагора и Антифона является постановка вопроса о соотношении природы человека и требований социума, как правило, выраженных в нормах закона и морали. Провозглашение софистами, в открытой либо завуалированной форме, конвенционального (искусственного) характера законов побудило Платона к неустанной, на протяжении всей жизни, полемике с ними, которая и привела к возникновению традиции естественного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. с нем. А.И. Любжина. Т. 1. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2001.

Луковская Д.И. Становление политико-правовой мысли в Древней Греции // История государства и права. 2008. № 11. С. 25–29.

Маковельский А.О. Софисты. Вып. 1. Баку: Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова, 1940.

Маковельский А.О. Софисты. Вып. 2. Баку: Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова, 1941.

Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова // Платон. Диалоги. М.: АСТ; АСТ Москва; Пушкинская библиотека, 2006. С. 374–454.

Платон. Протагор / Пер. с древнегреч. Вл. С. Соловьева // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 418–476.

Платон. Тезет / Пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192–274.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней / Пер. с итал. С.А. Мальцевой. Т. 1. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.

Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогий до возникновения атомистики / Сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

Barney R. Callicles and Thrasymachus // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/callicles-thrasymachus/> (дата обращения: 28.10.2018).

Decleva Caizzi F. “Hysteron proteron”: la nature et la loi selon Antiphon et Platon // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1986. T. 91. No. 3. P. 291–310.

Decleva Caizzi F. Protagoras and Antiphon: Sophistic Debates on Justice // *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy* / Ed. by A.A. Long. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 311–331. DOI: 10.1017/ccol0521441226.015

Gagarin M. The Truth of Antiphon’s “Truth” // *The Society for Ancient Greek Philosophy Newsletter*. 1991. URL: <http://orb.binghamton.edu/sagp/190/> (дата обращения: 12.10.2018).

Kelly J.M. *A Short History of Western Legal Theory*. Oxford: Clarendon Press, 2007.

Kerferd G.B. The Moral and Political Doctrines of Antiphon the Sophist. A Reconsideration // *The Cambridge Classical Journal*. 1957. Vol. 4. P. 26–32. DOI: 10.1017/s1750270500012203

Kerferd G.B. *The Sophistic Movement*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1981.

Kerferd G.B. Protagoras’ Doctrine of Justice and Virtue in the “Protagoras” of Plato // *The Journal of Hellenic Studies*. 1953. Vol. 73. P. 42–45. DOI: 10.2307/628234

Levi A. The Ethical and Social Thought of Protagoras // *Mind*. 1940. Vol. 49. Iss. 194. P. 284–302. DOI: 10.1093/mind/xlix.194.284

Maguire J.P. Plato’s Theory of Natural Law // *Yale Classical Studies* / Ed. by A.R. Bellinger. Vol. 10. New Haven: Yale University Press, 1947. P. 151–178.

Maguire J.P. Protagoras... or Plato? II. The “Protagoras” // *Phronesis*. 1977. Vol. 22. No. 2. P. 103–122. DOI: 10.1163/156852877x00029

Manuwald B. Protagoras’ Myth in Plato’s “Protagoras”: Fiction or Testimony? // *Protagoras of Abdera: The Man, His Measure* / Ed. by J. M. van Ophuijsen, M. van Raalte, P. Stork. Leiden: BRILL, 2013. P. 163–177. DOI: 10.1163/9789004251243_009

McCoy M. Protagoras on Human Nature, Wisdom, and the Good: The Great Speech and the Hedonism of Plato’s “Protagoras” // *Ancient Philosophy*. 1998. Vol. 18. No. 1. P. 21–39. DOI: 10.5840/ancientphil199818110

Ostwald M. Nomos and Physis in Antiphon’s Περὶ Ἀληθείας // *Cabinet of the Muses: Essays in Classical and Comparative Literature in Honor of T.G. Rosenmeyer* / Ed. by M. Griffith and D.J. Mastronarde. Atlanta: Scholars Press, 1990. P. 293–307.

Popper K.R. *The Open Society and its Enemies*. Vol. I. *The Spell of Plato*. London: George Routledge & Sons Ltd, 1947.

REFERENCES

Barney, R. (2017). Callicles and Thrasymachus. In: E.N. Zalta, ed. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [online]. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/callicles-thrasymachus/> [Accessed 28 November 2018].

Decleva Caizzi, F. (1986). “Hysteron proteron”: la nature et la loi selon Antiphon et Platon. *Revue de Métaphysique et de Morale*, 91(3), pp. 291–310. (in Fr.).

Decleva Caizzi, F. (1999). Protagoras and Antiphon: Sophistic Debates on Justice. In: A.A. Long, ed. *The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 311–331. DOI: 10.1017/ccol0521441226.015

Gagarin, M. (1991). The Truth of Antiphon's "Truth". *The Society for Ancient Greek Philosophy Newsletter*, [online] pp. 1–9. Available at: <http://orb.binghamton.edu/sagp/190/> [Accessed 12 November 2018].

Jaeger, W. (1936). *Paideia. Die Formung des griechischen Menschen*. Erster Band. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co. (in Germ.). [Russ. ed.: Jaeger, W. (2001). *Paideiya. Vospitanie antichnogo greka* [Paideia: The Ideals of Greek Culture]. Translated from German by A.I. Lyubzhin. Volume I. Moscow: "Greko-latinskii kabinet" Yu. A. Shichalina].

Kelly, J.M. (2007). *A Short History of Western Legal Theory*. Oxford: Clarendon Press.

Kerferd, G.B. (1953). Protagoras' Doctrine of Justice and Virtue in the "Protagoras" of Plato. *The Journal of Hellenic Studies*, 73, pp. 42–45. DOI: 10.2307/628234

Kerferd, G.B. (1957). The Moral and Political Doctrines of Antiphon the Sophist. A Reconsideration. *The Cambridge Classical Journal*, 4, pp. 26–32. DOI: 10.1017/s1750270500012203

Kerferd, G.B. (1981). *The Sophistic Movement*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press.

Lebedev, A.V. cont. (1989). *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. Ot jepicheskikh teokosmogonij do vozniknovenija atomistiki* [The Fragments of the Early Greek Philosophers. Part I. From the Epic Theocosmogonies to the Birth of the Atomistics]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Levi, A. (1940). The Ethical and Social Thought of Protagoras. *Mind*, 49(194), pp. 284–302. DOI: 10.1093/mind/xlix.194.284

Lukovskaya, D.I. (2008). Stanovlenie politiko-pravovoi mysli v Drevnei Grecii [The Formation of Political and Legal Thought in Ancient Greece]. *Istorija gosudarstva i prava* [History of State and Law], (11), pp. 25–29. (in Russ.).

Maguire, J.P. (1947). Plato's Theory of Natural Law. In: A.R. Bellinger, ed. *Yale Classical Studies*. Volume 10. New Haven: Yale University Press, pp. 151–178.

Maguire, J. P. (1977). Protagoras... or Plato? II. The "Protagoras". *Phronesis*, 22(2), pp. 103–122. DOI: 10.1163/156852877x00029

Makovel'skii, A.O. (1940). *Sofisty* [The Sophists]. Issue 1. Baku: Azerbaidzhanskii Gosudarstvennyi Universitet im. S.M. Kirova. (in Russ.).

Makovel'skii, A.O. (1941). *Sofisty* [The Sophists]. Issue 2. Baku: Azerbaidzhanskii Gosudarstvennyi Universitet im. S.M. Kirova. (in Russ.).

Manuwald, B. (2013). Protagoras' Myth in Plato's "Protagoras": Fiction or Testimony? In: J.M. van Ophuijsen, M. van Raalte and P. Stork, eds. *Protagoras of Abdera: The Man, His Measure*. Leiden: Brill, pp. 163–177. DOI: 10.1163/9789004251243_009

McCoy, M. (1998). Protagoras on Human Nature, Wisdom, and the Good: The Great Speech and the Hedonism of Plato's "Protagoras". *Ancient Philosophy*, 18(1), pp. 21–39. DOI: 10.5840/ancientphil199818110

Ostwald, M. (1990). Nomos and Phusis in Antiphon's Περὶ Ἀληθείας. In: M. Griffith and D.J. Mastrorarde, eds. *Cabinet of the Muses: Essays in Classical and Comparative Literature in Honor of T.G. Rosenmeyer*. Atlanta: Scholars Press, pp. 293–307.

Plato. (1990). Protagor [Protagoras]. Translated from Ancient Greek by V.I. Solov'ev. In: *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [The Collected Works in Four Volumes]. Volume 1. Moscow: Mysl', pp. 418–476. (in Russ.).

Plato. (1993). Tejetet [Theaetetus]. Translated from Ancient Greek by T.V. Vasil'eva. In: *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [The Collected Works in Four Volumes]. Volume 2. Moscow: Mysl', pp. 192–274. (in Russ.).

Plato. (2006). Gosudarstvo [The Republic] / Translated from Ancient Greek by A.N. Egunov. In: Plato. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: AST: AST Moskva; Pushkinskaya biblioteka, pp. 374–454. (in Russ.).

Popper, K.R. (1947). *The Open Society and its Enemies. Volume I. The Spell of Plato*. London: George Routledge & Sons Ltd.

Reale, G. and Antiseri, D. (1983). *Il pensiero occidentale dalle origini ad oggi*. Brescia: La Scuola. (in It.). [Russ. ed.: Reale, G. and Antiseri, D. (1997). *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei*. [Western Philosophy from its Origins to the Present Day]. Translated from Italian by S.A. Mal'ceva. Volume I. Saint Petersburg: TOO TK "Petropolis"].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Баженова Елена Альбертовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

AUTHOR'S INFO

Elena A. Bazhenova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Institute of Law, A. and N. Stoletov Vladimir State University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Баженова Е.А. Истоки естественно-правового мышления в идеях древнегреческих софистов: Протагор и Антифон // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 9–33.

CITATION:

Bazhenova, E.A. (2019). The Origins of Natural Law Thinking in the Ideas of Ancient Greek Sophists: Protagoras and Antiphon. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 9–33.

ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА СТАРОВЕРОВА

Всероссийская академия внешней торговли

119285, Российская Федерация, Москва, ул. Пудовкина, д. 4а

E-mail: 4staroverova@mail.ru

SPIN-код: 5862-6530

ORCID: 0000-0003-3299-6650

«ПРОЖИТОК» КАК ВЕЩНОЕ ПРАВО НА ЗЕМЛЮ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Аннотация. Во второй половине XV в. в Московской Руси начала формироваться поместная система. Поместное право на землю предоставлялось государством или церковью под условием службы и только на срок службы. Помещики были не в праве распоряжаться землей, и поместья не наследовались. Это порождало вопросы о материальном обеспечении членов семей умерших помещиков, а также лиц, отставленных от службы. Они были решены при помощи института «прожитка», который предполагал выделение части поместной земли упомянутым лицам без обязанности служить с нее.

«Прожиток» являлся ограниченным вещным правом на землю, которое предоставлялось на время жизни его обладателя, без права распоряжаться полученной землей. Решение о предоставлении «прожитка» принималось собственником земли (государством или церковью) каждый раз индивидуально, по челобитью. Размер земельного участка, передаваемого «на прожиток», также определялся индивидуально для каждого случая. Общие правила определения размера «прожиточных поместий» появились лишь во второй четверти XVII в.

«Прожиток» мог быть предоставлен только помещикам или членам их семей, не способным служить с поместья и, таким образом, не имеющим основания для получения или сохранения полноценного поместного права на землю. Субъектами права «прожитка» чаще всего становились вдовы и незамужние дочери умерших помещиков, реже — их матери или незамужние сестры. «Прожиток» также могли получить помещики, отставленные от службы по старости или болезни, а также сыновья умерших помещиков, если они не могли поступить на службу по состоянию здоровья.

«Прожиток» чаще всего прекращался смертью или пострижением в монашество, а также браком, если субъектом права «прожитка» была женщина. Прекращение «прожитка» приводило к тому, что земля «отписывалась на государя», а затем снова передавалась какому-либо служилому человеку на поместном праве. Таким образом, режим «прожитка» только временно выводил землю из службы. При этом проблема дефицита поместных земель подталкивала собственников земли к тому, чтобы определить юридическую судьбу «прожиточных поместий» еще до того, как «прожиток» прекратился. Так возникло вещное право, известное как «пожид». «Пожид» можно назвать правом ожидания поместья: реализация поместного права при «пожиде» откладывается до того момента, как пре-

кратится владение землей на праве «прожитка». По ряду причин пожалования «в пожид» были запрещены в 1621–1622 гг.

Долгое время «прожиток» развивался как институт обычного права. Только в 1620-е гг. отношения, связанные с предоставлением «прожитка», стали подвергаться законодательному регулированию. Фундаментальную роль в развитии института «прожитка» сыграло Соборное уложение 1649 г., которое обобщило практический опыт и привело в систему указы о «прожитке», принятые до его издания.

Ключевые слова: «прожиток», «пожид», поместье, вотчина, вечное право, землевладение, Соборное уложение 1649 г.

EKATERINA V. STAROVEROVA

Russian Foreign Trade Academy

4a Pudovkina str., Moscow 119285, Russian Federation

E-mail: 4staroverova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3299-6650

PROZHITOK AS THE ESTATE IN LAND IN THE MUSCOVITE STATE: FROM THE 16th CENTURY TO THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

Abstract. In the Muscovite State of the second half of the 15th century the pomest'e system began to take shape. The pomest'e estates were granted by the crown or the church on condition of service and held for a period of service only. The holders were not entitled to dispose of pomest'e lands, and their estates were not hereditary. It raised the question of how the needs of retired servicemen and decedents' family members should be supplied. The question was resolved by means of prozhitok — the law institution that provided the opportunity for the above-mentioned persons to obtain a part of pomest'e land without condition of service.

The prozhitok estate provided the limited proprietary right in land. It was granted for a lifetime of a holder who was not entitled to dispose of the land plot. The decisions to grant the prozhitok estates were taken by the landowners (the crown or the church) on a basis of a petition. The sizes of granted land plots were determined on a case-by-case basis. The unified rules for determination of land plots' sizes were established only in the second quarter of the 17th century.

The prozhitok estate could be granted only to the holders of the pomest'e estates and their family members unable to do military service and thus not eligible to obtain or retain the pomest'e estates. In most cases the prozhitok estates were granted to the widows and unmarried daughters of the deceased holders of the pomest'e estates or more rarely to their mothers and unmarried sisters. Also the

prozhitok estates could be granted to the holders of the pomest'e estates retired from service because of old age or ailment and to the sons of the deceased holders unable to do military service because of ailment.

Typically, the prozhitok estate was considered as terminated after the death of its holder or taking the monastic vows. It was also considered terminated when its female holder entered into marriage. When the prozhitok estate was terminated the land plot was returned to the crown or the church and then granted to some serviceman as the pomest'e estate. It means that the land plot was held without condition of service only temporarily. The lack of vacant pomest'e lands forced the landowners to grant the land plots before the prozhitok estates termination. So the new type of grant — pozhid — was invented. The pozhid estate resembled the pomest'e estate on hold: the exercise of the holder's rights was delayed until the prozhiok estate termination. For several reasons such grants were forbidden in 1621–1622.

Over many years prozhitok developed as the institution of customary law. It became the subject of legislative regulation only in the twenties of the 17th century. The enactment of Sobornoye Ulozhenie in 1649 was crucial for the prozhitok institution as the code generalized the experience in application of legal norms and systematized the acts related to the prozhitok estates.

Keywords: prozhitok, pozhid, pomest'e, votchina, property law, landownership, Sobornoye Ulozhenie of 1649

1. Введение

Как известно, во второй половине XV в. в Московской Руси начала формироваться поместная система. Поместное право предоставлялось под условием службы и только на срок такой службы. Владея поместной землей, служилый человек был не в праве ею распоряжаться, поэтому поместья не наследовались, а «отписывались на государя», а затем снова поступали в поместную раздачу. При такой системе естественным образом вставали вопросы о материальном обеспечении членов семей умерших помещиков, а также лиц, отставленных от службы по старости или болезни. Эти вопросы были решены при помощи института «прожитка», который предполагал выделение части поместной земли упомянутым лицам без обязанности служить с нее.

Наиболее ранние сведения о «прожитке» мы получаем из указных грамот 1555–1556 гг., относящихся к новгородским землям¹. В одной из них содержится ссылка на писцовые книги «лета 7047» (1538–1539 гг.), упоминающие о выделении «прожитка» жене умерше-

¹ См.: Грамоты по делам поместным 1555–1556 гг. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). Т. 1. СПб., 1846. № 52. С. 85–118.

го помещика². Судя по тексту указной грамоты, это было совершенно рядовым случаем, из чего можно сделать вывод, что «прожиток уже в 1539 г. был не новым институтом»³. По мнению большинства ученых, его появление следует датировать концом XV в.⁴

2. «Прожиток» — ограниченное вещное право

«Прожиток» является ограниченным вещным правом и по ряду признаков напоминает право «кормли», которое упоминалось в Псковской судной грамоте и, как минимум с XIV в., было хорошо известно не только в Северо-Западной, но и в Северо-Восточной Руси⁵.

Как и «кормля», «прожиток» обычно предоставлялся «до живота» (т.е. до смерти обладателя этого права), без возможности распоряжаться полученным имуществом. Об этом свидетельствует, например, Жалованная грамота 1621 г., выданная Олене Касаговой после смерти ее мужа Овдокима. Вдова получила мужнино поместье «на прожиток до ее живота», причем ей было предписано «того поместья не продать, и ни променити, ни заложити, ни по душе в монастырь не отдать, и в писцовые книги за собою не написати»⁶. Субъект права «прожитка» только владел и пользовался поместной землей, становясь при этом собственником плодов, полученных от использования «прожиточного поместья». Так, например, в Духовной грамоте А.Т. Милюковой 1611–1612 гг. содержится распоряжение: «Да в Кашинском уезде в прожиточном моем поместье <...> после моего живота что останется хлеба стоячего и земляного и ярового, <...> и тот хлеб <...> прикащиком моим собрав, продати»⁷.

² См.: ДАИ. № 52. XII. С. 96.

³ *Петров К.В.* Некоторые виды земельной собственности и система русского права до начала XVIII века. Прожиток // Российское государство в XIV–XVII вв. / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2002. С. 118.

⁴ См., например: *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1947. С. 307; *Петров К.В.* Указ. соч. С. 118; *Kijas A.* System pomiestny w Państwie Moskiewskim w XV — pierwszej polowie XVI wieku. Historiografia i problematyka. Poznań, 1984. S. 186.

⁵ См.: *Староверова Е.В.* Право «кормли» в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 17. Т. 1. М., 2017. С. 117–121.

⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее — АФЗХ). Ч. 3 / Сост. Л.В. Черепнин. М., 1961. Разд. 2. № 352. С. 334.

⁷ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. 3 / Сост. А.В. Антонов. М., 2002. № 262. С. 215.

Изначально объекты «кормли» и «прожитка» различались. Объектом «прожитка» являлась поместная земля. С XVI в. термин «прожиток» также стал изредка использоваться в отношении вотчинных земель, переданных в чье-либо владение «до живота»⁸, но в действительности в этих случаях речь шла о «кормле», а точнее — о ее разновидности, поскольку объектом «кормли» могли быть не только вотчины, но и другие вещи, в том числе движимые.

Решение о предоставлении как «кормли», так и «прожитка» принимал собственник вещи. Поскольку собственниками вещей, передаваемых в «кормлю», могли быть любые лица, право «кормли» в Московской Руси XVI в. возникало как на основании жалованных грамот, так и на основании частных актов — духовных грамот (завещаний) и договоров. Поскольку вотчинное право, в отличие от поместного, по содержанию было близко к праву собственности, эти акты могли исходить от служилых людей, являвшихся вотчинниками.

Собственником поместной земли, передаваемой «на прожиток», чаще всего выступало государство, реже — церковь, но никак не сам помещик. Поэтому решение о предоставлении «прожитка» принималось либо органами государственной власти (обычно — царем⁹), если земля была государственной, либо высшими церковными иерархами¹⁰ (патриархом¹¹ или митрополитом¹²), если земля была церковной. Оформлялись такие решения указными или жалованными грамотами, но никогда — частными актами служилых людей.

⁸ Акты русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1975. № 180, 237. С. 178, 239; АСЗ. Т. 1 / Сост. А.В. Антонов и К.В. Баранов. М., 1997. № 243. С. 218; АСЗ. Т. 2 / Сост. А.В. Антонов. М., 1998. № 305. С. 274; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950. № 104. С. 441.

⁹ В Смутное время решения по поместным делам, в том числе о предоставлении «прожитка», также принимали бояре и воеводы. См., например: ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. № 40. С. 69; Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Вып. 4. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) (далее — АПА) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1915. № 282–372. С. 371–483.

¹⁰ Сохранились также акты 1618 г. о предоставлении «прожитка» вдовам патриарших детей боярских, принятые царем. Очевидно, это было связано с отсутствием в тот период патриарха. См.: АФХЗ. Ч. 3. Разд. 2. № 311, 312. С. 304, 305.

¹¹ См., например: АФХЗ. Ч. 3. Разд. 2. № 38, 73, 265, 324, 352. С. 138, 150, 247, 315, 334.

¹² См., например: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). Т. 2. СПб., 1841. № 315. С. 372; АФХЗ. Ч. 3. Разд. 2. № 262, 272, 278, 280. С. 242, 256, 262, 264.

Решение о выделении «прожитка» принималось каждый раз индивидуально, по челобитью, т.е. «наделение прожитком не было обязательным, не являлось общей нормой»¹³. Во-первых, не всякий раз члены семьи помещика в этом нуждались, поскольку им могли принадлежать вотчины¹⁴. Во-вторых, при раздаче поместных земель и государство, и церковь старались руководствоваться принципом «чтобы земля из службы не выходила», поэтому смерть или отставка служилого человека, как правило, приводили к передаче его поместья другому мужчине, способному с него служить. Если он был родственником или собственником отставного или умершего, на него «сверх службы» зачастую возлагалась обязанность «кормить» бывшего помещика или членов его семьи, а если среди них были «девки» — то, кроме того, обязанность их «вскормив замуж выдати»¹⁵. Выделение «прожитка» осуществлялось только в том случае, если на новых помещиков не могли быть возложены такие обязанности или они ими злостно не исполнялись — например, вдова заявляла, что они ее «не кормят и из двора деи ее выбили вон»¹⁶.

3. Субъекты права «прожитка»

В отличие от права «кормли», субъектом которого могло стать любое лицо¹⁷, «прожиток» мог быть предоставлен только определенным лицам — служилым людям или членам их семей, не способным служить с поместья в силу пола, возраста или болезни и, таким образом, не имеющим основания для получения или сохранения полноценного поместного права на землю.

¹³ Петров К.В. Указ. соч. С. 120–121.

¹⁴ Об этом свидетельствуют, например, выдержки из дел Сысского и Поместного приказов о поместьях и вотчинах А.А. Микулина и его сына Льва 1611–1615 гг.: «А Истоминоне жене Черткова з дочерми ис того Истомина помеся в те поры на прожиток не дано, потому что Ондрей Микулин сказал, за Истоминою женою есть опричь того помеся в Муромском же уезде вотчин много» (АСЗ. Т. 4. № 518. С. 419). Впрочем, наличие вотчин не всегда мешало приобрести «прожиток». Упомянутая выше А.Т. Милюкова имела не только «прожиточное поместье», но и несколько вотчин (АСЗ. Т. 3. № 262. С. 214.).

¹⁵ См., например: ДАИ. Т. 1. № 52. XX, XXXII. С. 103, 112.

¹⁶ ДАИ. Т. 1. № 52. XXVIII. С. 110.

¹⁷ См.: Староверова Е.В. «Кормля» как институт вещного права в Северо-Западной Руси XIV–XVI вв. // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 27 апреля 2017 г. / Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Рязань, 2017. С. 128–129.

Чаще всего субъектами права «прожитка» становились вдовы помещиков¹⁸. Не исключено, что правила предоставления им «прожитка» сложились не сразу. Наиболее ранний из известных случаев выделения «прожитка», датируемый 1538–1539 г., содержит условия, не встречающиеся в последующем. Как следует из текста указной грамоты, Окулина, вдова помещика Ондreja Сошкина, получила шесть обож из поместья мужа сроком всего на три года и «на тех шти обжах жила, а того не ведала, что в писцовых книгах написано, на тех шти обжах велено жити ей от лета 7049 до лета 7052»¹⁹. Когда по истечении трех лет племянники ее мужа, которым была отделена упомянутая земля, потребовали покинуть поместье, вдова подала царю челобитную с просьбой ее «пожаловати, из мужа ее поместья велети ей дати обож на прожиток, чтобы ей было на чем прожити и прокормитися, до тех мест как поидет замуж, или пострижетца, или ее не станет»²⁰. Просьба была удовлетворена на указанных условиях, которые и можно считать стандартными, поскольку начиная с 1555 г. они повторяются во множестве грамот в отношении как государственных²¹, так и церковных поместий²². Вероятно, эти условия сложились по аналогии с «кормлей», которую в XV–XVI вв. также было принято предоставлять вдовам «до живота», вступления в брак и пострижения в монашество²³.

Достаточно часто «прожиток» получали незамужние дочери умерших помещиков. Если матери не было в живых или она выходила замуж

¹⁸ При жизни мужей их жены «прожитком» обычно не наделялись, и все-таки изредка такие случаи имели место. Например, в 1603 г. «прожиток» был предоставлен жене и двум дочерям служилого человека, который был «взят и посажен в тюрьму в розбойном деле» (АПА. № 176. С. 235.). В 1610 г. «прожиток» получила женщина, муж которой постригся в монахи (Нижегородские поместные акты 1591–1610 годов // Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века (далее — МИНК). Ч. 1 / Отв. сост. А.В. Антонов. М., 2015. № 208. С. 382).

¹⁹ ДАИ. Т. 1. № 52. XII. С. 96.

²⁰ Там же.

²¹ См., например: АПА. № 21, 183, 195, 230, 299. С. 21, 244, 265, 326, 392; АСЗ. Т. 2. № 34. С. 50; АСЗ. Т. 3. № 212, 217, 521. С. 175, 178, 442; АСЗ. Т. 4 / Сост. А.В. Антонов. М., 2008. № 39, 69, 300, 307, 424. С. 32, 55, 225, 228; ДАИ. Т. 1. № 52. IX, XVII, XXIV, XXVI, XXXVI. С. 93, 101, 106, 108, 115; МИНК. Ч. 1. № 120, 124, 138, 184, 191. С. 216, 222, 248, 337, 349.

²² См., например: АИ. Т. 2. № 315. С. 372; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 312. С. 305.

²³ См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1 / Отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1952. № 549. С. 427; АФЗХ. Ч. 2 / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1956. № 97, 248, 276, 282, 371. С. 92, 250, 285, 291, 414.

повторно, дочери становились единственными субъектами этого права²⁴, но чаще они получали «прожиток» совместно с матерью-вдовой. Из указных грамот 1555—1556 гг. следует, что в 1550-е гг. выделение «прожитка» осуществлялось с определением доли каждой из женщин в общем размере «прожиточного поместья», причем доли матерей превышали доли дочерей²⁵. В актах конца XVI — начала XVII вв. «прожиток» обычно выделялся без определения долей, так как, по-видимому, доли предполагались равными. Этот вывод вытекает из практики уменьшения размера «прожиточных поместий» в случае прекращения «прожитка» для одного из субъектов: уменьшение производилось пропорционально количеству женщин, совместно владевших «прожиточным поместьем»²⁶. Позже (по мнению В.Н. Сторожева, примерно в 1634—1635 гг., т.е. в конце Смоленской войны²⁷, а по мнению К.В. Петрова, раньше нее²⁸) был принят не сохранившийся указ, по которому дочери умерших помещиков должны были получать «на прожиток» вдвое меньше земли, чем их матери, т.е. принцип неравенства долей был восстановлен. Этот принцип и указанная пропорция были подтверждены Указом от 16 августа 1644 г.²⁹ и ст. 30—32 гл. XVI Соборного уложения 1649 г.³⁰

На протяжении XVI в. правила предоставления «прожитка» незамужним дочерям помещиков менялись. Согласно указным грамотам 1555—1556 гг. «прожиток» выделялся им «до тех мест, как которую девку замуж выдадут или пострижетца или которые не станет, а выдати де их было в пятнадцать лет, а болши пятнадцати лет за девками поместий держати не велено»³¹. Таким образом, помимо стандартных ус-

²⁴ См., например: АПА. № 137, 212, 239. С. 173, 295, 339; АСЗ. Т. 2. № 232. С. 213; АСЗ. Т. 4. № 376. С. 280; ДАИ. Т. 1. № 52. IV. С. 89; ДАИ. Т. 2. № 40. С. 69; МИНК. Ч. 1. № 135. С. 242.

²⁵ ДАИ. Т. 1. № 52. XXVI, XXXVI. С. 108, 115.

²⁶ См., например: АПА. № 105, 186, 193, 303. С. 117, 118, 251, 261, 399; АСЗ. Т. 3. № 467. С. 398; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 280. С. 264.

²⁷ *Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 130.

²⁸ *Петров К.В.* Указ. соч. С. 135.

²⁹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века (далее — ЗАРГ). Тексты / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. № 299. С. 205—206.

³⁰ Здесь и далее Соборное уложение приводится по: Российское законодательство X—XX веков в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1985. С. 83—257.

³¹ ДАИ. Т. 1. № XXXVI. С. 115. См. также: ДАИ. Т. 1. № IV, XXVI. С. 89, 108.

ловий прекращения «прожитка», для незамужних дочерей вводилось дополнительное — достижение 15-летнего возраста. Неизвестно, когда это положение было отменено, но последующим законодательством оно никак не подтверждается³². Об этом свидетельствует и поместная практика — в актах начала XVI в. «прожиток» предоставляется незамужним дочерям на тех же условиях, что и вдовам, без каких-либо дополнительных оговорок³³.

Из лиц женского пола «прожиток» также получали матери³⁴ и незамужние сестры³⁵ помещиков. Условия предоставления им «прожитка» ничем не отличались от указанных выше, правда, оговорка о прекращении «прожитка» повторным браком для матерей часто опускалась (по-видимому, в силу возраста)³⁶.

Субъектами права «прожитка» могли стать и лица мужского пола. В первую очередь речь идет о служилых людях, отставленных от службы по старости или болезни³⁷. Обычно отставной помещик получал «прожиток» из собственного поместья «до тех мест, как он пострижетца, или его не станет»³⁸, т.е. браком подобный «прожиток» не прекращался.

«Прожиток» могли получить и сыновья умерших помещиков в том случае, если они были не способны служить по причине увечья или болезни и, соответственно, не могли быть поверстаны поместным окладом. Вероятно, они тоже рассматривались как отставленные от службы, но «прожиток» получали не из собственных поместий, а из отцовских. Примерами могут служить Указная грамота

³² ЗАРГ. Комментарии / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1987. № 14. С. 35.

³³ См., например: АПА. № 183, 239. С. 244, 339; ДАИ. Т. 2. № 40. С. 72; МИНК. Ч. 1. № 138, 191. С. 248, 349.

³⁴ См., например: АПА. № 11, 63, 68, 91, 119, 286, 293, 301, 419, 425, 433. С. 12, 63, 69, 97, 139, 377, 384, 396, 600, 607, 618; АСЗ. Т. 2. № 263. С. 237; АСЗ. Т. 3. № 537. С. 461, 462; ДАИ. Т. 1. № XIII, XXXV. С. 97, 114—115; МИНК. Ч. 1. № 13, 120, 143, 159, 174, 202. С. 31, 216, 257, 288, 316, 370; *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий. Т. 1. М., 1905. Отд. 2. С. 64.

³⁵ См., например: АПА. № 11, 63, 68, 91, 419, 425, 433. С. 12, 63, 69, 97, 600, 607, 618; ДАИ. Т. 1. № XXXV. С. 114—115; МИНК. Ч. 1. № 105, 217а. С. 188, 402.

³⁶ См., например: АПА. № 286, 301. С. 377, 396; АСЗ. Т. 3. № 537. С. 461, 462; *Самоквасов Д.Я.* Указ. соч. Отд. 2. С. 64.

³⁷ См., например: АПА. № 8, 9, 54, 83, 148, 436. С. 9—11, 53, 88, 89, 188, 189, 621; АСЗ. Т. 2. № 402. С. 346; АСЗ. Т. 3. № 224. С. 184; АСЗ. Т. 4. № 310. С. 230; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 38, 73, 265. С. 138, 150, 247.

³⁸ АПА. № 54. С. 53.

1605 г. о предоставлении «прожитка» Алексею Веселкину из поместья отца, поскольку тот «увечен и вперед деи ему наши службы служить немочно»³⁹, и дело 1572–1576 гг. Григория Бачманова, которого «от службы отставили для болезни и велели деи дати ему на прожиток четыре обжи из отца его поместья»⁴⁰. Есть вероятность, что к той же категории принадлежит и некий Сенка Карла Михайлов сын, о «прожиточном поместье» которого упоминается в отдельной выписи 1569 г.⁴¹, хотя не исключено, что это просто отставной помещик, возможно иноземец (если, конечно, прозвище «Карла» — это не указание на физический недостаток, а исковерканная на русский манер фамилия).

С малолетними сыновьями дело обстоит гораздо сложнее. С.В. Рождественский, С.Б. Веселовский и А.Г. Маньков придерживались мнения, что они получали «прожиток» так же, как и дочери⁴². Опираясь на тексты 80 ввозных грамот и отдельных выписей второй половины XVI — начала XVII в., которые упоминают поместные владения малолетних сыновей, а также на ст. 23 и 58 гл. XVI Соборного уложения, К.В. Петров опроверг эту точку зрения, утверждая, что такое поместное владение «не считалось “прожитком” по существу»⁴³. Действительно, в большинстве случаев малолетние сыновья умерших или отставных помещиков получали земли отцов на поместном праве, с обязательством, «как в службу поспеют», служить с этих поместий и «кормить» своих родственников, причем список подобных актов, приведенный К.В. Петровым, может быть значительно увеличен⁴⁴. Однако количество актов противоположного характера, т.е. признающих владения малолетних сыновей в качестве «прожитка», предоставленного до тех пор, как они

³⁹ АСЗ. Т. 3. № 69. С. 54.

⁴⁰ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. Отд. 2. С. 112.

⁴¹ АСЗ. Т. 4. № 492. С. 360, 361.

⁴² См.: *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 368–370; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 307; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 71.

⁴³ *Петров К.В.* Указ. соч. С. 124.

⁴⁴ ДАИ. Т. 1. № 52. X. С. 94; ДАИ. Т. 2. № 40. С. 71; АСЗ. Т. 3. № 79, 147, 202, 258, 310, 317, 341, 365, 376, 424, 429, 459, 470, 550. С. 65, 126, 167, 211, 253, 259, 280, 281, 297, 305, 347, 350, 377, 389, 477; АСЗ. Т. 4. № 2, 137, 397, 409, 412, 485, 516. С. 5, 101, 293, 301, 306, 356, 413; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 53, 160, 162, 163, 177, 179, 180, 265, 271, 300, 301, 302, 308, 330. С. 43, 187–189, 194, 195, 248, 255, 294–296, 301, 330; МИНК. Ч. 1. № 2, 24, 28, 127, 144, 149, 172, 173, 182, 216. С. 13, 51, 58, 229, 260, 271, 312, 314, 333, 399.

«в государеву службу поспеют», тоже относительно велико⁴⁵. Это означает, что в поместной практике по данному вопросу, как минимум, наблюдались колебания. Это касается и законов первой половины XVII в., которые признают владения «неверстаных детей боярских» и «недорослей» «прожиточными поместьями»⁴⁶, в отличие от Соборного уложения, которое, по-видимому, от этой идеи отказалось.

4. Размер «прожиточных поместий». **Выделение «прожитка» из вотчинных земель**

Рассмотрим теперь вопрос о размере «прожиточных поместий». Актовые материалы XVI — начала XVII в. свидетельствуют о том, что он определялся применительно к каждому конкретному случаю, исходя из количества поместной земли, которой фактически владел отставной или умерший помещик, количества лиц, которым выделялся «прожиток», и обстоятельств смерти помещика. Однако строгих правил расчета тогда не существовало, поэтому размеры «прожиточных поместий» колебались от 10 до 300 четвертей (четей)⁴⁷, что в процентном отношении к изначальному размеру поместья могло составлять от 10 до 100%⁴⁸, причем случаи, когда «прожиточным» становилось все поместье целиком, были крайне редки⁴⁹.

По-видимому, общие правила определения размера «прожиточных поместий» появились только во второй четверти XVII в.

Проще всего стал определяться размер «прожиточных поместий» для отставных служилых людей. В XVI — начале XVII в. они, как и другие лица, получали «на прожиток» только часть своего поместья⁵⁰. Но позже, по-видимому, этот порядок был изменен. Согласно ст. 61

⁴⁵ АПА. № 10, 42, 196, 293, 347, 382. С. 12, 41, 266, 384, 450, 451, 497; АСЗ. Т. 3. № 183, 332. С. 154, 273; АСЗ. Т. 4. № 240, 315, 528. С. 179, 233, 441; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 279, 281, 311, 313. С. 263, 265, 303, 306; МИНК. Ч. 1. № 8, 49. С. 21, 92.

⁴⁶ ЗАРГ. Тексты. № 114, 211. С. 110, 161.

⁴⁷ См., например: АПА. № 205, 239. С. 281, 339; АСЗ. Т. 2. № 97. С. 105; АСЗ. Т. 4. № 531. С. 445; МИНК. Ч. 1. № 4. С. 16.

⁴⁸ Единственный известный случай, когда размер «прожиточного поместья» составил менее 10% от изначального размера поместья, был обусловлен добровольным отказом вдовы от половины причитающейся ей «на прожиток» земли. См.: АПА. № 299. С. 391–394.

⁴⁹ См., например: АПА. № 284, 293, 351. С. 373–375, 384, 456; АСЗ. Т. 2. № 258, 386. С. 233, 332.

⁵⁰ См., например: АПА. № 8, 9, 54, 83, 148, 436. С. 9–11, 53, 88, 89, 188, 189, 621; АСЗ. Т. 3. № 224. С. 184; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 38, 73. С. 138, 150.

гл. XVI Соборного уложения за служилыми людьми, отставленными от службы, поместья сохраняются в полном размере.

Как уже упоминалось выше, размер «прожиточных поместий» для вдов и дочерей служилых людей, погибших в ходе Смоленской войны, был урегулирован утраченным указом 30-х гг. XVII в. С учетом его положений 16 августа 1644 г. был принят указ более общего характера, предписывавший выделять «прожиток» вдовам и дочерям умерших помещиков в зависимости от поместного оклада⁵¹ и обстоятельств их смерти: вдовам лиц, погибших на службе, — «со ста по двадцати чети», вдовам лиц, которых на службе «не станет собою», — «со ста по пятнадцати чети» и, наконец, вдовам лиц, которые умрут не на государевой службе, — «со ста по десяти чети»; дочери получали в два раза меньше⁵². В том случае, если муж был еще не верстан, размер «прожитка», согласно ст. 8 Статейного списка 1636 г., определялся по нормам новичных окладов⁵³. Эти же правила воспроизводятся в ст. 30–33 гл. XVI Соборного уложения. Как видим, они затрагивают далеко не всех лиц, имевших право на получение «прожитка».

Учет поместного оклада при расчете размера «прожитка» для вдов и дочерей помещиков на практике мог создавать существенные трудности, ведь фактический размер принадлежащих им поместий мог быть намного меньше полагавшегося по окладу. Поэтому не исключалась возможность, что при недостатке земли размер «прожитка» будет уменьшен (ст. 57 гл. XVI Соборного уложения).

Но что делать, если умерший служилый человек вообще не имел поместной земли? По-видимому, именно такой вопрос встал в 1613 г. после смерти князя Ивана Шейсупова, унаследовавшего выслуженную вотчину своего отца князя Давыда. В итоге мать князя Ивана княгиня Огафья получила «на прожиток» 60 четей из выслуженной вотчины, причем остальная ее часть (300 четей) была отделена в поместье дьяку Петру Микулину⁵⁴, так как, по-видимому, с учетом положений Указа от 9 октября 1572 г.⁵⁵, вотчина считалась выморочной. Очевидно, что со смертью бездетного князя Ивана его земля стала государственной, почему и поступила в поместную раздачу. Дальнейшая судь-

⁵¹ Учитывался ли размер поместного оклада до 30-х гг. XVII в., сказать трудно, поскольку в текстах указных грамот и отдельных выписей XVI — начала XVII в. он указывается крайне редко.

⁵² ЗАРГ. Тексты. № 299. С. 205–206.

⁵³ Там же. № 234. С. 173.

⁵⁴ АПА. № 368. С. 477.

⁵⁵ ЗАРГ. Тексты. № 37. С. 36.

ба «прожитка» по логике вещей должна была соответствовать судьбе обычных «прожиточных поместий», однако это не так. «Прожиток» вдовы прекратился вовсе не смертью, браком или пострижением в монашество. Как следует из указной грамоты 1626 г., княгиня заложила землю князю Б.М. Лыкову и, не исполнив обязательство по договору займа, обеспеченное залогом, утратила на нее право⁵⁶. Иначе говоря, княгиня распорядилась землей, как если бы являлась субъектом полноценного вотчинного права, а не «прожитка». Было ли это законно? По-видимому, нет, но неполнота актового материала, касающегося вотчины князя Давыда, не позволяет утверждать это с уверенностью. Так или иначе, но случай, и без того нестандартный, превратился в совсем уж загадочный.

Очевидно, что казус 1613 г. не мог стать образцом для аналогичных случаев. 3 декабря 1627 г. был утвержден Статейный список, ст. 3 которого запрещала выделять «прожиток» из вотчинных земель, принадлежавших беспоместным служилым людям. Для обеспечения вдов было решено «давати им на прожиток поместья по указу из ыных земель ис поместных, где хто приишет»⁵⁷, т.е. впервые было заявлено о возможности получать «прожиток» из поместных земель, принадлежавших посторонним лицам⁵⁸. Лишь за вдовами, получившими вотчины до утверждения Статейного списка 1627 г., было сохранено право владения «до живота», т.е. «кормля» (ст. 9 Статейного списка⁵⁹, Указ от 21 апреля 1631 г.⁶⁰ и Указ от 5 февраля 1632 г.⁶¹).

Несмотря на неоднократные просьбы снять запрет на предоставление «прожитка» из выслуженных вотчин (см. Указ от 12 декабря 1636 г.⁶²), он сохранялся вплоть до издания Соборного уложения, ко-

⁵⁶ Указная грамота из Поместного приказа о взятии поручной записи с княгини Агафьи, вдовы князя Давыда Шейсупова, для записи ее вотчины в приказе за боярином Б.М. Лыковым по закладной 200 рублей // Государственная архивная служба Нижегородской области. URL: <http://www.archiv.nnov.ru/?id=9815> (дата обращения: 24.11.2018).

⁵⁷ ЗАРГ. Тексты. № 161. С. 134.

⁵⁸ На основе Статейного списка 1627 г., например, «прожиток» был выделен вдовам Татьяне и Анне Мининым. См.: О землевладении рода Мининых // Архив русской истории. Вып. 4. 1994. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Zemli_rod_a_mininych/text.htm (дата обращения: 24.11.2018).

⁵⁹ ЗАРГ. Тексты. № 161. С. 135.

⁶⁰ Там же. № 202. С. 157.

⁶¹ Там же. № 205. С. 159.

⁶² ЗАРГ. Тексты. № 233. С. 171.

торое разрешило предоставлять «прожиток» вдовам из выслуженных вотчин беспоместных служилых людей (ст. 16 гл. XVI и ст. 2 гл. XVII). Решение об этом должно было приниматься государем «по рассмотрению», т.е. с учетом конкретных обстоятельств. Особо оговаривалось, что «вдовам тех выслуженных вотчин не продать, и не заложить, и по душе не отдать, и в приданые за собою не писать», «а будет пойдет замуж, или пострижется, или умрет, и те вотчины отдавати вотчинником, кто к тем вотчинам будет в роду ближе». Решение проблемы, обозначенное в Соборном уложении, принципиально отличалось от казуса 1613 г., поскольку вотчины, из которых предполагалось выделять «прожиток», не являлись выморочными, а значит, еще не поступали в разряд государственных земель. Выделение «прожитка» из таких вотчин служило благим целям, однако являлось вторжением государства в права вотчинников. Таким образом, не только терминологически, как в XVI в., но и по существу Соборное уложение «скрестило» два правовых института («прожиток» и «кормлю»), проигнорировав различия между ними и создав неизвестную доселе правовую конструкцию «прожиточной вотчины». Как и многие другие факторы, это свидетельствует о постепенном сближении правового режима вотчин и поместий, которое окончательно завершится при Петре I⁶³.

5. «Пожид» — вечное право, связанное с «прожитком»

Итак, субъектами права «прожитка» в XVI — первой половине XVII в. могли стать как женщины — члены семей умерших помещиков, так и мужчины, не способные служить по причине старости, увечья или болезни. «Прожиток» прекращался смертью или пострижением в монашество, а также браком, если субъектом права «прожитка» была женщина. Прекращение «прожитка» приводило к тому, что земля «отписывалась на государя», а затем поступала в поместную раздачу, или по челобитью сразу передавалась какому-либо служило-

⁶³ О сближении правового режима поместий и вотчин см., например: *Алексеев Ю.Г., Копанев А.И.* Развитие поместной системы в XVI в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.* / Отв. ред. Н.И. Павленко. М., 1975. С. 57—69; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 254—255; *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // *Вопросы истории.* 1953. № 4. С. 56—58; *Blum J.* The Beginnings of the Large-Scale Private Landownership in Russia // *Speculum.* 1953. Vol. 28. No. 4. P. 776—790; *Idem.* Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1971. P. 183—185.

му человеку на поместном праве. Таким образом, режим «прожитка» только временно выводил землю из службы. При этом проблема дефицита поместных земель подталкивала собственников земли к тому, чтобы определять юридическую судьбу «прожиточных поместий» еще до того, как «прожиток» прекратился. Так возникло вещное право, известное как «пожид» («пожит», «пожить» или «потжит»). Его суть хорошо раскрывают отдельные выписи 1561 и 1568 гг., сообщающие, что «по государеве грамоте велено Леонтью [князю Л.А. Белосельскому. — *Е.С.*] ждати поместья под снохою своею под Оксиньею <...> как сноха его замуж пойдет, или пострижетца, или ее не станет»⁶⁴, «а покаместа вдова Оксенья на том своем поместье поживет <...> князю Леонтью двунатцатью четвертьми, не владети и пашни на собя не похати и со крестьян оброку не имати»⁶⁵. Похожим образом «пожид» объясняется во ввозной грамоте 1610 г.: «Пожаловали есмя тем вдовиным <...> прожиточным поместьем диока нашего Филипа Голенищева <...> в поместье со всеми угодьи под нею в пожид, как она замуж пойдет, или пострижетца, или ее не станет», «а покаместа вдова <...> на том поместье живет, и Филипу тем ее поместьем не владеть, а владеть вдове Марье»⁶⁶.

В.Н. Сторожев определяет «пожид» как «прожиточное поместье вдовы, девки, или отставленного от службы старого служилого человека, еще при жизни временно владеющего им лица уже предназначенное кому-либо в додачу и поставленное таким образом вне челобитного конкурса по смерти лица, обладавшего им»⁶⁷. По определению А.В. Антонова, считающего «пожид» конструкцией, заимствованной из системы кормлений⁶⁸, «это довольно редкая форма пожалования, которая означала, что жалуемое лицо могло воспользоваться своим жалованием не сразу же, а только по истечении какого-либо времени»⁶⁹. «Пожид» также можно назвать правом ожидания поместья или даже «голым» поместным правом. Реализация поместного права при «пожиде» откладывается до того момента, как прекратится владение землей на праве «прожитка».

⁶⁴ АСЗ. Т. 4. № 39. С. 32.

⁶⁵ Там же. № 40. С. 33.

⁶⁶ АСЗ. Т. 3. № 212. С. 175.

⁶⁷ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 180.

⁶⁸ См.: *Антонов А.В.* Историко-археологические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 338.

⁶⁹ Там же. С. 339.

Данные о пожалованиях «в пожид» восходят еще к указным граматам 1555—1556 гг. Так, из челобитной вдовы Окулины, которой «прожиток» был выделен в 1538—1539 гг., следует, что «та шесть беж, что была дана Окулине на прожиток, отделены в придачу Ивашку же с братьею Евсюковым»⁷⁰. Иначе говоря, по прекращении «прожитка» земля должна была перейти во владение Ивашки и других племянников ее мужа, вот почему по истечении срока, на который был предоставлен «прожиток», они пытались выслать ее из поместья⁷¹. Термин «пожид» здесь не употребляется, но, по существу, речь идет именно об этом праве.

Пожалования «в пожид» были нередким явлением в XVI — начале XVII в.⁷², пока наконец этот институт не прекратил свое существование. Причиной этого стало противоречие между практикой пожалования «в пожид» и правом сдавать «прожиточные поместья», которое стало признаваться за субъектами права «прожитка» во второй половине XVI в. Сдача «прожиточного поместья» означала не что иное, как добровольный отказ от земли, полученной «на прожиток», в пользу какого-либо служилого человека, за которым эта земля закреплялась на поместном праве, с обязанностью служить с нее и «кормить» лицо, отказавшееся от «прожитка». Иначе говоря, это еще одно основание прекращения «прожитка», выработанное поместной практикой⁷³.

Хотя в основе сдачи всегда лежало соглашение между субъектом права «прожитка» и служилым человеком, де-юре для предоставления ему поместного права на землю требовалось разрешение собственника земли (именно поэтому в 1642 г. был издан законодательный акт, запрещающий вдовам сдавать «прожиточные поместья» без именно-го указа⁷⁴, позже отраженный в ст. 12 гл. XVI Соборного уложения). Следуя принципу «чтобы земля из службы не выходила», государство охотно давало такие разрешения. Чаще всего «прожиточные поместья»

⁷⁰ ДАИ. Т. 1. № 52. XII. С. 96.

⁷¹ Там же.

⁷² См., например: АПА. № 21, 195. С. 21, 266; АСЗ. Т. 3. № 212, 216, 217, 531, 537. С. 175, 178, 452, 455—462; АСЗ, Т. 4. № 39, 40, 69, 307, 334, 376, 492. С. 32, 33, 55, 228, 249, 280, 361; АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 73, 312. С. 150, 305; ДАИ. Т. 2. № 40. С. 69.

⁷³ Помимо сдачи, добровольным отказом от «прожитка», по-видимому, считалось неиспользование земли, выделенной «на прожиток». В подобном случае «прожиток» также прекращался. См., например: МИНК. Ч. 1. № 178. С. 324.

⁷⁴ ЗАРГ. Тексты. № 292. С. 203.

сдавались родственникам⁷⁵ или свойственникам⁷⁶ и лишь изредка — посторонним лицам (как правило, соседям, владевшим частью того же поместья, из которого ранее был выделен «прожиток»⁷⁷).

Довольно скоро обнаружилось, что сдача «прожиточных поместий» входит в конфликт с «пожидом». Например, в 1570 г. «прожиточное поместье» двух сестер Полагеи и Анны Пушкиных было spravлено за их двоюродным братом А.Д. Пушкиным, несмотря на то что «дано было то сельцо пот девками <...> в потжит Федору Васильеву сыну Тушину»⁷⁸. Федор Тушин при этом был еще жив⁷⁹. Похожие случаи имели место и в Смутное время. В 1608 г. вдова Наталья Старухина сдала «прожиточное поместье» своему брату Рудаку Лобову вопреки тому, что оно было дано «в пожид» Нелюбу Старухину⁸⁰. В 1610 г. стремянному конюху Ивану Болдыреву было дано «в пожид» «прожиточное поместье» вдовы Дарьи Ефимьевой, после чего последняя сдала его своему брату Максиму Казимерову⁸¹. Оба случая стали причиной судебных споров.

Помимо сдачи, «пожид» также входил в противоречие с возможностью справить «прожиточное поместье» за мужем в случае вступления в брак. Такую возможность государство стало признавать примерно с конца XVI в.⁸² Нет сомнений в том, что церковь последовала этому примеру⁸³. Так «прожиток» стал выполнять функцию приданого. Известен даже случай, когда жених и невеста составили рядные записи, ставившие справку за женихом «прожиточного поместья» в качестве условия вступления в брак⁸⁴. Очевидно, что «пожид» мог создавать дополнительные трудности для женщин, желающих выйти замуж.

⁷⁵ См., например: Антонов А.В. Указ. соч. С. 339–347; АСЗ. Т. 3. № 537. С. 455–462; АСЗ. Т. 4. № 376. С. 280; МИНК. Ч. 1. № 174. С. 316.

⁷⁶ См., например: АСЗ. Т. 2. № 105. С. 112; АСЗ. Т. 4. № 65, 523. С. 49, 432.

⁷⁷ См., например: АПА. № 212. С. 295; АСЗ. Т. 2. № 97. С. 105; МИНК. Ч. 1. № 52, 192. С. 95, 351.

⁷⁸ АСЗ. Т. 4. № 376. С. 280.

⁷⁹ Сохранилась поручная запись 1571 г., подписанная этим служилым человеком. См.: Поручные записи 1527–1571 гг. // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1520–1540/Poruchn_zapisi_1527_1571/frameset.htm (дата обращения: 24.11.2018).

⁸⁰ Антонов А.В. Указ. соч. С. 339–347.

⁸¹ АСЗ. Т. 3. № 537. С. 455–462.

⁸² См., например, ввозную грамоту 1593 г.: АСЗ. Т. 2. № 406. С. 348, 349.

⁸³ См., например: АФЗХ. Ч. 3. Разд. 2. № 313. С. 306, 307.

⁸⁴ АСЗ. Т. 3. № 163, 164. С. 140, 141.

Подтверждением может служить челобитная Оксиньцы Мякининой, просившей «ея прожиточного поместья <...> никому в пожить давать не велеть, покаместа к ней жених прищетца»⁸⁵.

С учетом этих противоречий в 1621–1622 гг. был принят указ, запретивший давать «прожиточные поместья» «в пождид»⁸⁶. Статья 8 гл. XVI Соборного уложения подтвердила этот запрет.

6. Правила сдачи «прожиточных поместий» и справки их по браку

Несмотря на решение проблемы «пожида», сдача «прожиточных поместий» и справка их по браку нуждались в детальном правовом регулировании.

Сдача «прожиточных поместий» зачастую не достигала своей цели. Бывали случаи, когда, оформив поместное право на землю, служилые люди начинали уклоняться от обязанности «кормить» лиц, сдавших им «прожиточные поместья». Например, в 1592 г. вдова Орина Жеребятникова, владевшая совместно с тремя дочерьми «прожиточным поместьем» в размере 50 четей, выдала старшую дочь замуж и сдала «прожиточное поместье» целиком своему зятю. В итоге выяснилось, что зять «ее, вдовы Орины, с меньшими дочерми не кормит и ис тово ее помесья выбивает вон, и она деи, вдова Орина, и з дочерми ныне волочитца меж двор»⁸⁷. По государеву указу 37,5 четей из сданного зятю поместья было вновь отделено вдове с двумя младшими дочерьми «на прожиток». Доля старшей сестры в размере 12,5 четей была оставлена за зятем⁸⁸. Во избежание подобных ситуаций в 1621–1622 гг. был принят указ, разрешающий «поворачивать» сдачи, если «родимцы», которым сданы «прожиточные поместья», вдов и девок «не кормят, и замуж не выдают, и ис тех поместей выбивают вон»⁸⁹. Позже это правило вошло в ст. 10 гл. XVI Соборного уложения, причем его действие было распространено на все виды сдачи — как в пользу родственников, так и в пользу других лиц. Статья 9, в свою очередь, ввела похожее правило в отношении сдач, совершенных служилыми людьми

⁸⁵ К истории восстания И.И. Болотникова // Исторический архив. 1956. № 2. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Bolotnikov/K_istorii_vosst/text.htm (дата обращения: 24.11.2018).

⁸⁶ ЗАРГ. Тексты. № 109. С. 108.

⁸⁷ МИНК. Ч. 1. № 52. С. 95.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ЗАРГ. Тексты. № 110. С. 108.

«за старостью». В дополнение к этому ст. 11 гл. XVI Соборного уложения разрешила «здавати девкам свои прожиточные поместья» не раньше, чем по достижении 15-летнего возраста.

Законодательство о справке «прожиточных поместий» за женихами также стремилось защитить интересы женщин. Чтобы исключить потенциальные судебные споры между членами семьи, в 1619–1620 гг. был принят указ, разрешавший вдовам и дочерям помещиков выходить замуж только со своей долей «прожиточного поместья»⁹⁰. Причем в 1648 г. было разрешено справлять «прожиточные поместья» за женихами только до вступления в брак⁹¹. Обе нормы позже были включены в текст Соборного уложения (ст. 17 и 20 гл. XVI).

После смерти служилых людей, за которыми по браку были справлены «прожиточные поместья», вдовы снова получали землю на «прожиток» (судя по всему, сначала это были те же «прожиточные поместья», с которыми женщины выходили замуж⁹², и лишь ст. 56 гл. XVI Соборного уложения ввела норму об уменьшении или увеличении размера «прожиточных поместий» таких вдов с учетом оклада мужа).

Судя по тексту указа 1619–1620 гг.,⁹³ в конце XVI — начале XVII в. «прожиточные поместья» могли быть справлены далеко не за всеми женихами, а только за беспоместными и малопоместными (в Соборном уложении этого ограничения уже не наблюдается), и уж во всяком случае размер поместья жениха с учетом «прожитка» не должен был превышать его поместный оклад. Некоторых служилых людей это побуждало скрывать наличие у них «старых отцовских поместий». Разумеется, такие действия считались незаконными, и поместья нарушителей подлежали конфискации, поступая затем в поместную раздачу. В состав конфискуемых земель попадали и земли «прожиточных поместий», поэтому в случае смерти таких помещиков вдовы оставались без средств к существованию. Справедливость была восстановлена Статейным списком 1636 г., решавшим целый ряд частных вопросов, касающихся «прожитка»⁹⁴. В ст. 3 данного акта было указано «таких поместей у вдов не отнимать»⁹⁵. Позже эта норма, как и многие другие, вошла в Соборное уложение (ст. 21 гл. XVI).

⁹⁰ ЗАРГ. Тексты. № 91. С. 95, 96.

⁹¹ ЗАРГ. Тексты. № 333. С. 223.

⁹² См., например: МИНК. Ч. 1. № 203. С. 373.

⁹³ Там же. № 91. С. 95.

⁹⁴ Подробнее см.: *Петров К.В.* Указ. соч. С. 136, 137.

⁹⁵ ЗАРГ. Тексты. № 234. С. 172.

7. Заключение

«Прожиток» являлся весьма своеобразным институтом вещного права, выработанным в Московской Руси XVI в. в связи с необходимостью материально обеспечить лиц, утративших возможность служить с поместья, а также членов семей умерших помещиков. Становление института «прожитка» и эволюция оснований его прекращения сопровождалась рядом внутренних противоречий, следствием чего стало возникновение, а затем упразднение института «пожида», который, как и «прожиток», не мог появиться вне поместной системы.

Будучи порождением поместной практики, «прожиток» долгое время оставался институтом обычного права. Только в 1620-е гг. отношения, связанные с предоставлением «прожитка», стали подвергаться законодательному регулированию. Фундаментальную роль в развитии института «прожитка» сыграло Соборное уложение 1649 г., которое обобщило практический опыт, накопившийся более чем за столетие, и привело в систему указы о «прожитке», принятые до его издания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев Ю.Г., Копанев А.И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1975. С. 57–69.

Антонов А.В. Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2013.

Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947.

Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии / Под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, 1987.

Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980.

Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. Ч. 1 / Отв. сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2015.

Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1851.

Петров К.В. Некоторые виды земельной собственности и система русского права до начала XVIII века. Прожиток // Российское государство в XIV–XVII вв. / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 115–153.

Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб.: Типография В. Демакова, 1897.

Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Т. 1. М.: Университетская типография, 1905.

Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Вып. 4. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1915.

Староверова Е.В. «Кормля» как институт вещного права в Северо-Западной Руси XIV–XVI вв. // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 27 апреля 2017 г. / Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Рязань: Концепция, 2017. С. 127–131.

Староверова Е.В. Право «кормли» в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 17. Т. 1. М.: ООО «Изд-во “Юрист”», 2017. С. 117–121.

Сторожев В.Н. Указная книга Поместного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М.: Типография Товарищества Кушнерев и Ко, 1889. С. 3–212.

Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 38–63.

Blum J. Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. New Jersey: Princeton University Press, 1971.

Blum J. The Beginnings of the Large-Scale Private Landownership in Russia // *Speculum*. 1953. Vol. 28. No 4. P. 776–790. DOI: 10.2307/2849204

Kijas A. System pomiestny w Państwie Moskiewskim w XV — pierwszej polowie XVI wieku. *Historiografia i problematyka*. Poznań: Wydawn. Naukowe Uniwersytetu im. Adama Miciewicza, 1984.

REFERENCES

Alekseev, Yu.G. and Kopanev, A.I. (1975). Razvitie pomestnoi sistemy v XVI v. [Evolution of the Pomest'e System in the 16th Century]. In: N.I. Pavlenko, ed. *Dvoryanstvo i krepostnoi stroi Rossii XVI — XVIII vv.* [Nobility and Serfdom in Russia from the 16th to 18th Centuries]. Moscow: Nauka, pp. 57–69. (in Russ.).

Antonov, A.V. (2013). *Istoriko-arkheograficheskie issledovaniya: Rossiya XV — nachala XVII veka*. [Historical and Archeographical Researches: Russia from the 15th Century to the Early of the 17th Century]. Moscow: Drevlekhranilishche. (in Russ.).

Antonov, A.V. cont. (2015). *Materialy po istorii Nizhegorodskogo kraja kontsa XVI — pervoi chetverti XVII veka. Ch. I* [Materials on the History of Nizhny Novgorod Territory from the End of the 16th Century to the First Quarter of the 17th Century]. Part 1. Moscow: Drevlekhranilishche. (in Russ.).

Blum, J. (1953). The Beginnings of the Large-Scale Private Landownership in Russia. *Speculum*, 28(4), pp. 776–790. DOI: 10.2307/2849204

Blum, J. (1971). *Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century*. New Jersey: Princeton University Press.

Cherepnin, L.V. (1953). Osnovnye etapy razvitiya feodal'noi sobstvennosti na Rusi (do XVII veka) [The Major Stages of Development of Feudal Ownership in Rus' (prior to the 17th Century)]. *Voprosy istorii* [Issues of History], (4), pp. 38–63. (in Russ.).

Kijas, A. (1984). *System pomiestny w Państwie Moskiewskim w XV — pierwszej polowie XVI wieku. Historiografia i problematyka*. Poznan: Wydawn. Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. (in Pl.).

Man'kov, A.G. (1980). *Ulozhenie 1649 goda — kodeks feodal'nogo prava Rossii* [Ulozhenie of 1649: The Code of Russian Feudal Law]. Leningrad: Nauka. (in Russ.).

Nevolin, K.A. (1851). *Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. T. 2* [History of Russian Civil Laws]. Volume 2. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk. (in Russ.).

Nosov, N.E. ed. (1987). *Zakonodatel'nye akty russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI — pervoi poloviny XVII veka. Kommentarii* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th Century to the First Half of the 17th Century. Commentaries]. Leningrad: Nauka. (in Russ.).

Petrov, K.V. (2002). Nekotorye vidy zemel'noi sobstvennosti i sistema russkogo prava do nachala XVIII veka. Prozhitok [The Several Types of Land Ownership and the System of Russian Law until the Early of the 18th Century. Prozhitok]. In: A.P. Pavlov, ed. *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV — XVII vv.* [The Russian State from the 14th to the 17th Century]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 115–153. (in Russ.).

Rozhdestvenskii, S.V. (1897). *Sluzhiloie zemlevladienie v Moskovskom gosudarstve XVI veka* [The Service Land Tenure in the Muscovite State of the 16th Century]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova. (in Russ.).

Samokvasov, D. Ya. (1905). *Arkhivnyi material. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnnykh uchrezhdenii Moskovskogo gosudarstva XV — XVII stoletii. T. 1* [Archive Material. Newly-Discovered Documents of Pomest'e and Votchina Bureaus of the Muscovite State from the 15th to the 17th Century]. Volume 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.).

Staroverova, E.V. (2017). “Kormlya” kak institut veshchnogo prava v Severo-Zapadnoi Rusi XIV–XVI vv. [“Kormlya” as the Institute of Property Law in North-Western Rus' from the 14th to 16th Centuries]. In: D.A. Pashentsev, ed. *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty i yuridicheskaya praktika: materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati professora F.M. Rudinskogo, 27 aprelya 2017 g.* [Rights and Freedoms of Man and Citizen: Theoretical Aspects and Legal Practice. The Proceedings of the Annual International Scientific Conference in Memory of Professor F.M. Rudinsky, 27 April 2017]. Ryazan: Kontseptsiya, pp. 127–131. (in Russ.).

Staroverova, E.V. (2017). Pravo “kormli” v Severo-Vostochnoi Rusi XIV — XVI vv. [The Law of “Kormlya” in Northeastern Rus' from the 14th to 16th Century]. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk.* [Scientific Proceedings. Russian Academy of Legal Sciences]. Issue 17. Volume 1. Moscow: OOO “Jurist” Publ., pp. 117–121. (in Russ.).

Storozhev, V.N. (1889). Ukaznaya kniga Pomestnogo prikaza [Book of Decrees of Pomestny Prikaz]. In: *Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii*. [Description of the Documents and Papers Stored in Moscow Archive of Ministry of Justice]. Volume 6. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva Kushnerev i Ko, pp. 3–212. (in Russ.).

Veselovskii, S.B. cont. (1915). *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva 1604–1613 gg. Вып. 4. Arzamasskie pomestnye akty (1578–1618 gg.)* [The Time of Troubles in the Muscovite State in the Period from 1606 to 1613. Issue. 4. The Pomest'e Acts of Arzamas (1578–1618)]. Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete. (in Russ.).

Veselovskii, S.B. (1947). *Feodal'noe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi. T. 1* [Feudal Landowning in Northeastern Rus']. Volume 1. Moscow; Leningrad: The Akademiya Nauk SSSR Publ. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Староверова Екатерина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Всероссийской академии внешней торговли.

AUTHOR'S INFO

Ekaterina V. Staroverova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Russian Foreign Trade Academy.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Староверова Е.В. «Прожиток» как вещное право на землю в Московской Руси XVI — первой половины XVII в. // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 34–56.

CITATION:

Staroverova, E.V. (2019). Prozhitok as the Estate in Land in the Muscovite State: from the 16th Century to the First Half of the 17th Century. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 34–56.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ЖОЛЫМБЕТ НУРАХМЕТОВИЧ БАИШЕВ

Суд Евразийского экономического союза
220006, Республика Беларусь, Минск, ул. Кирова, д. 5
E-mail: info@courteurasian.org
ORCID: 0000-0002-3326-1958

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. Суд Евразийского экономического союза предусмотрен в качестве одного из органов Союза Договором о ЕАЭС. Его главная задача — обеспечивать единообразное применение Договора и соответствие ему соглашений, принимаемых государствами — членами Союза, а также актов органов Союза.

Право обращения в Суд имеют государства-члены, органы Союза и в определенных случаях — хозяйствующие субъекты. Суд уполномочен рассматривать споры, возникающие в рамках Союза, а также выносить консультативные заключения. Решения Суда имеют обязательную силу, консультативные заключения — рекомендательную. При разрешении дел Суд применяет Договор о ЕАЭС, международные договоры государств, заключенные в рамках Союза, и нормы международного права.

Суд ЕАЭС, созданный в 2015 г., оказался востребован и государствами, и хозяйствующими субъектами, и органами ЕАЭС. Анализ деятельности Суда и ее правовой базы позволил выявить ряд неурегулированных вопросов, связанных со статусом и организацией деятельности Суда. Так, в компетенции Суда, установленной Статутом, не отражено предусмотренное в Договоре полномочие Высшего Евразийского экономического совета обращаться с запросом к Суду. Пределы компетенции Суда обозначены недостаточно четко, что может стать основанием для ее неоправданного расширения. Не в полной мере урегулирован порядок инициирования вынесения консультативных заключений и прекращения производства по таким делам. Нет ясности относительно правомерности коллективных особых мнений судей.

Анализ практики Суда показывает, что в целом он выполняет возложенные на него функции. Принятые им решения позволили выработать важные правовые позиции и прояснить многие практические вопросы в таких сферах, как функционирование Таможенного союза и внутреннего рынка Союза, общие принципы и правила конкуренции, меры защиты внутреннего рынка, транспортная политика.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Договор о Евразийском экономическом союзе, Суд ЕАЭС, компетенция Суда ЕАЭС, решения Суда ЕАЭС, консультативные заключения Суда ЕАЭС, правовые позиции Суда ЕАЭС

ZHOLYMBET N. BAISHEV

The Court of the Eurasian Economic Union
5, Kirova str., Minsk 220006, Republic of Belarus
E-mail: info@courteurasian.org
ORCID: 0000-0002-3326-1958

THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CHALLENGES OF FUNCTIONING

Abstract. The Court of Eurasian Economic Union is envisaged by the Treaty on EAEC (Eurasian Economic Community) as one of the bodies of the Union. Its principal aim is to ensure uniform application of the Treaty and compliance of the agreements adopted by the Union member states as well as acts of the Union bodies with the Treaty.

All member states, bodies of the Union and, in certain cases, economic entities has the right of appeal to the Court. The Court is empowered to adjudicate cases of disputes arisen within the framework of the Union as well as to issue advisory opinions. Court decisions are binding while advisory opinions are of suggestive nature. When hearing cases, the Court applies the Treaty on EAEC, international treaties of the states concluded within the framework of the Union and norms of international law.

Established in 2015, the Court of EAEC appeared to be in demand among the states, economic entities and bodies of EAEC. The analysis of the activities of the Court and its legal framework enabled to identify a number of outstanding issues related to the status and organization of the activities of the Court. Thus, the competence of the Court as stipulated by the Statute does not reflect the power (as stipulated by the Treaty) of the Highest Eurasian Economic Union to appeal to the Court with a request. The limits of competence of the Court are not clearly and sufficiently denoted, the fact that might serve grounds for the unwarranted expansion thereof. The procedure for initiation of issuance of advisory opinions and termination of proceedings in such cases is not sufficiently regulated. There is no clarity as to the legitimacy of the collective dissenting opinions of judges.

The analysis of the Court practice shows that in broad terms it fulfills its mandate. The decisions adopted by it enabled to elaborate critical legal positions and clarify many practical issues in such areas as functioning of the Customs Union and internal market of the Union, general principles and rules of competition, protective measures for internal market and transportation policy.

Keywords: Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Treaty on Eurasian Economic Union, Court of EAEC, decisions of the Court of EAEC, advisory opinions of the Court of EAEC, legal positions of the Court of EAEC

1. Введение

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — одно из важнейших событий на постсоветском пространстве. Объединение бывших советских республик в интеграционную организацию знаменует новый этап на пути к их эффективному взаимовыгодному сотрудничеству.

Евразийский экономический союз является международной организацией региональной интеграции. Его цель — способствовать экономическому прогрессу путем совместных действий, направленных на решение общих задач, стоящих перед государствами-членами.

К органам Евразийского экономического союза в соответствии с Договором от 29 мая 2014 г.¹ относятся:

Высший Евразийский экономический совет (далее — Высший совет), в состав которого входят главы государств — членов Союза;

Евразийский межправительственный совет, в состав которого входят главы правительств государств-членов;

Евразийская экономическая комиссия (далее — Комиссия) — постоянно действующий регулирующий орган, состоящий из Совета Комиссии и Коллегии Комиссии. В Совет Комиссии входят по одному представителю от каждого государства-члена, являющемуся заместителем главы правительства и наделенному необходимыми полномочиями в соответствии с законодательством своего государства. Коллегия Комиссии является ее исполнительным органом; она формируется из представителей государств-членов исходя из принципа равного представительства;

Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС) — независимый судебный орган, задачей которого является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза учредительных документов ЕАЭС, международных договоров и решений органов Союза. В системе последних Суд занимает особое положение, поскольку в его компетенцию входит и оценка актов, принимаемых другими органами Союза.

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2019).

Согласно Статуту Суда ЕАЭС² в состав Суда входят по два судьи от каждого государства-члена. Срок их полномочий — девять лет. Судьи должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутригосударственного права, а также, как правило, соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов. Судьи назначаются и освобождаются от должности Высшим советом по представлению государств-членов (п. 7–10).

Президент РФ на заседании Высшего совета 14 мая 2018 г. отметил, что Суд ЕАЭС обеспечивает объективное юридическое рассмотрение возникающих между странами спорных ситуаций³.

2. Вопросы компетенции Суда ЕАЭС, требующие уточнения

Компетенция Суда определяется Договором о ЕАЭС, в частности Статутом Суда (гл. IV). При осуществлении правосудия Суд использует широкий круг источников, главным из которых является Договор о ЕАЭС, а также международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства — стороны спора, решения и распоряжения органов Союза. Будучи органом международного правосудия, Суд ЕАЭС, помимо права Союза, применяет также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные обычаи (п. 50 Статута Суда)⁴.

Роли и месту Суда ЕАЭС в системе евразийской интеграции, его компетенции и порядку работы посвящен ряд публикаций ученых-правоведов и практикующих юристов⁵. Однако далеко не все

² Статут Суда Евразийского экономического союза является Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

³ Стенографический отчет о заседании Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе от 14 мая 2018 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/43/events/57468> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴ Подробнее см.: *Ануфриева Л.П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 54.

⁵ См.: *Сейтимова В.Х.* О некоторых вопросах компетенции Суда Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7. С. 23–24; *Соколова Н.А.* Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // *Lex Russica*. 2015. № 11. С. 96–103; *Кембаев Ж.М.* Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2016. № 2. С. 30–45; *Исполинов А.С.* Евразийское правосудие: от Суда сообщества к Суду Союза // *Государство и право*. 2015. № 1. С. 80–88; *Туманян А.Э., Борель Ю.С.* О правотворчестве Суда Евразийского экономического союза //

вопросы, связанные с его деятельностью, получили теоретическое и практическое разрешение.

Существует ряд неточностей и противоречий в нормативных основаниях компетенции Суда, что может затруднить его работу. В частности, сравнительный анализ положений Договора о ЕАЭС и Статута и Регламента Суда⁶ показывает, что в компетенции Суда, установленной Статутом, не отражено полномочие Высшего совета обращаться с запросом к Суду Союза, предусмотренное пп. 10 п. 2 ст. 12 Договора. Следует отметить, что в Статуте и Регламенте Суда даются определения различных видов обращения к Суду, таких как «заявление о разъяснении», «заявление», «жалоба». Обращение к Суду с «запросом» не предусмотрено ни в связи со спорами, ни в порядке разъяснения положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Таким образом, право обращения Высшего совета с запросами к Суду не соотносено с положениями Статута Суда и процессуальными нормами его Регламента. В Регламенте Суда не предусмотрены условия приемлемости такого обращения (например, предмет запроса), процедура его рассмотрения и виды принимаемого решения.

Кроме того, в п. 51 Статута Суда предусмотрено, что положения Договора о ЕАЭС и международных договоров, заключаемых в рамках Союза и с третьими странами, касающиеся разрешения споров, дачи разъяснений и толкований, применяются только в части, не противоречащей Статуту Суда. В данном случае нормы, относящиеся к процессуальной деятельности Суда и его компетенции, возводятся на более высокий уровень по сравнению с нормами учредительного Договора, что не характерно для системы международного права. Таким образом, право запроса Высшего совета к Суду, предусмотренное пп. 10 п. 2 ст. 12 Договора, не может рассматриваться как норма прямого действия.

На первый взгляд кажется, что право Высшего совета обратиться с запросом к Суду ЕАЭС подпадает под действие п. 46 Статута Суда,

Евразийский юридический журнал. 2016. № 10. С. 25–28. *Волова Л.И.* Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте развития евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2. С. 143–147; *Федорцов А.А.* Первый этап в создании и развитии Суда Евразийского экономического союза // Современные проблемы международного и евразийского правосудия. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Н. Старилова. Вып. 10. Воронеж, 2017. С. 115–120.

⁶ Регламент Суда Евразийского экономического союза. Утв. решением Высшего евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 15.01.2019).

в соответствии с которым Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Но в пп. 10 п. 2 ст. 12 Договора говорится об «обращении с запросом к Суду Союза», без указания на конкретный предмет обращения, а в Статуте Суда предмет обращения ограничен только разъяснением положений договоров и решений органов Союза. Как видно, отличие сравниваемых норм касается не только терминологии, но, что намного важнее, и самого предмета обращения. Если бы право Высшего совета на обращение в Суд исчерпывалось запросом о получении консультативного заключения, то не было бы необходимости включать в Договор специальную норму о компетенции Высшего совета по обращению в Суд. Кроме того, для получения консультативного заключения Суда Высший совет мог бы в рамках своих полномочий обязать Комиссию обратиться с соответствующим заявлением в Суд. Логично предположить, что договаривающиеся стороны намеренно зарезервировали за Высшим советом неограниченное право обращения с запросом в Суд в целях не только обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, но и для формирования единого правопорядка в рамках Союза.

Вывод о том, что предусмотренное пп. 10 п. 2 ст. 12 Договора о ЕАЭС право Высшего совета обращаться с запросом в Суд ЕАЭС не регулируется п. 46 Статута Суда, подтверждает анализ положений Регламента Суда, определяющих вопросы принятия к его производству заявлений о разъяснении норм Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Так, согласно ст. 73 Регламента Суд отказывает в принятии к производству заявления о разъяснении, если в нем не соблюдены требования, предусмотренные ст. 10 Регламента. В соответствии с п. 2 этой статьи заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в п. 1 ст. 31 Регламента. В свою очередь, в п. 1 ст. 31 приведен перечень лиц, которые могут представлять в Суде государства-члены и Комиссию, но не Высший совет. Таким образом, в соответствии с Регламентом с заявлением о разъяснении могут обратиться в Суд только государства-члены и Комиссия. Между тем может возникнуть необходимость разъяснения договорных норм Союза или решений его органов по вопросам единообразного понимания и применения права Союза или выполнения требований ст. 6 Договора о ЕАЭС об обеспечении соподчиненности (иерархии) решений и распоряжений, принимаемых органами Сою-

за, а также соответствия их нормам Договора о ЕАЭС и международных договоров в рамках Союза. Представляется, что для решения таких и иных сложных вопросов (например, о соблюдении государством-членом (государствами-членами) Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза) и предусмотрено в Договоре право Высшего совета обращаться с запросами к Суду. Однако для реализации этого права необходимы соответствующие дополнения Статута и Регламента Суда.

Право Высшего совета обратиться с запросом к Суду следует закрепить в отдельной норме Статута, предусмотрев, что такой запрос может осуществляться Высшим советом по любым вопросам, в том числе о разъяснении положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Своими решениями и консультативными заключениями Суд ЕАЭС формирует основные тенденции развития права Союза. Право Союза представляет собой новый правопорядок, и оно, как и деятельность Суда, является предметом активного обсуждения в академическом сообществе⁷, в том числе и за пределами ЕАЭС⁸. В научных публикациях деятельность Суда ЕАЭС нередко оценивается исходя из тех же критериев, что практика Суда ЕС⁹. Однако ЕАЭС устанавливает свой самостоятельный правопорядок, его право весьма спе-

⁷ См.: *Исполинов А.С.* Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 85–93; *он же.* Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта // 2017. Интернет-портал zakon.ru. URL: <https://zakon.ru/blog/2017/3/17> (дата обращения: 12.01.2019); *Исполинов А.С., Кадышева О.В.* Практика применения досудебного порядка рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // Закон. 2016. № 10. С. 120–126; *Воробьев М.В.* О роли Суда ЕАЭС в разрешении межгосударственных споров // Современные проблемы международного и евразийского правосудия. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Н. Старилова. Вып. 10. С. 127–131; *Чайка К.Л., Савенков А.Н.* Проблемные вопросы в практике Суда Евразийского экономического союза // Государство и право. 2018. № 10. С. 5–22.

⁸ См.: *Rosano A.* Wrong Way to Direct Effect?: Case Note on the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union Delivered on 4 April 2017 at the Request of the Republic of Belarus // Legal Issues of Economic Integration. 2018. Vol. 45. Iss. 2. P. 211–219; *Entin K., Pirker B.* The Early Case Law of the Eurasian Economic Union Court: On the Road to Luxembourg? // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2018. Vol. 25. Iss. 3. P. 266–287.

⁹ См., например: *Толстых В.Л.* Практика Суда ЕАЭС / Суда ЕврАзЭС: проблемы правоприменения и некоторые итоги // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 114–128.

цифично. Между Европейским союзом и ЕАЭС имеются существенные отличия: у них разные государства-учредители, не идентичны их учредительные документы, у Суда ЕС и Суда ЕАЭС разная компетенция.

Судья Суда ЕАЭС, как и член любого международного суда, обязан стремиться наиболее точно выражать волю государств-учредителей¹⁰, при этом следует избегать расширительного толкования компетенции Суда.

Когда Суд тогда еще Евразийского экономического сообщества не принял отзыв поданного ранее заявления Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь и дал консультативное заключение, на него обрушился шквал критики в связи с тем, что Суд обязан был прекратить производство по делу¹¹. Чтобы избежать подобных ситуаций, при учреждении ЕАЭС в Регламент Суда была включена норма, которая предусматривает, что заявитель вправе отозвать заявление о разъяснении в любое время до принятия Судом консультативного заключения и отзыв заявления является основанием для прекращения производства (ст. 76). Но когда Суд, ссылаясь на эту статью, прекратил производство по консультативному заключению, он тут же подвергся критике за то, что уклоняется от исполнения своих функций. Утверждалось, что он должен продолжать производство по делу, если вопрос имеет общий характер и затрагивает публичные интересы других государств-членов и Союза в целом¹². Правда, остается неясным, кто должен определять, в каких случаях вопрос носит общий характер, а интересы являются публичными, а в каких нет. И как быть с прямым предписанием Регламента Суда, которое должно неукоснительно соблюдаться?

За годы существования Суда в литературе не раз поднимались вопросы о необходимости совершенствования правовых основ деятельности Суда и, в частности, расширения его компетенции за счет возвращения Комиссии права на обращение в Суд с заявлениями о разрешении споров; расширения перечня государственных орга-

¹⁰ См.: *Leigh M., Ramsey S.D.* Judicial Independence and Impartiality: A Preliminary Inquiry // *The International Court of Justice at a Crossroads* / Ed. by L.F. Damrosch. New York, 1987. P. 123–155.

¹¹ См.: *Исполинов А.С.* Навязанный монолог: первое преюдициальное заключение Суда ЕвразЭС // *Евразийский юридический журнал*. 2013. № 8. С. 21–30.

¹² См.: *Толстых В.Л.* От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2018. № 3. С. 66–76.

нов, уполномоченных обращаться в Суд¹³; возможности и допустимости судейского активизма¹⁴. Вопрос о судейском активизме не имеет однозначного решения. Исходя из учредительных документов ЕАЭС, судейское усмотрение может простираться так далеко, как это позволяют Статут и Регламент Суда.

В процессе деятельности Суда ЕАЭС также был выявлен ряд процессуальных вопросов, требующих совершенствования правового регулирования. Прежде всего это касается процедуры рассмотрения Судом заявлений о разъяснении, а также возможности представления судьями особых мнений в отношении иных актов Суда, кроме решений¹⁵.

Вопрос об особых мнениях судей является весьма актуальным. Согласно п. 1 ст. 79 Регламента Суда судья, не согласный с решением или его отдельными положениями, имеет право заявить свое особое мнение. Следует подчеркнуть, что выражение особого мнения относительно консультативного заключения, как и постановления Суда, невозможно. Особое мнение — это выражение позиции отдельного судьи, и юридической силы оно не имеет¹⁶. В особом мнении должна излагаться аргументация особой позиции судьи; особое мнение не должно заявляться «в рекламных целях». Представляется неправомерным принятие так называемых совместных или коллективных особых мнений. Каждый судья в процессе выступает в личном качестве и должен сохранять свою независимость.

3. Актуальная практика Суда ЕАЭС

За годы своего существования Судом ЕАЭС рассмотрено 36 заявлений о разрешении споров и о разъяснении, 20 из которых было по-

¹³ См.: *Исполинов А.С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 4. С. 152–166.

¹⁴ См.: *Чайка К.Л., Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 17.

¹⁵ См.: *Нешатаева Т.Н.* Единообразное правоприменение — цель Суда Евразийского экономического союза // *Российское правосудие*. 2016. № 11. С. 5–17; *она же.* Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву // *Российское правосудие*. 2017. № 9. С. 5–21; *Ажибраимова А.М., Резванова О.А.* Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ // *Юстиция Беларуси*. 2018. № 6. С. 16–22; *Сейтимова В.Х.* Институт особого мнения: диалектика интеграционных процессов в практике Суда Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 3. С. 69–73.

¹⁶ См.: *Нешатаева Т.Н.* Единообразное правоприменение — цель Суда Евразийского экономического союза. С. 5–17.

дано хозяйствующими субъектами, 14 — уполномоченными органами государств — членом Союза и Комиссией и два — сотрудниками и должностными лицами Комиссии по вопросам, связанным с трудовыми правоотношениями. По рассмотренным делам вынесено 22 решения и консультативных заключения, из них два решения и пять консультативных заключений вынесены в 2018 г.

Так, в консультативном заключении по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь¹⁷ Суд дал ответ на вопрос о том, входят ли решения Комиссии Таможенного союза в право Союза. Суд установил, что они относятся к праву Союза и сохраняют свою юридическую силу при соблюдении двух обязательных условий: (1) они должны были быть действительными на момент вступления в силу Договора о ЕАЭС, т.е. на 1 января 2015 г., и (2) не должны ему противоречить.

В решении по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» об оспаривании бездействия Комиссии Суд отметил, что «хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и, как следствие, в осуществлении Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии»¹⁸. Бездействие Комиссии было признано не в полной мере соответствующим Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В консультативном заключении по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан Суд установил, что

¹⁷ См.: Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 12.01.2019).

¹⁸ Решение Суда Евразийского экономического союза по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к Евразийской экономической комиссии о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, не соответствующим Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, от 11 октября 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 12.01.2019).

принцип свободного перемещения товаров между территориями государств-членов, закрепленный в ст. 25 Договора о ЕАЭС, исключает обязанность физических лиц по декларированию перемещаемых ими денежных средств. Но в случае пересечения таможенной границы Союза, в том числе при следовании лица транзитом через трансферные зоны международных аэропортов третьих стран, лицо обязано декларировать денежные средства¹⁹.

В консультативном заключении по заявлению Комиссии о разъяснении п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений в отношении этой категории лиц при осуществлении трудовой деятельности Суд указал, что п. 2 ст. 97 Договора является нормой прямого действия и подлежит непосредственному применению. В ст. 4 Договора в качестве одной из основных целей Союза названо стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза. Согласно ст. 2 Договора «общий (единый) рынок» — совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Системное толкование указанных положений Договора позволило Суду сделать вывод, что свободное передвижение лиц является одним из элементов функционирования внутреннего рынка. Также Судом был сделан ключевой вывод, что не допускается установление в законодательстве государств-членов и в локальных актах организаций физической культуры и спорта количественных ограничений применительно к профессиональным спортсменам, являющимся гражданами государств — членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания, а также применение действующих ограничений. «В силу п. 1 ст. 97 Договора работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда, — указал Суд. — Трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства. Согласно

¹⁹ См.: Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 15 октября 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 12.01.2019).

п. 2 ст. 97 Договора государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания»²⁰.

В консультативном заключении по заявлению Комиссии о разъяснении положений п. 4 и 6 ст. 76 Договора о ЕАЭС и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего совета от 19 декабря 2012 г. № 29, Суд констатировал, что заключение «вертикального» соглашения, запрещенного п. 4 ст. 76 Договора²¹, и координация экономической деятельности, запрещенная п. 6 ст. 76 Договора²², образуют самостоятельные составы нарушений общих

²⁰ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 7 декабря 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения 18.01.2019).

²¹ Согласно п. 4 ст. 76 Договора запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Приложением № 19 к Договору, в случае если:

1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;

2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), который является конкурентом продавца. Такой запрет не распространяется на соглашения об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя.

²² Согласно п. 6 ст. 76 Договора физическим лицам, коммерческим организациям и некоммерческим организациям запрещается осуществлять координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов, если такая координация приводит или может привести к любому из указанных в п. 3 и 4 ст. 76 последствий, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Приложением № 19 к Договору. Государства-члены вправе устанавливать в своем законодательстве запрет на координацию экономической деятельности, если такая координация приводит или может привести к последствиям, указанным также в п. 5 ст. 76, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Приложением № 19 к Договору.

правил конкуренции, основаниями разграничения которых являются круг субъектов, характер их взаимодействия и положение в структуре товарного рынка. Комиссия реализует полномочия по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в координации экономической деятельности, при условии, что такая координация оказывает негативное влияние на конкуренцию на трансграничном товарном рынке, географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов²³.

В консультативном заключении по заявлению Комиссии о разъяснении гарантий трудовой деятельности международных служащих Суд указал, что «п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (Приложение № 32 к Договору)²⁴ применяется в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суда замещали должности федеральной государственной службы»²⁵. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной и др.) определяется в соответствии с российским законодательством. В п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах предусмотрено включение периода работы должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда

²³ См.: Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 17 декабря 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 18.01.2019).

²⁴ Согласно п. 53 Положения должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, являющиеся гражданами Российской Федерации, замещавшие до работы в Комиссии и Суда должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы, освобожденные от должностей, замещаемых в Комиссии и Суда (за исключением случаев освобождения, связанных с виновными действиями), и имеющие стаж государственной гражданской службы не менее 15 лет, имеют право на пенсию за выслугу лет, назначаемую в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации для федеральных государственных гражданских служащих, если непосредственно перед увольнением из Комиссии и Суда они замещали в них должности не менее 12 месяцев. Представление (решение) об установлении пенсии за выслугу лет принимается руководителем федерального органа исполнительной власти, выполняющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере пенсионного обеспечения, по представлению Председателя Коллегии Комиссии и Председателя Суда Союза.

²⁵ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 20 декабря 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 12.01.2019).

в стаж государственной службы для установления социальных гарантий, в том числе для назначения пенсии за выслугу лет.

В решении по делу по заявлению ЗАО «Санofi-Авентис Восток» о признании решения Коллегии Комиссии от 3 октября 2017 г. № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза»²⁶ не соответствующим Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности Суд отметил, что «критериями классификации товаров в целях таможенного декларирования являются объективные характеристики и свойства товаров, которые должны соотноситься с текстами конкретных товарных позиций ТН ВЭД Союза²⁷ и соответствующих примечаний к разделам или группам»²⁸. При этом оценке подлежат свойства товаров, объективно характеризующие их в момент пересечения таможенной границы. Суд пришел к выводу, что по функциональному назначению, конструктивным характеристикам и принципу действия устройство «шприц-ручка одноразовая» совпадает с описанием и функциональным назначением шприца. Особенности конструкции и процесс сборки устройства не влияют на функциональное назначение устройства и, соответственно, на его отнесение к категории шприцев. Суд отказал в удовлетворении заявления ЗАО «Санofi-Авентис Восток», признав оспариваемое решение Коллегии Комиссии соответствующим Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза.

4. Заключение

Практика Суда ЕАЭС показывает, что в целом он выполняет функцию, возложенную на него Договором. Принятые им решения позволили выработать важные правовые позиции и прояснить многие практические вопросы в таких сферах, как функционирование Тамо-

²⁶ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 12.01.2019).

²⁷ Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

²⁸ Решение Суда ЕАЭС от 21 декабря 2018 г. // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 16.01.2019).

женного союза и внутреннего рынка Союза, общие принципы и правила конкуренции, меры защиты внутреннего рынка, транспортная политика.

Краткий анализ дел, рассмотренных Судом только в 2018 г., свидетельствует о востребованности у уполномоченных органов государств-членов и Комиссии такого инструмента разъяснения права Союза, как консультативные заключения. Несмотря на то что такие заключения имеют рекомендательный характер, выработанные Судом позиции используются Комиссией, правоприменительными органами, национальными органами правосудия при разрешении конкретных дел, когда возникает необходимость применения права ЕАЭС. Кроме того, для государств — членов Союза консультативные заключения служат одним из ориентиров при внесении изменений в национальное законодательство.

Таким образом, Суд ЕАЭС играет активную роль в процессе укрепления евразийской экономической интеграции и совершенствования ее правовой базы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ажибраимова А.М., Резванова О.А. Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ // Юстиция Беларуси. 2018. № 6. С. 16–22.

Ануфриева Л.П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3

Волова Л.И. Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте развития евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2. С. 143–147.

Воробьев М.В. О роли Суда ЕАЭС в разрешении межгосударственных споров // Современные проблемы международного и евразийского правосудия. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Н. Старилова. Вып. 10. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 127–131.

Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от Суда сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. № 1. С. 80–88.

Исполинов А.С. Навязанный монолог: первое преюдициальное заключение Суда ЕвразЭС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 8. С. 21–30.

Исполинов А.С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 85–93.

Исполинов А.С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта // 2017. Интернет-портал zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2017/3/17/reshenie_suda_eaes_

po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_belarus_pravosudie_posredi_poli (дата обращения: 12.01.2019).

Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств — членов Евразийского экономического союза // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 4. С. 152–166. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.152.166

Исполинов А.С., Кадышева О.В. Практика применения досудебного порядка рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // *Закон*. 2016. № 10. С. 120–126.

Кембаев Ж.М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2016. № 2. С. 30–45.

Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение — цель Суда Евразийского экономического союза // *Российское правосудие*. 2016. № 11. С. 5–17.

Нешатаева Т.Н. Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву // *Российское правосудие*. 2017. № 9. С. 5–21.

Сейтимова В.Х. Институт особого мнения: диалектика интеграционных процессов в практике Суда Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 3. С. 69–73.

Сейтимова В.Х. О некоторых вопросах компетенции Суда Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 7. С. 23–24.

Соколова Н.А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // *Lex Russica*. 2015. № 11. С. 96–103.

Толстых В.Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2018. № 3. С. 66–76.

Толстых В.Л. Практика Суда ЕАЭС / Суда ЕвразЭС: проблемы правоприменения и некоторые итоги // *Международное правосудие*. 2016. № 4. С. 114–128.

Туманян А.Э., Борель Ю.С. О правотворчестве Суда Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 10. С. 25–28.

Федорцов А.А. Первый этап в создании и развитии Суда Евразийского экономического союза // *Современные проблемы международного и евразийского правосудия. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.Н. Старилова. Вып. 10. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 115–120.*

Чайка К.Л., Савенков А.Н. Проблемные вопросы в практике Суда Евразийского экономического союза // *Государство и право*. 2018. № 10. С. 5–22.

Entin K., Pirker B. The Early Case Law of the Eurasian Economic Union Court: On the Road to Luxembourg? // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. 2018. Vol. 25. Iss. 3. P. 266–287. DOI: 10.1177/1023263X18781193

Leigh M., Ramsey S.D. Judicial Independence and Impartiality: A Preliminary Inquiry // *The International Court of Justice at a Crossroads / Ed. by L.F. Damrosch*. New York: Transnational Publ., 1987. P. 123–155.

Rosano A. Wrong Way to Direct Effect?: Case Note on the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union Delivered on 4 April 2017 at the Request of

the Republic of Belarus // Legal Issues of Economic Integration. 2018. Vol. 45. Iss. 2. P. 211–219.

REFERENCES

Anufrieva, L.P. (2016). EAES i “pravo EAES” v mezhdunarodno-pravovom izmerenii [Eurasian Economic Union and “the Law of Eurasian Economic Union” in International Law Dimension]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], (4), pp. 48–62. (in Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3

Azhibraimova, A.M. and Rezvanova, O.A. (2018). Osoboe mnenie sudyi Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: sravnitel’no-pravovoi analiz [Dissenting Opinion of a Judge of the Court of the Eurasian Union]. *Yustiziya Belorussii* [Justice of Belorussia], (6), pp. 16–22. (in Russ.).

Chaika, K.L. and Savenkov, A.N. (2018). Problemnye voprosy v praktike Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Problem Issues in the Practice Eurasian Economic Union Court]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (10), pp. 5–22. (in Russ.).

Entin, K. and Pirker, B. (2018). The Early Case Law of the Eurasian Economic Union Court: On the Road to Luxembourg? *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 25(3), pp. 266–287. DOI: 10.1177/1023263X18781193

Fedortsov, A.A. (2017). Pervyi etap v sozdanii i razvitii Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The First Stage in the Creation and Development of the Court of Justice of the Eurasian Economic Union]. In: Yu. N. Starilov, ed. *Sovremennye problemy mezhdunarodnogo i evraziyskogo pravosudia* Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Contemporary Problems of International and Eurasian Justice. The Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Issue 10. Voronezh: Izdatel’skii dom VGU, pp. 115–120 (in Russ.).

Ispolinov, A.S. (2013). Navyazanniy monolog: pervoe preiuditsial’noe zakluchenie Suda EvrAsES [An Imposed Monologue: The First Preliminary Ruling of the Court of The Eurasian Economic Community]. *Evrasiiski yuridicheski zhurnal* [Eurasian Law Journal], (8), pp. 21–30. (in Russ.).

Ispolinov, A.S. (2015). Evraziiskoe pravosudie: ot Suda soobshchestva k sudu soyuza [The Eurasian Justice: From the Community’s Court to the Court of the Union]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (1), pp. 80–88. (in Russ.).

Ispolinov, A.S. (2016). Pervoe reshenie Suds EAES: revisia nasledstva i ispytanie iskusheniem [The First Judgment of the Court of The Eurasian Economic Union: A Revision of Legacy and a Temptation Challenge]. *Rossiiski juridicheski zhurnal* [Russian Juridical Journal], (4), pp. 85–93. (in Russ.).

Ispolinov, A.S. (2016). Statut Suda EAES kak otrazhenie opasenii i somnenii gosudarstv-chlenov [Statute of EAEU Court as Reflection of EAEU Members Concerns and Doubts]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], (4), pp. 152–166 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.152.166

Ispolinov, A.S. (2017). Reshenie Suda EAES po sporu Rossiyskaya Federatsiya protiv Respubliki Belarus’: pravosudie posredi politicheskogo konflikta [Judgment of the Court of the EAEU the Russian Federation v the Republic of Belarus: The Justice in the Midst of Political Conflict]. *Internet portal zakon.ru*. [online]. Available at: <https://zakon.ru/>

blog/2017/3/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_belarus_pravosudie_posredi_poli [Accessed 12 January 2019]. (in Russ.).

Ispolinov, A.S. and Kadyшева, O.V. (2016). Praktika primeneniya dosudebnogo porjadka rassmotreniya sporov v sudah evraziiskoi integracii [The Practice of Pre-trial Consideration of Disputes in the Eurasian Integration Courts]. *Zakon* [Law], (10), pp. 120–126. (in Russ.).

Kembayev, Zh. (2016). Sravnitel'no-pravovoi analiz funkcionirovaniya Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The Comparative Study of Functioning of the Court of the Eurasian Economic Union]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], (2), pp. 30–45 (in Russ.).

Leigh, M. and Ramsey, S.D. (1987). Judicial Independence and Impartiality: A Preliminary Inquiry. In: L.F. Damrosch, ed. *The International Court of Justice at a Crossroads*. New York: Transnational Publ., pp. 123–155.

Neshataeva, T.N. (2016). Edinoobrasnoe pravoprimenenie — tsel' Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Uniform Law Enforcement — Goal of the Court of the Eurasian Economic Union]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], (11), pp. 5–17 (in Russ.).

Neshataeva, T.N. (2017). Sud EAES: ot pravovoi pozitsii k deistvuyushchemu pravu [The Court of the Eurasian Economic Union: From Legal Opinion to the Effective Law]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], (9), pp. 5–21 (in Russ.).

Rosanò, A. (2018). Wrong Way to Direct Effect?: Case Note on the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union Delivered on 4 April 2017 at the Request of the Republic of Belarus. *Legal Issues of Economic Integration*, 45(2), pp. 211–219.

Seitimova, V.H. (2018). Institut osobogo mnenia: dialektika integracionnykh processov v praktike Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Institute of Separate Opinion: Dialectics of Integration Processes in Practice of the Court of the Eurasian Economic Union]. *Evrasiiski yuridicheski zhurnal* [Eurasian Law Journal], (3), pp. 69–73 (in Russ.).

Sokolova, N.A. (2015). Evrasiskaya integraciya: vozmozhnosti Suda Soyuzha [Eurasian Integration: Powers of the Eurasian Union Court]. *Lex Russica* [Lex Russica], (11), pp. 96–103. (in Russ.).

Tolstykh, V.L. (2018) Ot apologii k apologii: nekotorye obshchie problemy deyatelnosti Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [From Apology to Apology: General Problems Arising From the Activity of The Eurasian Economic Union Court]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], (3), pp. 66–76 (in Russ.).

Tumanyan, A.E. and Borel, Yu.S. (2016). O pravotvorchestve Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [The Law-Making of the Court of the Eurasian Economic Union]. *Evrasiiski yuridicheski zhurnal* [Eurasian Law Journal], (10), pp. 25–28 (in Russ.).

Volova, L.I. (2017). Perspektivy deyatelnosti Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (EAES) v kontexte razvitiya evraziiskoi integracii [The Prospects of Activities of Court of the Eurasian Economic Union in the Context of Development of the Eurasian Integration]. *Evrasiiski yuridicheski zhurnal* [Eurasian Law Journal], (2), pp. 143–147. (in Russ.).

Vorobyov, M.V. (2017). O roli Suda EAES v razreshenii mezhdosudarstvennykh sporov [On the Role of the Court of the Eurasian Economic Union in the Settlement

of Inter-State Disputes]. In: Yu. N. Starilov, ed. *Sovremennye problemy mezhdunarodnogo i evrazijskogo pravosudia* Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Contemporary Problems of International and Eurasian Justice. The Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Issue 10. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, pp. 127–131 (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Баишев Жолымбет Нурахметович — Председатель Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук, доцент, профессор Университета «Туран» (Алматы).

AUTHOR'S INFO

Zholymbet N. Baishev — President of The Court of the Eurasian Economic Union, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Turan University (Almaty).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Баишев Ж.Н. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 57–75.

CITATION:

Baishev, Zh.N. (2019). The Court of the Eurasian Economic Union: Challenges of Functioning. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 57–75.

ГАЛИНА ГЕОРГИЕВНА ШИНКАРЕЦКАЯ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: interlaw@igpran.ru
ORCID: 0000-0001-6050-8357

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА НЕПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Аннотация. Незнаменное государство — это образование, отделившееся от государства и провозгласившее себя новым самостоятельным государством. Его внутреннее устройство обычно ничем не отличается от устройства государства, при наличии конституции, правовой системы и государственных органов. Но такое образование либо признается в качестве субъекта международного права незначительным числом государств, либо не признается никем. Незнаменные государства не имеют международных договоров. Это не значит, что на них не лежат никакие международные обязательства. Основные принципы международного права и иные императивные нормы и принципы обязательны для себя. Кроме того, незнаменные государства зачастую добровольно принимают на себя международные обязательства по различным договорам, но они не признаются сторонами таких договоров. При этом отмечается отличие статуса незнаменных государств от иных акторов, не являющихся государствами: в международном общении есть примеры, когда к участию в международных договорах допускаются международные организации (например, Европейский союз) и даже неправительственные организации. Незнаменные государства не допускаются к участию в международных договорах.

Таким образом, создается ситуация полной безответственности, когда у незнаменного государства нет партнеров, которые бы поставили вопрос об ответственности в случае нарушения международного права; не распространяется на них и юрисдикция договорных органов, создаваемых для мониторинга имплементации обязательств по отдельным договорам.

Хорошей иллюстрацией является Приднестровская Молдавская Республика. В ее Конституцию включено положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры составляют часть ее правовой системы. ПМР не имеет межгосударственных договоров, но приняла несколько нормативных актов о признании важнейших международных договоров, в частности Европейскую конвенцию по правам человека. Признание ПМР международных договоров составляет фактически присоединение Республики к договорам. Однако ПМР не является стороной этих договоров, поскольку Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. допускает к участию в них только субъектов международного права, каковым

непризнанная ПМР не является. Создается ситуация, когда международное сообщество не может предъявить ПМР требование об ответственности за неисполнение договора. Однако, по нашему мнению, такого пробела нет в отношении общепризнанных принципов и норм: в современном международном праве складывается обязательство исполнения таких принципов и норм всеми субъектами международного общения. Одним из примеров нарушения международного права со стороны Республики являются события в связи с возбуждением уголовных дел в отношении бывшего Президента Республики. ПМР нарушила положения Европейской конвенции по правам человека, что обесценило признание Республикой международного права.

Ключевые слова: непризнанное государство, общепризнанные принципы и нормы международного права, ответственность в международном праве, международное право в правовой системе страны, методы обычно-правового развития международного права

GALINA G. SHINKARETSKAIA

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation

E-mail: interlaw@igpran.ru

ORCID: 0000-0001-6050-8357

INTERNATIONAL OBLIGATIONS OF UNRECOGNIZED STATE. THE CASE OF TRANSDRISTRIAN MOLDAVIAN REPUBLIC

Abstract. Unrecognized states are formations separated themselves from another state and had declared itself a new self-standing state. The inner structure of the formation does not differ from the structure of other states in that it possesses a constitution, legal system and state bodies. But such a formation is not recognized by the international community in the capacity of a subject of international law or is recognized by a minor number of states.

Unrecognized states do not have interstate treaties with UN members, yet this does not mean that no international obligations are obligatory for them. General principles of international law and peremptory norms are obligatory notwithstanding recognition. Moreover, unrecognized state sometimes accept voluntarily international obligations of some treaties, still they are not recognized as parties thereof. The status of unrecognized states differ from the status of other actors not states in international relations: sometimes intrastate or even non-governmental organizations, e.g. European union, are accepted as parties to international treaties. Unrecognized states can never become parties to international treaties.

Thus a situation of irresponsibility is created, when an unrecognized state has no partners who could question a responsibility in case of a breach of international law; neither the jurisdiction of treaty bodies created to monitor implementation of the treaty obligations.

Transdnstrian Moldavian Republic is a good illustration here. Its Constitution contains a rule that the generally recognized principles and norms of international law and international treaties are a part of its legal system. The Republic does not have interstate treaties, but accepted some normative acts on the recognition of the most important human rights treaties. This is in fact a joining of the Republic to the treaties. Yet the Republic is not a party to them because the Vienna Convention on the law of international treaties 1969 allows only the subjects of international law to conclude international treaties which unrecognized Transdnstria is not. Thus the situation is created where the international community cannot submit a claim of failure to fulfill a treaty to Transdnstria.

We submit that this is not so with generally recognized norms and principles because an obligation is emerging in the contemporary international law that all actors of international intercourse must fulfill those principles and norms. The events around the indictment of the former President of the Republic are a good example of breach of international law. The Republic broke the European Convention on human rights which diminished the acceptance of international law by the Republic.

Keywords: unrecognized state, generally recognized norms and principles, responsibility in international law, international law in the legal system of a state, methods of customary development of international law

1. Введение

Одно из еще не исследованных явлений современной международной жизни — возникшие в конце XX в. образования, которые имеют все формальные характеристики государств¹, но не признаны международным сообществом в качестве субъектов международного права² (условное название — «непризнанные государства»).

Внимание, которое решила уделить этому вопросу такая серьезная и авторитетная международная организация ученых, как Ассоциация международного права, свидетельствует о важности для международного права связанной с этим проблемы. В рамках Ассоциации с 2009 по 2018 г. действовал специальный комитет, занимавшийся проблемой

¹ См.: *Claessen H.J.* State // *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. Vol. 4 / Ed. by D. Levinson, M. Ember. New York, 1996. P. 1255.

² См.: *Медникова А.А.* Историко-теоретический анализ правового статуса непризнанных государств на примере прецедентов существования непризнанных государств в современном мире // *Мир юридической науки*. 2018. № 8. С. 21–25.

признания/непризнания в международном праве³. Главный вопрос, интересовавший Комитет, — существует ли обязанность государств признавать или не признавать по каким-либо критериям новые самопровозглашенные государства. В итоге он пришел к выводу, что такой обязанности не существует, это добровольный акт каждого из государств⁴. Следовательно, правомерность существования образований, провозглашающих себя государствами, не регулируется международным правом.

В связи с этим остается нерешенная проблема — каковы правовые рамки, в которых могут или должны действовать непризнанные государства. И поскольку они действуют на международной арене, какова валидность для них международного права, которое может служить не только регулятором их отношений с другими субъектами международного права, но и оказывать влияние на внутренний правопорядок.

Образования, называемые непризнанными государствами, весьма различны, например:

Тайвань — государство, возникшее в соответствии с канонами международного права, признанное рядом государств, бывшее государством — основателем ООН. Однако КНР считает, что Тайвань составляет часть территории континентального Китая, а потому его существование незаконно. Большинство государств, уступая настояниям КНР, не осуществляют формального признания Тайваня *de jure*, однако поддерживают оживленные экономические связи. Поэтому можно констатировать признание *de facto*;

Палестина — государство, создаваемое по воле Организации Объединенных Наций, в силу множества политических, культурологических, геополитических причин не стала пока действительно государством, хотя многие страны официально признают палестинские движения как прообраз будущего правительства. Международное сообщество осуществляет очень значительную гуманитарную помощь народу Палестины;

Турецкая Республика Северного Кипра — созданная в 1974 г., как и большинство непризнанных государств, при поддержке иностран-

³ International Law Association. Committees. Recognition/Non-Recognition in International Law (2009–2018) // International Law Association. URL: <http://www.ila-hq.org/index.php/committees> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴ См.: Заключительный доклад Комитета по признанию. URL: [http://www.ila-hq.org/images/ILA/DraftReports._ Recognition/Non-recognition in International Law \(2009–2018\) Conference Resolution Sydney 2018 English.pdf](http://www.ila-hq.org/images/ILA/DraftReports._Recognition/Non-recognition%20in%20International%20Law%20(2009-2018)%20Conference%20Resolution%20Sydney%202018%20English.pdf) (дата обращения: 12.01.2019).

ного государства, снабдившего ее вооружением, и путем осуществления крупномасштабных этнических чисток. Республика существует едва ли не дольше всех самопровозглашенных государств. *De jure* признана Турцией, *de facto* имеет отношения со многими государствами;

Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика, образованные после распада Советского Союза на его бывшей территории. Абхазия и Южная Осетия признаны Россией и еще несколькими небольшими странами. Нагорный Карабах и Приднестровская Молдавская Республика не признаны ни одним государством.

За рамками нашего анализа мы оставляем те фактически вооруженные бандитские формирования, которые также могут называть себя государствами, но которые не обладают никакими признаками государственности, как, например, сомалийские группировки. Подобные образования откровенно разбойничьего типа могут быть лишь объектами принудительных мер мирового сообщества. Важнее для рассмотрения те непризнанные государства, которые, отделившись от другого государства, стремятся использовать цивилизованные методы для вхождения в мировое сообщество. Однако необходимо признать, что каждое из самопровозглашенных государств образовано после жестоких военных действий, во время которых погибли тысячи людей. Можно утверждать, что в основе их образования лежат тяжелые нарушения всех норм права и морали. Тем не менее фактически в каждом из них созданы государствоподобные структуры, которым присущи все характеристики государственных органов; у них есть конституция и правовая система. Есть и система социального обеспечения.

В качестве объекта исследования рассмотрим Приднестровскую Молдавскую Республику, которая, как отмечалось выше, не признана ни одним государством, но проявляет готовность разделять ценности международного права.

2. Что такое Приднестровская Молдавская Республика?

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) находится на левом берегу Днестра; до распада СССР входила в состав Молдавии. В конце 1980-х гг., когда в Советском Союзе обострились национальные проблемы⁵, в Молдавии стали стремительно расти прорумынские

⁵ См.: An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires / Ed. by J.S. Olson, B.P. Lee, N.C.J. Pappas. Westport, 1994. P. 6.

настроения. Но в Приднестровье идея объединения с Румынией была встречена враждебно, и в противовес ей активизировалось движение за выход из состава Молдавии.

Первоначально, как и во всех союзных республиках, предпринимались попытки получить бóльшую степень автономии в рамках советского законодательства⁶, что постепенно привело бы к отделению от Молдавии. Однако было решено настаивать на независимости под крылом размещенной в Приднестровье 14-й армии СССР.

Второй Чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Приднестровья состоялся 2 сентября 1990 г. в Тирасполе, на нем было провозглашено образование суверенного государства — Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики в составе обновленного Союза. На первой сессии Верховного Совета ПМССР 8 декабря 1990 г. были приняты Декларация об образовании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики⁷ и Декрет о государственной власти⁸. На IV съезде Советов депутатов всех уровней 2 сентября 1991 г. была принята первая Конституция Приднестровья. В настоящее время действует Конституция Приднестровской Молдавской Республики 1995 г. в редакции от 23 ноября 2018 г.⁹

В соответствии с Конституцией Республика является президентской (ч. 1 ст. 55). В стране созданы органы государственной власти, имеется довольно обширное законодательство, включающее кодексы и подзаконные акты¹⁰.

Согласно Конституции в ПМР применяется и международное право. Так, в ч. 2 ст. 10 предусмотрено: «Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Приднестровской Молдавской Республики являются основой отношений с другими государствами и составной частью правовой си-

⁶ См.: Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities / Ed. by G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, E. Allworth. Cambridge, 1998. P. 56.

⁷ Текст Декларации см.: URL: <https://www.docme.ru/doc/671905/deklaraciya-ob-obrazovanii-pridnestrovskoj-moldavskoj> (дата обращения: 11.01.2019).

⁸ Текст Декрета см.: Приднестровье. Информационно-новостной ресурс ПМР. URL: <http://newspmr.com/pridnestrove/dekr-gos-pmssr> (дата обращения: 11.01.2019).

⁹ Текст Конституции см.: Министерство юстиции Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://justice.idknet.com/web.nsf/767eb8a58ad76a2bc22574d5002acf15/7ba08d6c06e90e9fc2257230004f24e4!OpenDocument> (дата обращения: 21.01.2019).

¹⁰ См.: Жигулин А.М. К вопросу об особенностях законотворческого процесса в государствах с непризнанным статусом // Вестник российской нации. 2016. № 4. С. 207.

стемы». Это значит, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также нормы международных договоров могут применяться в правовой системе ПМР на тех же основаниях, что и положения законодательства Республики.

В отношении международных договоров данное положение подтверждается в Законе от 19 мая 2016 г. № 131-3-VI «О международных договорах Приднестровской Молдавской Республики»¹¹: «Международные договоры Приднестровской Молдавской Республики наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Приднестровской Молдавской Республики составной частью ее правовой системы» (ч. 1 ст. 4).

Таким образом, обязательными для ПМР и применимыми к оценке действий ее субъектов являются две группы документов: общепризнанные принципы и нормы международного права; международные договоры.

Общепризнанные принципы — это основные положения международного права, признанные международным сообществом в целом¹². Они всегда формируются в процессе единообразного и повторяющегося поведения государств, которое рано или поздно признается единственно правомерным. Указанные принципы могут быть зафиксированы в письменном виде в договоре, например в Уставе ООН (запрет применения силы, обязательность исполнения международных обязательств, суверенное равенство и т.д.). Обычно признание этих принципов не требуется, они обязательны для всех независимо от признания, так что любое образование, считающее себя государством, обязано их исполнять. Возражения против них не допускаются. Особенность принципов международного права состоит в том, что они имеют нормативный характер.

Приднестровская Молдавская Республика осуществила признание общепризнанных принципов в нескольких документах. В Декларации о независимости от 25 августа 1991 г.¹³ говорится: «Отношения Приднестровской Молдавской Республики с другими государствами строятся на основе договоров, заключенных на принципах равнопра-

¹¹ Текст Закона см.: Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/Kqv> (дата обращения: 25.02.2019).

¹² См.: Мовчан А.П. Международный правопорядок. М., 1996. С. 66.

¹³ Текст Декларации см.: Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/DTr> (дата обращения: 25.02.2019).

вия, взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела других государств». В Преамбуле Конституции ПМР подтверждена «приверженность общечеловеческим ценностям, стремление жить в мире и согласии со всеми народами в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права», а в ст. 10 закреплено, что ее внешняя политика «исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств».

Нормы международного права, как и принципы, могут иметь обычно-правовое происхождение, а могут быть сформулированы в каком-либо договоре и затем получить практически всеобщее признание. Общепризнанной может считаться норма, признанная либо человеческим сообществом в целом, либо большинством государств, деятельность которых имеет решающее значение для существования данной нормы¹⁴.

Как и общепризнанные принципы, международные нормы обязательны для любого образования независимо от признания. А вот обязательства по международным договорам в отличие от общепризнанных принципов и международных норм не могут возникнуть без явно выраженного согласия государства. Чаще всего государства вступают в договорные отношения путем подписания, а затем, если это предусмотрено договором или национальным законодательством, ратификации или утверждения текста договора. Поскольку Приднестровская Молдавская Республика не признана другими государствами, для нее действуют несколько иные способы принятия на себя договорных обязательств¹⁵.

С государствами — членами ООН ею не подписано ни одного договора. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. были подписаны договоры с рядом субъектов Российской Федерации и областями Украины: с Волгодонской областью и Администрацией Санкт-Петербурга, с Одесской и с Винницкой областью¹⁶. Но эти договоры, хотя они и являются

¹⁴ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2005. С. 134.

¹⁵ См.: Frowein J.A. De Facto Regime // Encyclopedia of Public International Law. Instalment 4: Use of Force; War and Neutrality; Peace Treaties (N-Z) / Ed. by R. Bernhardt. Amsterdam, 1987. P. 73.

¹⁶ См.: Международная договорная правосубъектность ПМР: ключевые формы фиксации юридического признания «de facto» // Информационное агентство «Оливия-пресс» Приднестровская Молдавская Республика. URL: http://olvia1.idknet.com/index.php?option=com_content&view=article&catid=69:2010-01-25-09-07-10&id=11287:--7 (дата обращения: 28.09.2018).

трансграничными, нельзя считать межгосударственными¹⁷. Заведующий отделом права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук М.Ф. Казанцев, ссылаясь на ст. 72 Конституции РФ, указывает: «Право субъектов Российской Федерации заключать международные договоры (соглашения) зиждется на их конституционно-правовом статусе»¹⁸. Однако далее он отмечает, что согласно Федеральному закону от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»¹⁹ соглашения «об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенные органами государственной власти субъекта Российской Федерации, независимо от формы, наименования и содержания не являются международными договорами».

Более обоснованно международными договорами можно считать договоры о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Южная Осетия (подписан 20 сентября 2016 г., ратифицирован в январе 2017 г.) и Республикой Абхазия (подписан 29 сентября 2017 г., ратифицирован в январе 2018 г.).

Указанные два договора — примечательное явление. Обе их стороны — непризнанные государства, в самостоятельности которых имеются веские основания сомневаться. Однако примем во внимание, что все современные государства живут в обстановке глобализации единства мировой экономики и ни одно государство не может вести изолированную экономическую политику. Если бы договаривающиеся непризнанные государства были расположены в одном географическом регионе, можно было бы говорить о региональных закономерностях. Однако в современных условиях глобального информационного общества границы пространства стираются. Опыт БРИКС свидетельствует о том, что продвинутое сотрудничество возможно между географически далекими странами²⁰.

¹⁷ См.: *Aust A. Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge, 2000. P. 20.

¹⁸ См.: *Казанцев М.Ф.* Международные договоры (соглашения) субъектов РФ: конституционно-правовая основа, понятие, виды // *Мудрый юрист*. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/22051-mezhdunarodnye-dogovory-soglasheniya-subektov-konstitucionno-pravovaya-osnova> (дата обращения: 02.10.2018).

¹⁹ СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 231.

²⁰ См.: *Кофейников Д.В.* Электронная торговля в странах БРИКС: состояние и перспективы // *Современное право*. 2015. № 8. С. 136–138.

С точки зрения международного права важно, что стороны заключенных соглашений считают их международными договорами; значит, правомерно применять к ним нормы и принципы международного права²¹. Если договорные отношения между непризнанными государствами будут развиваться, это создаст новый вид международно-правового регулирования, где будут действовать нормы международного права, но сторонами таких отношений будут не субъекты международного права.

«Настоящие» международные договоры с государствами — членами ООН непризнанные государства, в частности ПРМ, пока не заключали²². Для непризнанных образований имеется другая возможность принять на себя обязательства по международным договорам, где остальными участниками являются признанные международным сообществом государства — члены ООН.

Обратимся к самому авторитетному документу в области права международных договоров — Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.²³ Она является кодифицирующим документом, т.е. состоит в основном из общепризнанных норм права. Ее участниками в настоящее время являются 114 государств. В соответствии со ст. 11 Конвенции согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, ратификацией договора, его принятием, утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором условились. Условие о международном признании для присоединения к договору в Конвенции не упоминается. Следовательно, правомерным способом принятия обязательств по международному договору для Приднестровской Молдавской Республики является присоединение. В отличие от его заключения присоединение к договору осуществляется в одностороннем порядке и не требует признания со стороны других участников договора²⁴, од-

²¹ См.: *Ковбан А.В.* Формы признания государств в международном праве и сотрудничество непризнанных государств // *Дневник алтайской школы политических исследований.* № 32. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе): Сб. научных статей / Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2016. С. 42–46.

²² См.: *Аленова К.К.* Значение признания государств и место «непризнанных» государств в международных отношениях // *Развитие науки в современном мире.* Сб. статей международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 44–49.

²³ Текст Конвенции см.: *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1986. № 37. Ст. 772.

²⁴ См.: *Research Handbook on the Law of Treaties* / Ed. by C.J. Tams, A. Tzanakopoulos, A. Zimmerman, A.E. Richford. Cheltenham; Northampton, 2014. P. 209.

нако отказ в присоединении может последовать при наличии возражений других участников договора.

В случае признанных государств присоединение делает присоединяющийся субъект участником договора. Это значит, что между присоединившимся субъектом и другими участниками договора возникают правоотношения, регулируемые договором²⁵. Такие правоотношения дают основания для предъявления иска об ответственности присоединившегося субъекта за нарушение договора.

За время своего существования ПМР признала обязательными для себя довольно большое число международных договоров, присоединяясь к отдельным конкретным договорам или к категориям договоров.

Включение договоров в правовую систему Республики было предусмотрено в ч. 2 ст. 10 Конституции Приднестровской Молдавской Республики. Признание Устава ООН — основополагающего документа современного международного права — было осуществлено Законом «О международных договорах Приднестровской Молдавской Республики». В его преамбуле предусматривается, что международные договоры образуют «правовую основу межгосударственных отношений... в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». Из этого следует, что и материальное содержание, и процессуальное применение любого договора, заключаемого или признаваемого ПМР, должно соответствовать духу и букве Устава ООН²⁶.

Итак, принятые на себя в одностороннем порядке обязательства по международному праву позволяют применять его к оценке событий в ПМР²⁷.

3. Проблемы реализации ответственности по международному праву

В отношениях с фактически существующими образованиями особую важность приобретают вопросы ответственности. Поскольку эти образования не признаны в качестве государств, т.е. субъектов между-

²⁵ См.: Лукашук *И.И.* Современное право международных договоров: В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 57.

²⁶ См.: Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary / Ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. 2nd ed. Berlin, 2018. P. 322.

²⁷ См.: Марусин *И.С.* О некоторых правовых аспектах взаимоотношений с непризнанными государствами // Российский ежегодник международного права. СПб., 2000. С. 220.

народного права, их нельзя привлечь к ответственности за нарушение международного права и, тем более, к ним не могут применить контрмеры в соответствии с предусмотренной международным правом процедурой. В практике международного общения государства нередко используют средства нажима на непризнанные образования для достижения своих целей, и это создает неправовую ситуацию, от которой страдают обе стороны, и непризанному образованию приходится полагаться на милость более мощного партнера, который имеет статус субъекта международного права.

Не наделены полномочиями в отношении непризнанных образований и договорные органы мониторинга, которые особенно действенны в области прав человека (Комитет по правам человека, Комитет по правам инвалидов и т.п.), поскольку непризанное государство (в нашем случае Приднестровская Молдавская Республика) приняло на себя обязательства, но не является признанным участником договора. Пример тому — события позапрошлого года, связанные с изменением законодательства о гарантиях лицам, занимавшим должности Президента, Вице-Президента и Председателя Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики и прекратившим исполнение своих полномочий, и членам их семей²⁸, в соответствии с которыми Президент ПМР освобождался от ответственности за действия, совершенные в период его нахождения в должности. В соответствии с этим Законом Следственным комитетом были заведены уголовные дела в отношении бывшего Президента ПМР, возглавлявшего Республику с 2011 по 2016 г.²⁹ Поскольку предусмотренные в этом Законе изменения были произведены после прекращения полномочий Президента, к данной ситуации применима формула *nullum crimen sine lege* («нет преступления без закона»), которая в современном праве формулируется как «никто не может быть обвинен в преступлении, если его деяние не запрещено законом». В ст. 9 Международного пакта о гражд-

²⁸ Закон Приднестровской Молдавской Республики от 30 января 2017 г. № 26-ЗИ-VI «О внесении изменений в Закон Приднестровской Молдавской Республики “О гарантиях лицам, занимавшим должности Президента Приднестровской Молдавской Республики, Вице-Президента Приднестровской Молдавской Республики, Председателя Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики и прекратившим исполнение своих полномочий, и членам их семей”» // Официальный сайт Президента ПМР. URL: <http://gos-pmr.ru/pravovye-akty/zakoni/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-o-vnesenii-izmeneniya-v-zakon-pridnestrov> (дата обращения: 28.09.2018).

²⁹ Накануне заседания парламента, на котором бывшего Президента ПМР должны были лишить неприкосновенности, он тайно покинул страну.

данских и политических правах 1966 г.³⁰ дается ее разъяснение: «Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом».

Однако в силу непризнанности ПМР нарушение международного права может быть констатировано только самой Республикой. Можно сделать вывод, что институт международно-правовой ответственности здесь не действует. Другой вид ответственности — за ущерб, причиненный физическим и юридическим лицам, как правило, признается. Достаточно вспомнить инциденты с российскими летчиками в воздушном пространстве африканских непризнанных государств и переговоры, в которые вступало по этому поводу Правительство РФ.

Нередко существующие режимы, не несущие международно-правовой ответственности, становятся препятствием для нормальных международных отношений, что вызывает тревогу мирового сообщества. В качестве примера можно привести усилия по созданию механизмов наказания сомалийских пиратов, которые не входят в зону ответственности ни одного государства.

4. Заключение

Полному официальному признанию самопровозглашенных государств препятствует то, что в большинстве своем они созданы с массированным применением силы, а это строгойше запрещено международным правом. Кроме того, признание каждого из таких образований может привести к бесконечному дроблению государств и является нарушением общепризнанного императивного принципа неприкосновенности и территориальной целостности государства. Принцип самоопределения не может служить противовесом принципу территориальной целостности: ни в одном международном документе не зафиксирован его приоритет и не закреплено право самоопределяющегося народа на политическое отделение; не содержит таких положений и ни одна конституция какого бы то ни было государства, что ясно говорит о позициях государств; субъектом титула на территорию является народ, населяющий соответствующее государство, так что вопрос о ее разделении должен приниматься не самоопределяющейся частью, а всем народом государства.

Вместе с тем попытки «материнского» государства силой вернуть отколовшееся образование также неправомерны, поскольку приме-

³⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

нение силы категорически запрещено международным правом в каких бы то ни было целях.

Складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, существование самопровозглашенных образований расценивается как помеха упорядоченным, стабильным международным отношениям, потому что нередко эти образования оказываются «дырами» в регулировании торговых и иных экономических отношений, служат «прачечными» для отмывания преступных доходов и базой для контрабанды; нередко их обвиняют в пособничестве терроризму и содействию террористической деятельности. С другой стороны, мировое сообщество в целом терпимо относится к их существованию. Причина этой терпимости, возможно, кроется в том же запрете применения силы, а может быть, в том, что другим государствам просто выгодно иметь рядом с собой такие не вполне легитимные образования. Вспомним, что в случае наложения санкций Советом Безопасности ООН на то или иное государство всегда находится какое-то другое государство, которое, нарушая эти санкции, продолжает поддерживать неправомерные отношения.

В настоящее время позиция международного сообщества формулируется в отношении каждого отдельного конкретного образования; общая позиция не выработана, и проблема ждет своего решения.

Анализ событий, происходящих в Приднестровской Молдавской Республике, позволяет увидеть важные тенденции в международном праве.

Во-первых, Республика, стремящаяся войти в международное сообщество, придает важное значение внедрению международного права в свою политику и правовую систему, закрепляя соответствующие положения в Конституции.

Во-вторых, заметны определенные новации в методах принятия обязательств по международному праву, несмотря на то, что самой Республикой не заключены ни двусторонние, ни многосторонние межгосударственные договоры. Она в одностороннем порядке принимает на себя обязательства по важнейшим многосторонним соглашениям, регулирующим основы международных отношений. Самое примечательное, что Приднестровская Молдавская Республика, не являющаяся стороной в этих договорах и не принимавшая участия в их заключении, обязуется следовать их положениям. Таким образом, происходит распространение международного права на государства, не являющиеся участниками международных договоров, т.е. универсализация международного права. Такое признание норм международ-

ного права в качестве обязательных можно расценивать как проявление *opinio juris*, т.е. ПМП, как, несомненно, и другие непризнанные государства, участвует в обычно-правовом развитии международного права.

В-третьих, Приднестровская Молдавская Республика, не признанная международным сообществом субъектом международного права, несомненно, является участником международного общения, более того, ее можно квалифицировать в качестве бенефициария международного права: неизвестно, что было бы с Республикой, если бы не реальное действие принципа неприменения силы в международных отношениях. В то же время сама она использует международное право для совершенствования своей внутренней правовой системы.

В-четвертых, положение внутри Республики во многом зависит от игры политических сил: с приходом к власти нового Президента и нового состава Верховного Совета в Приднестровской Молдавской Республике грубо нарушается международное право, ее руководство пренебрегает принципом запрета обратного действия закона в ущерб интересам обвиняемого лица. Верховный Совет изменил законодательство, пренебрегая положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод и общепризнанной нормой *nullum crimen sine lege*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аленова К.К. Значение признания государств и место «непризнанных» государств в международных отношениях // Развитие науки в современном мире. Сб. статей международной научно-практической конференции. М.: ООО «Центр научных исследований и консалтинга», 2017. С. 44–49.

Жигулин А.М. К вопросу об особенностях законотворческого процесса в государствах с непризнанным статусом // Вестник российской нации. 2016. № 4. С. 205–214.

Ковбан А.В. Формы признания государств в международном праве и сотрудничество непризнанных государств // Дневник алтайской школы политических исследований. № 32. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе): Сб. научных статей / Под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 42–46.

Кофейников Д.В. Электронная торговля в странах БРИКС: состояние и перспективы // Современное право. 2015. № 8. 136–138.

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005.

Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004.

Марусин И.С. О некоторых правовых аспектах взаимоотношений с непризнанными государствами // Российский ежегодник международного права. СПб.: Россия-Нева, 2000. С. 218–229.

Медникова А.А. Историко-теоретический анализ правового статуса непризнанных государств на примере прецедентов существования непризнанных государств в современном мире // Мир юридической науки. 2018. № 8. С. 21–25.

Мовчан А.П. Международный правопорядок. М.: ИГП РАН, 1996.

An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires / Ed. by J.S. Olson, B.P. Lee, N.C.J. Pappas. Westport: Greenwood Press, 1994.

Aust A. *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Claessen H.J. State // *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. Vol. 4 / Ed. by D. Levinson, M. Ember. New York: H. Holt, 1996.

Frowein J.A. De Facto Regime // *Encyclopedia of Public International Law Instalment 4: Use of Force; War and Neutrality; Peace Treaties (N-Z)* / Ed. by R. Bernhardt. Amsterdam: North-Holland, 1987.

Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities / Ed. by G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, E. Allworth. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Research Handbook on the Law of Treaties / Ed. by C.J. Tams, A. Tzanakopoulos, A. Zimmerman, A.E. Richford. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2014.

Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary / Ed. by O. Dörr, K. Schmalenbach. 2nd ed. Berlin: Springer, 2018. DOI: 10.1007/978-3-662-55160-8

REFERENCES

Alenova, K.K. (2017). Znachenie priznaniya gosudarstv i mesto “nepriznannykh” gosudarstv v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The Value of the Recognition of States and the Place of “Unrecognized” States in International Relations]. In: *Razvitie nauki v sovremennom mire. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Development of Science in the Modern World. The Collection of Articles of the International Scientific-Practical Conference]. Moscow: OOO “Tsentr nauchnykh issledovaniy i konsaltinga”, pp. 44–49. (in Russ.).

Aust, A. (2000). *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.

Claessen, H.J. (1996). State. In: D. Levinson and M. Ember, eds. *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. Volume 4. New York: H. Holt.

Dörr, O. and Schmalenbach, K. eds. (2018). *Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary*. 2nd ed. Berlin: Springer. DOI: 10.1007/978-3-662-55160-8

Frowein, J.A. (1987). De Facto Regime. In: R. Bernhardt, ed. *Encyclopedia of Public International Law. Instalment 4: Use of Force; War and Neutrality; Peace Treaties (N-Z)*. Amsterdam: North-Holland.

Kofeinikov, D.V. (2015). Elektronnaya trgovlya v stranakh BRIKS: sostoyanie i perspektivy [E-commerce in BRICS Countries: State and Prospects]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law]. 2015. № 8. 136–138. (in Russ.).

Kovban, A.V. (2016). Formy priznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave i sotrudnichestvo nepriznannykh gosudarstv [Forms of Recognition of States in International Law and Cooperation of Unrecognized States]. In: Yu. G. Chernyshov, ed. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh Issledovaniy. No 32. Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya (Separatizm i ego rol' v mirovom politicheskom protsesse): sbornik nauchnykh statei* [The Diary of the Altai School of Political Studies. No 32. Modern Russia and the World: Development Alternatives (Separatism and its Role in the Global Political Process): The Collection of Scientific Articles]. Barnaul: Altaiskii universitet Publ., pp. 42–46. (in Russ.).

Lukashuk, I.I. (2004). *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of International Treaties]. Volume 1. Moscow: Wolters Kluwer. (in Russ.).

Lukashuk, I.I. (2005). *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part]. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. (in Russ.).

Marusin, I.S. (2000). O nekotorykh pravovykh aspektakh vzaimootnoshenii s nepriznannymi gosudarstvami [Some Legal Aspects of Relations with Unrecognized States]. *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Russian Year-Book of International Law]. Saint Petersburg: Rossiya-Neva, pp. 218–229. (in Russ.).

Mednikova, A.A. (2018). Istoriko-teoreticheskii analiz pravovogo statusa nepriznannykh gosudarstv na primere pretsedentov sushchestvovaniya nepriznannykh gosudarstv v sovremennom mire [Historical and Theoretical Analysis of Legal Status of Unrecognized States on the Example of Precedents of Unrecognized States in the Modern World]. *Mir yuridicheskoi nauki* [World of Jurisprudence], (8), pp. 21–25. (in Russ.).

Movchan, A.P. (1996). *Mezhdunarodnyi pravoporyadok* [International Law and Order]. Moscow: IGP RAN. (in Russ.).

Olson, J.S., Lee, B.P. and Pappas, N.C.J. eds. (1994). *An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires*. Westport: Greenwood Press.

Smith, G., Law, V., Wilson, A., Bohr, A. and Allworth, E. eds. (1998). *Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tams, C.J., Tzanakopoulos, A., Zimmerman, A. and Richford, A.E. eds. (2014). *Research Handbook on the Law of Treaties*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing.

Zhigulin, A.M. (2016). K voprosu ob osobennostyakh zakonotvorcheskogo protsessa gosudarstvakh s nepriznannym statusom [To the Question about the Peculiarities of the Legislative Process in the State With an Unrecognized Status]. *Vestnik rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian Nation], (4), pp. 205–214. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шинкарецкая Галина Георгиевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук.

AUTHOR'S INFO:

Galina G. Shinkaretskaia — Doctor of Legal Sciences, Chief Research Fellow of the International Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шинкарецкая Г.Г. Международные обязательства непризнанного государства (на примере Приднестровской Молдавской Республики) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 76–93.

CITATION:

Shinkaretskaia, G.G. (2018). International Obligations of Unrecognized State. The Case of Transdnistrian Moldavian Republic. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14 (1), pp. 76–93.

ПРАВО И КОСМОНАВТИКА

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАТУРИН

Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова
Российской академии наук
125315, Российская Федерация, Москва, ул. Балтийская, д. 14
E-mail: baturin@ihst.ru
SPIN-код: 9179-9362
ORCID: 0000-0003-1481-5369

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОСМОНАВТА: КРАТКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Аннотация. Впервые правовой статус космонавта Российской Федерации рассматривается не только посредством анализа законодательства или отдельного нормативного акта, но и как обобщение практической деятельности в области пилотируемой космонавтики.

История формирования правового статуса космонавта началась с 1960 г. За два первых десятилетия пилотируемой космонавтики совершенствовались и были введены в действия четыре Положения о космонавтах СССР. Однако в течение четверти века в Российской Федерации практическая летно-космическая деятельности осуществлялась без какого-либо документа, регулирующего правовой статус космонавта. А подготовка Положения о космонавтах в Российской Федерации в период 1992–2017 гг. сталкивалась с серьезными препятствиями.

Утвержденное Правительством РФ в 2017 г. Положение о космонавтах Российской Федерации имеет существенные недостатки и пробелы. Приводится перечень проблем правового статуса космонавта, еще ожидающих своего решения. На основании летно-космического опыта предлагается дополнить Положение о космонавтах новыми нормами, касающимися прав и обязанностей космонавта.

Понятие «космонавт» и трудовую функцию космонавта предлагается определять через четыре компонента: специальность «космонавт», квалификацию «космонавт», должность «космонавт» и профессию «космонавт». Такой подход отличается от логики действующего Положения о космонавтах 2017 г., в котором трудовая функция космонавта рассматривается как синоним профессиональной деятельности космонавта.

Обосновывается необходимость Типового контракта на выполнение пилотируемого космического полета и Типового контракта на подготовку к выполне-

нию пилотируемого космического полета; достаточно подробно рассматривается их содержание.

Предлагается ввести в правовой статус космонавта международный компонент и при этом не только использовать весь комплекс прав и привилегий космонавтов, которые предусмотрены международным правом, но наделять космонавта полномочиями представителя государства на зарубежном или международном пилотируемом космическом объекте. Новые нормативные положения, необходимость которых обосновывается в статье, будут способствовать преодолению отставания правового регулирования в области космических полетов в России от зарубежного уровня и отечественной практики пилотируемой космонавтики.

Ключевые слова: космонавт, трудовая функция космонавта, профессиональная деятельность космонавта, права и обязанности космонавта, правовой статус космонавта, контракт на выполнение космического полета, Положение о космонавтах

YURI M. BATURIN

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Science

14, Baltiyskaya str., Moscow 125315, Russian Federation

E-mail: baturin@ihst.ru

ORCID: 0000-0003-1481-5369

COSMONAUT'S LEGAL STATUS: BRIEF PROFESSIONAL COMMENTARY

Abstract. For the first time ever, the status of a cosmonaut of the Russian Federation shall be treated not only through the review of the legislation or a separate regulatory act but also through the summarization of practical activity in the area of manned cosmonautics.

The history of shaping a legal status of a cosmonaut has started since 1960. Over the first two decades of manned cosmonautics, four Regulations on cosmonauts of the USSR have been introduced and refined. However, for a quarter of a century in the Russian Federation, the practical space activities have been running without any instrument regulating the legal status of a cosmonaut. During the period 1992–2017, the preparation of the Regulation on cosmonauts in the Russian Federation was facing serious obstacles.

The Regulation on cosmonauts of the Russian Federation approved by the Russian Government in 2017 has significant drawbacks and gaps. A list of challenges of the legal status of a cosmonaut to be addressed is provided. It is expected to

supplement the Regulation on cosmonauts by new standards pertaining cosmonaut's rights and obligations based upon space expertise.

It is proposed to define the concept "cosmonaut" and cosmonaut's job description using four components: speciality "cosmonaut", qualification "cosmonaut", position "cosmonaut" and profession "cosmonaut". Such approach differs from the logic of the applicable Regulation on cosmonauts 2017 where the cosmonaut's job description shall be treated as a synonym of the cosmonaut's professional activity.

The need for availability of a Model Contract for execution of manned space mission and Model Contract for preparation to execution of manned space mission is rationalized; its content is provided in sufficient detail.

It is proposed to introduce an international dimension into the legal status of a cosmonaut, and in doing so not only to use the whole array of rights and privileges of cosmonauts stipulated by the international law, but also to empower a cosmonaut to act as a representative of the State both at the overseas or international manned space object.

The new regulatory acts, the need for which is given rationale in the article, will contribute to bridging gaps of legal regulation in the area of space missions in Russia between the western expertise and national practice of manned cosmonautics.

Keywords: astronaut, astronaut's labour function, professional activities of an astronaut, astronaut's rights and obligations, astronaut's legal status, contract for undertaking of space mission, Statute on astronauts

1. Введение

Законом РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» установлено, что правовое положение (статус) космонавтов определяется Правительством РФ¹. Почти четверть века в Российской Федерации «действовало» Положение о космонавтах СССР, утвержденное постановлением Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР от 30 апреля 1981 г. № 425-127². Мягко говоря, этот документ советского времени далеко не в полной мере обеспечивал регулирование основополагающих вопросов, связанных с особенностями правового статуса российских космонавтов, спецификой их профессиональной деятельности. А если говорить прямо, то при всем желании реально применить можно было только один пункт данного Положения — право космонавта бесплатно пользоваться Почтой летчиков-космонавтов, которая на самом деле не относилась к Почте

¹ Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» // Российская газета. 1993. 6 окт. № 186.

² Положение о космонавтах СССР. Утв. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 апреля 1981 № 425-127 (Личный архив автора. Документ опубликован не был).

России, а была всего лишь небольшим структурным подразделением Центра подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина.

И вот, наконец, постановлением Правительства РФ от 10 мая 2017 г. № 551 было утверждено Положение о космонавтах Российской Федерации³, направленное на устранение пробелов в правовом регулировании профессиональной деятельности космонавтов. Автор видит свою задачу в том, чтобы прокомментировать данное Положение с юридической точки зрения и с профессиональной позиции космонавта, имея в виду не только решенные, но и в большей мере «забытые» этим документом проблемы.

2. История вопроса

11 января 1960 г. в соответствии с постановлениями ЦК КПСС⁴ и Совета Министров СССР⁵ Главнокомандующий Военно-воздушных сил (ВВС) СССР Главный маршал авиации К.А. Вершинин определил организационно-штатную структуру Центра подготовки космонавтов ВВС и зачислил на должность слушателей 20 летчиков, которым предстояло стать космонавтами⁶. 3 марта 1960 г. министр обороны СССР утвердил совершенно секретное «Временное сокращенное положение о космонавтах»⁷. Через полгода постановлением Совета Министров СССР «О подготовке полета человека в космическое пространство» было утверждено первое Положение о космонавтах Союза ССР⁸. Этим документом впервые в нашей стране были введены должности

³ Постановление Правительства РФ от 10 мая 2017 г. № 551 «Об утверждении Положения о космонавтах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № . 21. Ст. 3004.

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 января 1959 г. № 22-10 «Об усилении научно-исследовательских работ в области медико-биологического обеспечения космических полетов» // Вестник Архива Президента РФ. Специальный выпуск «Советский космос». 2011. С. 115–116 (АП РФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1051. Л. 2–3).

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1959 г. № 569-264 «Об объекте “Восток”» // Вестник Архива Президента РФ. Специальный выпуск «Советский космос». 2011. С. 123–125 (АП РФ. Ф. 3. Оп. 47. Д. 275. Л. 2–34).

⁶ Директива Главнокомандующего ВВС от 11 января 1960 г. № 321141 (Личный архив автора).

⁷ Приказ министра обороны СССР от 3 марта 1960 г. № 0031 // Первый пилотируемый полет. Сборник документов в двух книгах. Книга первая. М., 2011. С. 180–182 (ЦА МО. Ф. 2. Оп. 179434. Д. 58. Д. 169–161).

⁸ Постановление Совета Министров СССР от 3 августа 1960 г. № 866-361 // Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. /

«космонавт», «инструктор-космонавт» и «старший инструктор-космонавт», а также получила официальное подтверждение уже существовавшая к тому времени должность «слушатель-космонавт». Кроме того, были впервые определены этапы подготовки космонавтов к космическим полетам и перечень организаций, на которые возлагалось их осуществление. Впервые были определены и вопросы материального обеспечения и социальной защиты космонавтов и членов их семей.

В связи с новыми задачами по освоению космического пространства и необходимостью подготовки высококвалифицированных космонавтов-исследователей (инженеров) и космонавтов-испытателей (ученых разных специальностей) было принято совершенно секретное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 27 марта 1967 г. № 270-105 «О подготовке космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей», которым утверждалось Положение о космонавтах-испытателей и космонавтах-исследователях Союза ССР⁹.

Полтора десятилетия космических полетов дали большой опыт, но и выявили новые проблемы, которые требовали правового урегулирования. 30 апреля 1981 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР было утверждено новое Положение о космонавтах СССР, которое с изменениями, принятыми в 1993 г.,¹⁰ действовало до 2017 г. Данным Положением были введены новые наименования должностей космонавтов: «кандидат в космонавты-испытатели» и «кандидат в космонавты-исследователи» (аналог «слушателя-космонавта»), «космонавт-испытатель» и «космонавт-исследователь», «инструктор-космонавт-испытатель» и «инструктор-космонавт-исследователь». Согласно Положению 1981 г. статус космонавта распространялся только на проходящих службу в Отряде космонавтов Центра подготовки космонавтов (ЦПК) имени Ю.А. Гагарина. Поэтому космонавты, находившиеся на административных должностях Центра, юридически выбыли из Отряда¹¹.

Под ред. Ю.М. Батурина. М., 2008. С. 101–106 (Документ хранится в Архиве Президента РФ. Ф. 93).

⁹ Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / Под ред. Ю.М. Батурина. С. 326–331 (Документ хранится в Архиве Президента РФ. Ф. 93).

¹⁰ Постановление Совета министров — Правительства РФ от 17 мая 1993 г. № 455 «Вопросы материального и пенсионного обеспечения космонавтов» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 21. Ст. 1908.

¹¹ См.: Советские и российские космонавты. 1960–2000 / Сост. И.А. Маринин, С.Х. Шамсутдинов, А.В. Глушко; под общ. ред. Ю.М. Батурина. М., 2001. С. 8–11.

После распада Советского Союза создание новых государственных структур и органов управления, а также принципиально новой нормативно-правовой базы, регулирующей в том числе и космическую деятельность, привело к тому, что Положение о космонавтах СССР фактически утратило юридическую силу. Верховный Совет РСФСР сразу же установил, что «на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению»¹². Многих организаций, министерств и ведомств, указанных в Положении о космонавтах СССР, уже не было, их функции выполнялись другими организациями с новыми названиями.

Сразу после создания 25 февраля 1992 г. Федерального космического агентства (ФКА) вопрос урегулирования возникших пробелов поставили космонавты С.В. Кричевский и Н.Н. Фефелов, выступившие с инициативой разработки нового Положения о космонавтах России¹³. Полтора года работу над Положением откладывали под предлогом подготовки закона «О космической деятельности», а затем начались межведомственные согласования. В период 1996–2001 гг. Российским государственным научно-исследовательским испытательным Центром подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина (РГНИИЦПК) с участием Ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С.П. Королёва (РКК «Энергия») и Государственным научным центром РФ «Институт медико-биологических проблем» (ГНЦ РФ ИМБП) был разработан проект Положения о космонавтах Российской Федерации, отправленный на рассмотрение в Российское авиационно-космическое агентство (Росавиакосмос) для принятия решения по его доработке (при необходимости) и последующего представления в Правительство РФ на утверждение¹⁴. Следует отметить, что отправленный в Росавиакосмос

¹² Постановление Верховного Совета РФ от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» (п. 2) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1991. № 51. Ст. 1798.

¹³ *Кричевский С.В., Фефелов Н.Н.* Положение о космонавтах и кандидатах в космонавты Российской Федерации. Проект. Редакция 01 от 29 июля 1992 г. (Личный архив автора). Информация о проекте и его концепция были опубликованы: Концепция и проект «Положения о космонавтах и кандидатах в космонавты Российской Федерации» // Новости космонавтики. 1992. № 10. С. 13–15.

¹⁴ Исх. РГНИИЦПК — 888/Э от 04.12.2001; вх. Росавиакосмоса — 247 от 04.12.2001 (Личный архив автора).

проект во многом был результатом компромисса между основными организациями, традиционно участвовавшими в отборе и подготовке космонавтов и имеющими в своей структуре собственные отряды космонавтов, как это и было закреплено в Положении о космонавтах СССР 1981 г. Данное обстоятельство привело к избыточной защите в проекте внутриведомственных интересов. Необходимо учесть и несовершенство вновь создаваемой нормативно-правовой базы, регулирующей в том числе и область пилотируемой космонавтики. Представленный проект Агентством был отклонен.

В 2002 г. начальник РГНИИЦПК летчик-космонавт СССР генерал-полковник П.И. Климук утвердил НИР РГНИИЦПК «Разработка проекта Положения о космонавтах Российской Федерации» (шифр «Силуэт-Н»). Работа была выполнена в сентябре — декабре 2002 г. и подготовленный проект предложили обсудить и согласовать РКК «Энергия» и ГНЦ РФ ИМБП. С тех пор подготовка проекта Положения о космонавтах Российской Федерации 11 лет ходила по кругу: согласование документа ЦПК, РКК «Энергия» и ИМБП — возражения Росавиакосмоса (с 2004 г. Федеральное космическое агентство (ФКА)) — возвращение к версии ФКА — согласование... и т.д. Соотношение сил участников создания проекта все это время менялось. РГНИИЦПК как структура, имеющая двойное подчинение (Министерство обороны РФ и ФКА), в 2009 г. был упразднен. Вместо него была создана гражданская организация Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский испытательный Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина» (ФГБУ НИИ ЦПК). Реформирование ЦПК тянулось несколько лет, соответственно тормозились и такие не первоочередные работы, как подготовка Положения о космонавтах. Кроме того, в этот период отряды космонавтов ЦПК, РКК «Энергия», ИМБП и Российской академии наук в конце 2010 г. были объединены в единый отряд космонавтов Роскосмоса на базе ФГБУ НИИ ЦПК¹⁵.

В этот период над проектом Положения о космонавтах РФ работали:

- от ЦПК имени Ю.А. Гагарина: Ю.М. Батурин, С.А. Волков, В.Н. Дмитриев, В.Г. Корзун, Б.И. Крючков, Ю.И. Онуфриенко, В.А. Рень, Ю.Б. Сюсюрка, А.В. Темеров, М.М. Харламов и др.;

¹⁵ Приказ Федерального космического агентства от 7 декабря 2010 г. № 197 «О создании единого отряда космонавтов Федерального космического агентства» // СПС «КонсультантПлюс».

- от РКК «Энергия» имени С.П. Королёва: А.П. Александров, С.В. Бронников, И.В. Виноградова, П.В. Виноградов, А.С. Иванченков, А.Ю. Калери, Ю.В. Усачев и др.;

- от ГНЦ РФ — ИМБП РАН: Г.И. Самарин.

Наконец, в 2014 г. в ФКА возникла идея вместо Положения о космонавтах подготовить проект федерального закона «О космонавтах Российской Федерации». Нельзя сказать, что это была хорошая идея: многие важные для профессиональной деятельности космонавтов вопросы были просто мелки для федерального закона, но и те, что могли бы быть урегулированы на законодательном уровне, в дальнейшем трудно было бы изменять. Ситуацию (только применительно к подготовке Положения о космонавтах) спасло упразднение ФКА и создание на его базе Государственной корпорации (ГК) «Роскосмос»¹⁶. Инициативы ФГБУ НИИЦПК, наконец, достигли цели, Положение о космонавтах Российской Федерации было одобрено ГК «Роскосмос» и утверждено Правительством РФ.

3. Проблемы, урегулированные Положением о космонавтах

Положением о космонавтах Российской Федерации 2017 г. в той или иной степени урегулированы семь (только семь!) вопросов из десятков самых актуальных. Посмотрим, как это сделано.

3.1. *Определение понятия «космонавт».* Определение любого понятия, даже для конвенционального употребления в нормативном акте — дело весьма непростое. Согласно Положению «космонавтом является гражданин Российской Федерации, выразивший желание участвовать в космических полетах, соответствующий профессиональным и медицинским требованиям, установленным Государственной корпорацией по космической деятельности “Роскосмос” (далее — уполномоченный орган), прошедший конкурсный отбор и подготовку к выполнению пилотируемых космических полетов в порядке, установленном уполномоченным органом, и по результатам квалификационной аттестации принятый в подведомственном уполномоченному органу учреждении (далее — учреждение) на должность космонавта-испытателя для осуществления профессиональной деятельности (трудовой функции) в области испытаний и эксплуатации космической техники в услови-

¹⁶ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4341.

ях пилотируемого космического полета или космонавта-исследователя для осуществления профессиональной деятельности (трудовой функции) в области проведения научно-прикладных исследований и экспериментов в условиях пилотируемого космического полета» (п. 2).

Собственно, к этому определению больше всего претензий.

Главный недостаток связан с парадоксальной системой профессий и должностей, принятой в Российской Федерации. На сегодняшний день в нашей стране единым нормативным правовым актом, содержащим наименования существующих и официально признанных профессий, является Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94 (ОКПДТР)¹⁷. Документ состоит из двух разделов: 1) профессии рабочих и 2) должности служащих. Первый раздел формируется на основе данных Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, уставов, специальных положений и соответствующих постановлений, регламентирующих состав профессий в отраслях экономики. В названных документах упоминаний о профессии «космонавт» нет. Второй раздел составлен на основе Единой номенклатуры должностей служащих Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, действующих постановлений и других нормативных документов по вопросам оплаты труда с учетом наименований должностей, применяемых в экономике. В этом перечне должностей есть указание на шесть должностей космонавтов: инструктор-космонавт-испытатель, инструктор-космонавт-исследователь, кандидат в космонавты-испытатели, кандидат в космонавты-исследователи, космонавт-испытатель и космонавт-исследователь. Основанием для их включения в ОКПДТР послужило Положение о материальном обеспечении космонавтов в Российской Федерации¹⁸, содержащее перечень указанных штатных должностей.

Ныне действующее Положение о космонавтах Российской Федерации исключило из перечня «космических» должностей «кандидата

¹⁷ Постановление Комитета Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации от 26 декабря 1994 г. № 367 «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94» (с последующими изм.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Положение о материальном обеспечении космонавтов в Российской Федерации, утв. постановлением Совета министров — Правительства РФ от 17 мая 1993 г. № 455 «Вопросы материального и пенсионного обеспечения космонавтов» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 21. Ст. 1908.

в космонавты-испытатели» и «кандидата в космонавты-исследователи» (напоминаю: аналог «слушателей-космонавтов»), т.е. лиц, проходящих общекосмическую подготовку — необходимую базовую профессиональную подготовку космонавта, проводимую в ФГБУ «НИИ ЦПК имени Ю.А. Гагарина». Вряд ли это правильно, потому что никого не назначают сразу после конкурсного отбора на должность «космонавт-испытатель» или «космонавт-исследователь», а сначала лица, прошедшие отбор, замещают должности «кандидат в космонавты-испытатели» или «кандидат в космонавты-исследователи» согласно штатному расписанию отряда космонавтов для прохождения начальной подготовки. Кандидат в космонавты-испытатели, кандидат в космонавты-исследователи обязан овладеть в течение определенного времени установленными для курса общекосмической подготовки знаниями и навыками, выполнять все требования руководства отряда космонавтов, Центра подготовки космонавтов и Роскосмоса. Наряду с нормами трудового права отношения по подготовке кандидата в космонавты регулируются также специальными нормами, определяемыми учебным характером выполняемых кандидатом в космонавты операций, часть которых носит сложный и опасный для здоровья и жизни характер и направлена на получение знаний и навыков, необходимых космонавту в профессиональной деятельности.

Кроме того, определение полностью исключает из числа космонавтов не только ушедших из жизни до распада СССР летчиков-космонавтов СССР, но и космонавтов, прошедших в Советском Союзе полный курс подготовки, получивших документы, подтверждающие их квалификацию космонавта, и работавших на указанных выше должностях космонавта, даже осуществлявших дублирование, однако по разным причинам не выполнивших космический полет. Некоторые из них продолжают трудиться в космической отрасли и сегодня, но никаких льгот, включая бесплатную медицинскую помощь, как летчики-космонавты СССР (п. 9 Положения о космонавтах), не получают. Представляется неправильным такое отсечение фрагмента исторической памяти и несправедливое отношение к людям, которые отдавали свои силы и здоровье формированию высочайшего космического авторитета Советского Союза, правопреемником которого стала Российская Федерация.

Но главная проблема в том, что в определении (и вообще — в Положении о космонавтах) в точном соответствии с ОКПДТР ни слова не сказано о профессии «космонавт», хотя имеются понятия «профессиональная деятельность» (п. 2, 3, 4, 6) и «профессиональные

требования» (п. 2). Они взяты из ст. 20 Закона РФ «О космической деятельности» (п. 2 и п. 1 соответственно). Более того, существует профессиональный стандарт космонавта-испытателя, в котором также используется термин «профессиональная деятельность»¹⁹. Данный стандарт появился после утверждения Положения о космонавтах 2017 г., однако до него действовал другой профессиональный стандарт²⁰, не отличающийся от нынешнего в части обсуждаемых вопросов. Таким образом, оказывается, что профессиональная деятельность и профессиональные требования есть, а профессии «космонавт», в которую мы зовем школьников и студентов, нет.

В п. 2 Положения о космонавтах профессиональная деятельность рассматривается как понятие, равнозначное трудовой функции (п. 2, 3). Между тем в соответствии с ч. 2 ст. 57 Трудового кодекса РФ к обязательным условиям трудового договора относится трудовая функция — работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации. Л.Ю. Бугров, анализируя формирование понятия «трудовая функция» в науке трудового права, критически отмечал узкий (и устаревший) подход, при котором трудовая функция служащих определяется должностью, а трудовая функция рабочих — профессией²¹. Понятие «трудовая функция» не эквивалентно понятию «профессиональная деятельность» (в профессиональном стандарте космонавта описание трудовых функций — именно так, во множественном числе — рассматривается как «функциональная карта вида профессиональной деятельности», т.е. упрощенное описание профессиональной деятельности через функции). А это значит, что целесообразно было бы в Положении о космонавтах трудовой статус космонавта (кандидата в космонавты) описывать через указанные четыре категории — должность, профессия, специальность и квалификация. Предложения, как это сделать, будут сформулированы в следующем разделе статьи. Отсутствие в ОКПДТР

¹⁹ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 4 июня 2018 г. № 359н «Об утверждении профессионального стандарта “Космонавт-испытатель”» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. 19 июня 2018.

²⁰ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 614н «Об утверждении профессионального стандарта “Космонавт-испытатель”» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. 2 октября 2015.

²¹ См.: Бугров Л.Ю. Трудовой договор в России и за рубежом. Пермь, 2013. С. 268.

профессии «космонавт», конечно, сильно усложняет задачу, но юристы способны справиться с такой проблемой, пусть и путем создания неких вычурных правовых механизмов. Например, в связи с тем, что в самое ближайшее время в космосе потребуются рабочие, занятые на сборке сложных космических конструкций, можно просить Министерство труда и социальной защиты РФ рассмотреть вопрос о введении новой рабочей профессии «космонавт» и внесении соответствующих данных в ОКПДТР, а затем приравнять рабочую профессию «космонавт» к выполнению схожих функций космонавтами-инженерами и космонавтами-учеными. Впоследствии потребуется внести соответствующие изменения в ст. 20 Закона «О космической деятельности»: разработать определение профессии «космонавт» и описание профессионального статуса космонавта.

В Положении о космонавтах, как и в Законе РФ «О космической деятельности», профессиональные и медицинские требования разделены. Поставим это под сомнение. Представляется, что специальные медицинские требования являются частью профессиональных требований. Это, в частности, следует из п. 4, 5 и 6 Положения о космонавтах, в которых некоторые права, а главное — четыре обязанности космонавта, сформулированные через императивные медицинские требования, прямо и безусловно увязываются с осуществлением профессиональной деятельности. Целесообразно при последующих корректировках Закона РФ «О космической деятельности» учесть это обстоятельство.

3.2. *Аттестация космонавта.* По существу, эта норма Положения бланкетная: «Требования, предъявляемые к космонавтам для приема (перевода) их на соответствующую должность, устанавливаются уполномоченным органом. Принимаемые руководителем учреждения решения о приеме (перевode) космонавта на соответствующую должность или об увольнении космонавта с должности подлежат предварительному согласованию с уполномоченным органом» (абз. 2 и 3 п. 3).

Прежде всего целесообразно установить, что «принимаемые руководителем учреждения решения о приеме (перевode) космонавта на соответствующую должность или об увольнении космонавта с должности» подлежат предварительному согласованию не с уполномоченным органом, под которым в Положении имеется в виду ГК «Роскосмос», а с Межведомственной комиссией по отбору космонавтов и их назначению в составы экипажей пилотируемых кораблей.

Необходимо указать, что на должность «космонавт-испытатель» или «космонавт-исследователь» назначается космонавт, имеющий

квалификацию «космонавт-испытатель» или «космонавт-исследователь» соответственно, что удостоверяется Межведомственной комиссией (МВК) по приему государственных экзаменов у кандидатов в космонавты по всему курсу общекосмической подготовки. На должность «инструктор-космонавт-испытатель» или «инструктор-космонавт-исследователь» назначается космонавт, находящийся на должности «космонавт-испытатель» или «космонавт-исследователь» соответственно и имеющий опыт космического полета.

В целях строгого соблюдения прав космонавта необходимо дать закрытый перечень оснований для его увольнения: «Космонавт может быть освобожден от занимаемой им должности:

- по его личной просьбе, подаваемой в письменной форме;
- по состоянию здоровья на основании заключения Государственной медицинской комиссии о непригодности к специальным тренировкам;
- по результатам аттестации в связи с решением о неперспективности его использования для осуществления подготовки и выполнения пилотируемых космических полетов;
- в случае закрытия или сокращения пилотируемых космических программ.

Освобождение от должности осуществляется на основании рекомендации МВК по отбору космонавтов и их назначению в составы экипажей пилотируемых кораблей и станций приказом руководителя уполномоченного органа и приказом руководителя организации, в ведении которых находится отряд космонавтов» (предлагаемые дополнения к п. 3 Положения о космонавтах).

Перевод космонавта на другую должность допускается только с его согласия — это важное право космонавта, забытое в следующем пункте Положения, касающегося прав космонавта.

3.3. *Права космонавта.* В целом п. 4 и 5 Положения о космонавтах достаточно хорошо описывают права космонавта, но есть и очевидные пробелы. Логично было бы начать перечень прав космонавта с главного для него — права участвовать в выполнении космического полета (как абсолютно справедливо заметил А.А. Харрисон, «будучи отобранными, кандидаты должны быть подготовлены и выполнить свой полет»²²), а равно — и права отказаться от пилотируемого космического полета в составе экипажа до заключения контракта на его выполнение.

²² *Harrison A.A.* Spacefaring. The Human Dimension. Berkeley, 2001. P. 99.

Целесообразно также дополнить перечень следующими правами космонавта:

- быть принятым по вопросам подготовки и выполнения пилотируемого космического полета соответствующими должностными лицами;
- обжаловать неправомерные действия администрации, ущемляющие его права, в порядке, установленном законодательством;
- заниматься научной, педагогической и иной творческой деятельностью при условии, что она не препятствует выполнению его профессиональных обязанностей.

Дополнительно заметим, что право космонавта «давать информированное согласие на участие в исследованиях и медико-биологических экспериментах, проводимых при выполнении им пилотируемого космического полета, основанное на полной информации о целях и методах проведения таких исследований и экспериментов, а также о связанных с ними рисках и последствиях, и отказываться от участия в указанных исследованиях и экспериментах на любой их стадии» (п. 5(в)) в Кодексе поведения экипажа Международной космической станции сформулировано строже. Там в качестве обязательного условия требуется еще «письменное разрешение многостороннего наблюдательного совета по исследованиям на человеке», а прекратить эксперимент можно не только по требованию самого космонавта, но и врача экипажа, командира МКС или руководителя полета (ст. VI. Защита человека, выступающего в качестве объекта исследований)²³.

Представляется, что предусмотренный Положением о космонавтах, с учетом сделанных добавлений, комплекс прав космонавта окажется достаточным при условии, что ряд специальных «полетных» прав будет зафиксирован в Типовом контракте на выполнение космического полета.

3.4. *Обязанности космонавта.* Реестр обязанностей (в отличие от перечня прав) в нашей стране никогда не бывает неполным. Поэтому по п. 6 Положения выскажем лишь одно замечание: зачем в документе, носящем юридический характер, установлена обязанность «соблюдать кодекс профессиональной этики, утвержденный уполномоченным органом»? Ведь установление государством обязанности выполнять сформулированные там этические нормы ведет к тому, что они утрачивают свою нравственную ценность и становятся обычными юридическими обязанностями.

²³ См.: Яковенко А.В. Космические проекты. Международно-правовые проблемы. М., 2002. С. 217–218.

3.5. *Классность космонавта.* Данная норма также является бланкетной: «В зависимости от количества и результатов выполнения пилотируемых космических полетов космонавту в порядке, установленном уполномоченным органом, могут присваиваться классы» (п. 7 Положения о космонавтах). Для сравнения, например, в Положении о космонавтах 1960 г. четко устанавливалось: «Космонавтам, совершившим первый космический полет, присваивается звание “Космонавт 3-го класса”, совершившим второй полет — “Космонавт 2-го класса”, совершившим третий полет — “Космонавт 1-го класса”» (абз. 3 п. 6).

Разумеется, сегодня мы находимся в других реалиях — опыт космических полетов накоплен огромный, но и сами полеты стали значительно сложнее. Но все же отсутствие даже простейших критериев присвоения классности приведет к серьезному административному произволу, а учитывая, что класс космонавта напрямую влияет на заработную плату и размер пенсии, то и к вероятным коррупционным нарушениям. Возьмем на себя смелость сформулировать норму о присвоении класса космонавту:

«7.1. Космонавту Российской Федерации, успешно выполнившему пилотируемый космический полет на российском или иностранном пилотируемом космическом объекте, присваивается класс:

3-й класс — за выполнение одного космического полета;

2-й класс — за выполнение двух и более космических полетов либо за выполнение одного полета высокой степени сложности;

1-й класс — за выполнение двух и более космических полетов высокой степени сложности.

7.2. Представление к присвоению класса за выполнение пилотируемых космических полетов направляется руководителем организации, в которой работает или проходит службу космонавт, в уполномоченный орган по космической деятельности. Представление направляется не позднее чем через два месяца со дня посадки пилотируемого космического объекта.

7.3. Представление к присвоению класса за выполнение пилотируемых космических полетов должно содержать следующие сведения: должность космонавта в составе экипажа (командир, бортинженер, космонавт-исследователь и др.), его краткую характеристику, а также сроки и продолжительность, содержание программы, обоснование степени сложности и оценку выполнения космического полета (полетов).

7.4. Класс за выполнение пилотируемых космических полетов присваивается приказом руководителя уполномоченного органа по космической деятельности».

3.6. *Награждение космонавта.* Столь же неопределенно сформулирована и норма о награждении космонавта: «...по ходатайству уполномоченного органа может быть представлен к государственной награде...» (п. 8). Прежде всего необходимо четко установить порядок присвоения почетного звания «Летчик-космонавт Российской Федерации», которое в следующем пункте Положения о космонавтах рассматривается как необходимое условие получения медицинской помощи. При этом следует отвергнуть основанные на полном непонимании опасностей для жизни и здоровья, которым подвергаются космонавты в агрессивной среде космического пространства и в условиях космического полета, утверждения некоторых чиновников о рядовом характере работы космонавта сегодня²⁴. Норма о награждении космонавтов должна быть сформулирована в императивной форме:

«8.1. Космонавт Российской Федерации, выполнивший пилотируемый космический полет на российском или иностранном пилотируемом космическом объекте, представляется к присвоению почетного звания “Летчик-космонавт Российской Федерации”.

8.2. Космонавт, успешно выполнивший пилотируемый космический полет на российском или иностранном пилотируемом космическом объекте и внесший большой вклад в освоение космического пространства, представляется к награждению орденами и медалями Российской Федерации.

Космонавт, успешно выполнивший в ходе пилотируемого космического полета сложную программу испытаний космической техники или научных исследований, в результате которых достигнуты значительные успехи в освоении космического пространства, и при этом проявивший мужество и героизм, может быть представлен к присвоению звания “Герой Российской Федерации”.

8.3. Ходатайство о награждении государственными наградами возбуждается уполномоченным органом по космической деятельности».

3.7. *Бесплатное получение медицинской помощи космонавтами, выполнявшими полет.* Как и в ряде других пунктов Положения, здесь тоже применяется стандартная отсылка: «в порядке, установленном уполномоченным органом» (п. 9). Как минимум, чтобы исправить отмеченную выше несправедливость по отношению к лицам, прошедшим полную подготовку к космическому полету и работавшим на должно-

²⁴ Подробнее см.: Батурин Ю.М. Властелины бесконечности. Космонавт о профессии и судьбе. М., 2018; Comins N.F. The Hazards of Space Travel. A Tourist's Guide. New York, 2007.

стях космонавтов, нужно дополнить п. 9 Положения указанием на то, что право на бесплатное получение медицинской помощи имеют и «...космонавты, ранее назначенные на летные должности космонавтов СССР, а равно отобранные по специальному набору, проходившие подготовку к пилотируемому космическому полету...».

4. Проблемы, ожидающие правового решения

Как мы видели, формулировка определения понятия «космонавт» в Положении о космонавтах достаточно ущербна. Трудовую функцию космонавта целесообразно описать через четыре компонента: специальность «космонавт», квалификацию «космонавт», должность «космонавт» и профессию «космонавт» (последнее с учетом замечания в разд. 3 о некотором несоответствии Положения о космонавтах и ОКПДТР). Будем понимать указанные компоненты следующим образом:

- специальность «космонавт» — совокупность знаний и специальных навыков, полученных в результате специальной профессиональной подготовки к летно-космической деятельности по разработке, конструированию, испытанию (в том числе летно-конструкторским испытаниям) и эксплуатации космической техники, исследованию (в том числе научным исследованиям в космическом полете), а также использованию космического пространства и небесных тел;

- квалификация «космонавт» — уровень подготовленности и профессионального мастерства, характеризующие степень годности космонавта для осуществления профессиональной деятельности космонавта по должности «космонавт-...» и определяемые классом (категориями классности) или отсутствием такового;

- должность «космонавт-...» — установленный комплекс прав, обязанностей и ответственности (профессиональный статус космонавта), определяющий в соответствии с квалификацией характер и объем профессиональной деятельности космонавта;

- профессия «космонавт» — род деятельности лица, владеющего специальностью «космонавт» и замещающего (когда-либо замещавшего) штатную должность «космонавт-...»

Тогда п. 2 Положения о космонавтах мог бы выглядеть следующим образом (позволим себе отредактировать его полностью):

«2.1. В целях настоящего Положения космонавтом Российской Федерации (далее — космонавт) называется гражданин Российской Федерации, отобранный в соответствии с профессиональными тре-

бованиями для летно-космической деятельности по разработке, конструированию, испытанию (в том числе летно-конструкторским испытаниям) и эксплуатации космической техники, исследованию (в том числе научным исследованиям в космическом полете), а также использованию космического пространства и небесных тел, *владеющий комплексом теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки*, и замещающий или ранее замещавший штатную должность космонавта Российской Федерации. [Выделенное курсивом не потребуется, если вернуть кандидатов в космонавты в категорию космонавтов в качестве начальной ступени].

2.2. В настоящем Положении понятие «космонавт» используется для обозначения соответствующей специальности, квалификации, должности и профессии.

2.3. Специальность «космонавт» — совокупность знаний и специальных навыков, полученных в результате специальной профессиональной подготовки к профессиональной деятельности космонавта.

2.4. Квалификация космонавта — уровень подготовленности и профессионального мастерства, характеризующие степень годности космонавта для осуществления профессиональной деятельности космонавта по соответствующей должности космонавта и определяемые классом (категориями классности) или отсутствием такового.

2.5. Должность «космонавт» — штатная единица, предназначенная для замещения работником, годным к выполнению профессиональной деятельности космонавта, и характеризующаяся кругом профессиональных обязанностей, набором профессиональных прав и характером ответственности (профессиональный статус космонавта), определяющих в соответствии с градацией должностей и квалификацией космонавта характер и объем его профессиональной деятельности.

2.6. Профессия «космонавт» — род деятельности лица, владеющего специальностью «космонавт» и замещающего (когда-либо замещавшего) штатную должность космонавта.

Разумеется, потребуется ввести и ряд определений:

- профессиональные требования — совокупность условий, включающая наличие профессиональной подготовки по специальностям, востребованным в области космической деятельности, стаж работы хотя бы по одной из указанных специальностей и состояние здоровья лица, участвующего в объявленном уполномоченным органом по космической деятельности конкурсе на замещение должностей кандидатов в космонавты или космонавта, годное для осуществления профессиональной деятельности космонавта;

- профессиональный отбор — процедура оценки соответствия лица установленным профессиональным (включая медицинские) требованиям, осуществляемая в соответствии с Положением об отборе космонавтов в Российской Федерации, утверждаемым уполномоченным органом по космической деятельности [Вопросы отбора вообще не затронуты Положением о космонавтах, существует только МВК по отбору космонавтов²⁵, поэтому требуется отдельный нормативный акт, который и был назван Положением об отборе космонавтов], и Положением о медицинском освидетельствовании и контроле за состоянием здоровья кандидатов в космонавты и космонавтов, утверждаемым уполномоченным органом по космической деятельности и федеральным органом исполнительной власти по здравоохранению и социальному развитию, в целях допуска к профессиональной деятельности космонавта [хотя здесь некоторая нормативная основа и существует²⁶, также требуется специальный нормативный акт];

- профессиональная подготовка космонавта — совокупность знаний и специальных навыков, полученных в ходе общекосмической подготовки к летно-космической деятельности в ФГБУ «Научно-исследовательский испытательный Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина» по программам, утвержденным уполномоченным органом по космической деятельности с вручением удостоверения (диплома) установленного образца, лицом, замещающим (замещавшим) должность кандидата в космонавты;

- профессиональная деятельность космонавта — летно-космическая деятельность по разработке, конструированию, испытанию (в том числе летно-конструкторским испытаниям) и эксплуатации космической техники, исследованию (в том числе научным исследованиям в космическом полете) космического пространства и небесных тел;

- профессиональный статус космонавта — установленный комплекс прав, обязанностей и ответственности космонавта.

²⁵ Приказ Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (Госкорпорация «Роскосмос») от 10 октября 2016 г. № 204 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по отбору космонавтов и их назначению в составы экипажей пилотируемых кораблей и станций» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 47.

²⁶ Положение о медицинском освидетельствовании и контроле за состоянием здоровья кандидатов в космонавты, космонавтов и инструкторов-космонавтов. Утв. приказом Министерства обороны РФ и Министерства здравоохранения РФ от 9 января 2001 г. № 14/7 (Личный архив автора).

Как мог заметить читатель, в предложенных формулировках мы вернули лицам, отобранным для подготовки к космическим полетам, должности «кандидат в космонавты-испытатели» и «кандидат в космонавты-исследователи» и включили медицинские требования по отбору в профессиональные требования.

Логика предложенной конструкции исходит из представления о правовом статусе космонавта как совокупности его трудового статуса (трудовая функция и условия трудового договора), а также иных его прав, обязанностей и ответственности, приобретенных им и возложенных на него в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации, а также контрактом на полет (и, быть может, контрактом на подготовку к полету).

Учитывая, что сегодня практически все экипажи международные, целесообразно наделить космонавта представительским статусом: «Космонавт Российской Федерации, находящийся за пределами Российской Федерации на подготовке к выполнению пилотируемого космического полета, при выполнении пилотируемого космического полета на зарубежном пилотируемом космическом объекте, а также при осуществлении иной профессиональной деятельности за рубежом является представителем Российской Федерации, которая в лице уполномоченного органа по космической деятельности делегирует космонавту соответствующие права, возлагает на него обязанности, определяемые представительским статусом космонавта Российской Федерации за рубежом, и обеспечивает необходимую медицинскую поддержку, страхование, финансирование и иные элементы представительского статуса космонавта Российской Федерации».

Положение о космонавтах не регулирует (и не может в полной мере регулировать) права и обязанности космонавтов, связанные с их профессиональной деятельностью. В частности, в нем отсутствуют нормы об охране здоровья космонавтов в полете, страховании их жизни и здоровья с учетом особенностей их профессиональной деятельности. Закон «О космической деятельности» устанавливает, что порядок подготовки космонавтов, формирование экипажей, утверждение программы пилотируемого космического полета, а также профессиональные права и обязанности космонавтов определяются контрактами (п. 2 ст. 20). Однако Закон умалчивает, какой орган должен разрабатывать и заключать такие контракты и в соответствии с какими законами и нормативными правовыми актами они должны заключаться.

Принятая сегодня форма контракта на выполнение космического полета сложилась исторически в первые годы становления новой

российской государственности, в сложной экономической ситуации и в условиях пробельности законодательства. Таким образом, форма и содержание контракта на выполнение космического полета сегодня не утверждены никаким нормативным правовым актом, в связи с чем юридическая сила заключаемых контрактов является ущербной, а сами контракты — легко оспоримыми. Поэтому космической практике очень нужен Типовой контракт на выполнение космического полета, который утверждался бы Роскосмосом. На его основе мог бы разрабатываться контракт на выполнение пилотируемого космического полета для каждого члена экипажа.

В Типовом контракте на выполнение космического полета должны быть урегулированы сложившиеся на практике стандартные этапы и ситуации деятельности космонавта по выполнению Программы космического полета. В Типовой контракт необходимо включить положения о полетной деятельности космонавта, перечислить его права и обязанности в полете, установить порядок расчета и выплаты денежного вознаграждения. Контракт должен распространяться на период выполнения пилотируемого космического полета, который начинается с момента экипирования космонавта в составе экипажа для выполнения пилотируемого космического полета на стартовом комплексе и заканчивается в день завершения стационарного этапа реабилитации космонавта после его возвращения в составе экипажа на Землю, определяемого заключением врачебно-экспертной комиссии.

В Типовом контракте следует предусмотреть порядок заключения отдельного контракта на участие в исследовании (эксперименте). Необходимо также установить основания и условия изменения и прекращения контракта, ответственность и порядок разрешения споров.

Типовой контракт на выполнение космического полета должен включать в себя в качестве неотъемлемой части проект Порядка расчета единовременного вознаграждения за выполнение пилотируемого космического полета и Программу полета. Особое значение имеет раздел Типового контракта, посвященный правилам денежного возмещения космонавту, а в случае его смерти — супруге (супругу), детям и родителям, при получении им инвалидности, увечья или травмы в связи с исполнением контракта.

Принятие Типового проекта на выполнение космического полета явилось бы важным шагом в обеспечении прав космонавтов как граждан Российской Федерации, профессиональная деятельность которых имеет особое значение для защиты интересов государства как внутри

страны, так и за ее пределами, для обеспечения безопасности и престижа страны.

Помимо Типового контракта на выполнение пилотируемого космического полета, возможно, потребуется Типовой контракт на подготовку к космическому полету. Указание на то, что порядок подготовки космонавтов определяется контрактом в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, содержится в п. 2 ст. 20 Закона «О космической деятельности». В данном Типовом контракте могли бы быть предусмотрены гарантии космонавту от замены его на любом этапе подготовки по причинам, от него не зависящим (продажа места в экипаже другому космическому агентству или космическому туристу либо безосновательная замена его на другого космонавта); получить разрешение вопросы, связанные с тем, что основной экипаж получает деньги по контракту за полет, а дублиеры, неся ровно такую же нагрузку в период подготовки, не получают ничего (а дублировать иногда приходится несколько раз подряд). Типовой контракт на подготовку к космическому полету мог бы дать уполномоченной организации по космической деятельности определенные гарантии от того, что космонавт не откажется от подготовки (и (или) полета) в тот момент, когда замена его другим уже невозможна (близкие к описанной ситуации случались в Отряде космонавтов Роскосмоса). Ну и в целом Типовой контракт мог бы урегулировать поведение космонавта в период подготовки к полету.

Но у практиков подготовки космонавтов есть заслуживающие внимания аргументы против такого Типового контракта. Не вдаваясь в дискуссию, отметим лишь, что этот вопрос требует тщательного анализа.

Типовой контракт на выполнение пилотируемого космического полета и Типовой контракт на подготовку к полету, наряду с законодательством Российской Федерации, включая Положение о космонавтах, будут основаниями правового статуса космонавта.

С какой бы стороны ни рассматривать Положение о космонавтах Российской Федерации, все фокусируется на понятии «профессиональная деятельность космонавта». В Кёльнском комментарии по космическому праву космонавт даже рассматривается как «человек, путешествующий в космическом пространстве в силу профессиональных причин»²⁷. Понятие «профессиональная деятельность космонав-

²⁷ Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty / Ed. by S. Hobe, B. Schmidt-Tedd, K.-U. Schrogel, P. Stubbe. Berlin, 2017. P. 358.

та» уже рассматривалось выше, но при обсуждении перспектив нормативно-правового регулирования работы космонавта полезно будет его конкретизировать. Подчеркнем, что профессиональная деятельность — это не только выполнение космического полета, но и подготовка к нему. Детализируем компоненты профессиональной деятельности космонавта как участие:

- в разработке образцов космической техники (бортового оборудования), их экспертизе в процессе проектирования, создания и испытаний;

- в отработке бортовой документации;

- в разработке отчетной документации по результатам пилотируемого космического полета, формулирование заключений, выводов, оценок, предложений и рекомендаций по результатам полета;

- в анализе результатов экспериментов, исследований и прикладных работ, выполненных как им самим, так и космонавтами других экипажей в пилотируемых космических полетах;

- в наземных (летных, морских) испытаниях космической техники и оборудования (установок, аппаратуры, систем, устройств) для целевых и специальных экспериментов, исследований и прикладных работ на борту пилотируемого космического объекта;

- в проведении научно-исследовательских и испытательных работ по космической тематике;

- в проведении и организации подготовки кандидатов в космонавты, космонавтов в составе групп и экипажей;

- в управлении полетами пилотируемых космических объектов и операциями службы поиска и спасания при возвращении экипажей на Землю;

- в иных работах, предусмотренных Руководством по подготовке космонавтов в Российской Федерации, контрактом на подготовку к выполнению пилотируемого космического полета (при его наличии), контрактом на выполнение пилотируемого космического полета и профессиональным стандартом космонавта.

Взаимоотношения космонавтов с врачами описано в Положении о космонавтах через права и обязанности космонавта (скорее, через обязанности, которых шесть против единственного права — на бесплатную медицинскую помощь). Между тем, поскольку медицинская составляющая — важная часть профессиональной деятельности космонавта, в Положении она должна быть представлена системно. Медицинское обеспечение космонавта включает медицинское обследование, медицинское освидетельствование и динамический медицинский

контроль за состоянием здоровья космонавта при осуществлении им профессиональной деятельности, а также оказание необходимой медицинской помощи. Порядок и сроки проведения медицинского обследования, освидетельствования, а также формы динамического медицинского контроля за состоянием здоровья космонавта могут быть установлены уполномоченным органом по космической деятельности совместно с федеральным органом исполнительной власти по здравоохранению.

Особенно важным представляются государственные гарантии профессиональной деятельности космонавта, которые предлагается зафиксировать в отдельной статье Положения о космонавтах или даже в Законе «О космической деятельности» при очередной его корректировке:

«Государство гарантирует космонавту беспрепятственное осуществление им профессиональной деятельности.

Государство гарантирует космонавту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности помощь и защиту как лицу, выполняющему профессиональный долг в условиях особого риска.

Уполномоченный орган по космической деятельности, организация, в ведении которой находится отряд космонавтов, и их должностные лица обязаны:

- обеспечивать профессиональную деятельность космонавта;
- контролировать соблюдение установленных настоящим Положением условий профессиональной деятельности космонавта.

Должностные лица уполномоченного органа и организации, в ведении которых находится отряд космонавтов, несут ответственность за нарушение прав космонавта, предусмотренных законодательством Российской Федерации и настоящим Положением.

Администрация организации, в ведении которой находится отряд космонавтов, обязана согласовывать с космонавтом свои действия, затрагивающие существенные условия и порядок осуществления профессиональной деятельности космонавтов».

Серьезным проблемным полем оказывается страхование жизни и здоровья космонавта со дня назначения на штатную должность космонавта до завершения его профессиональной деятельности. Страхователем космонавта будет уполномоченный орган по космической деятельности или организация, им уполномоченная. Страхователь обязан обеспечить своевременное страхование космонавта. Страховщиком космонавта становится выбранная уполномоченным органом по космической деятельности на основе конкурса страховая

организация, имеющая соответствующую лицензию и заключившая со страхователем договор страхования. Выгодоприобретателями при страховании космонавта являются лица, определенные Гражданским кодексом РФ.

Страховыми случаями при осуществлении страхования космонавта, с наступлением которых возникает право на получение обусловленной договором суммы (страховой суммы), являются:

- гибель (смерть) застрахованного лица в течение периода страхования;

- причинение вреда здоровью застрахованного лица в результате увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период нахождения на штатной должности космонавта.

Договором страхования должна предусматриваться выплата страховой суммы в случае установления застрахованному лицу инвалидности первой, второй или третьей группы, признания негодным (временно негодным) по состоянию здоровья к выполнению профессиональной деятельности, выведения из состава экипажа в результате увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания. Необходимо установить право на получение страховой суммы в течение определенного периода времени, например пяти лет, после окончания срока замещения штатной должности космонавта, если смерть или заболевание явились следствием выполнения профессиональной деятельности в период нахождения на штатной должности космонавта. Страховая сумма будет определяться, исходя из среднемесячной заработной платы застрахованного лица за весь период профессиональной деятельности, и устанавливаться в значительном, не менее чем в 200-кратном, размере. Размер суммы, подлежащей выплате, должен определяться, исходя из страховой суммы, в зависимости от степени вреда здоровью застрахованного лица и устанавливаться в договоре страхования. Степень вреда здоровью застрахованного лица в результате увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания должно определяться по результатам экспертиз, проводимых врачебно-экспертными комиссиями ФГБУ НИИ ЦПК и ГНЦ РФ — ИМБП, и при необходимости — с участием представителей учреждений медико-социальной экспертизы и иных специалистов.

Если жизнь и здоровье застрахованного лица подлежат обязательному страхованию также в соответствии с иными федеральными законами и нормативными правовыми актами, то страховые суммы должны выплачиваться независимо от других выплат по иным видам страхования.

5. Заключение

Необходимо упорядочить и системно соотнести понятия «трудовая функция космонавта», «профессиональная деятельность космонавта», «права и обязанности космонавта», «правовой статус космонавта». Положение о космонавтах Российской Федерации 2017 г. не отвечает актуальным требованиям отбора и подготовки космонавтов к пилотируемым космическим полетам. Требуется срочная корректировка данного нормативного документа, а также некоторые дополнения в Закон «О космической деятельности». С Положением о космонавтах связано и Положение об отборе космонавтов, содержащее профессиональные (включая медицинские) требования к претендентам. Либо в одном, либо в другом Положении необходимо определить правовой статус кандидатов в космонавты и распространить на них государственные гарантии их профессиональной деятельности (общекосмическая подготовка). Желательно также вывести статус космонавта на международный уровень, т.е. «использовать весь комплекс прав и привилегий космонавтов, которые предусмотрены международным правом»²⁸. Нельзя допускать, чтобы правовое регулирование в области космических полетов отставало бы от зарубежного уровня и отечественной практики пилотируемой космонавтики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батурин Ю.М. Властелины бесконечности. Космонавт о профессии и судьбе. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Бугров Л.Ю. Трудовой договор в России и за рубежом. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013.

Киченина В.С. Правовой статус космонавтов и иных участников космических полетов // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 12А. С. 166–171.

Яковенко А.В. Космические проекты. Международно-правовые проблемы. М.: Научная книга, 2002.

Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty / Ed. by S. Hobe, B. Schmidt-Tedd; K.-U. Schrogl, P. Stubbe. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2017.

Comins N.F. The Hazards of Space Travel. A Tourist's Guide. New York: Villard, 2007.

Harrison A.A. Spacefaring. The Human Dimension. Berkeley: University of California Press, 2001.

²⁸ *Киченина В.С.* Правовой статус космонавтов и иных участников космических полетов // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 12А. С. 168.

REFERENCES

- Baturin, Yu.M. (2018). *Vlasteliny beskonechnosti. Kosmonavt o professii i sud'be* [The Lords of Infinity. The Cosmonauts Reflection on Profession and Destiny]. Moscow: Alpi-na Publ.
- Bugrov, L. Yu. (2013). *Trudovoi dogovor v Rossii i za rubezhom* [Employment Contract in Russia and Abroad]. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet.
- Comins, N.F. (2007). *The Hazards of Space Travel. A Tourist's Guide*. New York: Villard.
- Harrison, A.A. (2001). *Spacefaring. The Human Dimension*. Berkeley: University of California Press.
- Hobe, S., Schmidt-Tedd, B., Schrogl, K.-U. and Stubbe, P. eds. (2017). *Cologne Commentary on Space Law. Outer Space Treaty*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Kichenina, V.S. (2017) Pravovoi status kosmonavtov i inykh uchastnikov kosmicheskikh poletov [The Legal Status of Cosmonauts and other Participants in Space Flights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (12A), pp. 166–171.
- Yakovenko, A.V. (2002). *Kosmicheskie proekty. Mezhdunarodno-pravovye problem* [Space Projects. International Legal Issues]. Moscow: Nauchnaya kniga.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Батурин Юрий Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, летчик-космонавт России, главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН.

AUTHOR'S INFO:

Yuri M. Baturin — Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Pilot-Cosmonaut of Russia, Chief Research Fellow of the Methodological and Interdisciplinary Problems in Scientific Development Department, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Science.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Батурин Ю.М. Правовой статус космонавта: краткий профессиональный комментарий // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 94–120.

CITATION:

Baturin, Yu.M. (2019). Cosmonaut's Legal Status: Brief Professional Commentary. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 94–120.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УГОЛОВНОГО ПРАВА

АНАТОЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ НАУМОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

E-mail: yasenaum34@mail.ru

SPIN-код: 8488-0577

ORCID: 0000-0003-2948-0960

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА НЕ ДОЛЖНА СВОДИТЬСЯ К АНАЛИЗУ И КРИТИКЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Уголовное право как в нормативном, так и в социологическом смыслах включает в себя три компонента — уголовный закон, судебную практику и уголовно-правовую доктрину, и развитие этой отрасли права возможно только в их единстве. Наука уголовного права в определенном смысле выше других компонентов указанной «триады» и предполагает разработку отраслевых принципов, целей и задач. При этом совершенствование уголовного законодательства — не единственная цель теории уголовного права. Она не должна ограничиваться только критикой действующего законодательства и предложениями по его совершенствованию. Однако подавляющее большинство современных отечественных работ по уголовному праву — монографий, статей в периодических изданиях, диссертаций — посвящены критике Уголовного кодекса РФ. Действительно, он не совершенен, но «перекося» в «законотворческую» сторону существенно сокращает сферу уголовно-правовых исследований. И всегда будут востребованы теоретические исследования, посвященные анализу предмета и метода, системы и задач уголовного права, его источников.

Дискуссионным, в частности, остается вопрос о юридической природе постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Конституционного Суда РФ. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ являются особой разновидностью судебного толкования, с их помощью суды получают достаточно надежный инструмент для понимания «буквы» уголовного закона и ее применения к конкретному случаю. В постановлениях Конституционного Суда РФ нередко затрагиваются методологические проблемы науки уголовного права. Применительно к ряду уголовно-правовых запретов решения Конституционного Суда РФ являются источником уголовного права наряду с Уголовным кодексом. Конституционный Суд РФ конкретизировал наиболее важный принцип уголовного

права — принцип законности и уточнил характеристики преступности запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний, что прямо связано с вопросом об основаниях уголовной ответственности. В этом смысле Конституционный Суд РФ сформулировал новое и важное дополнение содержания принципа законности — требование определенности уголовно-правовых норм, и в первую очередь, уголовно-правового запрета. Таким образом, судебный орган опередил доктрину уголовного права в решении одного из важнейших для уголовного судопроизводства вопроса.

Ключевые слова: уголовное право, наука уголовного права, Уголовный кодекс РФ, судебная практика, постановления Пленума Верховного Суда РФ, нормативность, постановления Конституционного Суда РФ, принцип законности

ANATOLY V. NAUMOV

The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

2–1 Azovskaya str., Moscow 117638, Russian Federation

E-mail: yasenaum34@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2948-0960

THE THEORY OF CRIMINAL LAW SHOULD NOT BE REDUCED TO THE ANALYSIS AND CRITICISM OF CRIMINAL LEGISLATION

Abstract. In both normative and sociological senses criminal law includes three components — criminal legislation, judicial practice, and criminal law doctrine, and the development of this branch of law is possible only in their unity. The criminal law doctrine is to a certain extent superior to the other components of the "triad" and involves the development of the branch's principles, goals and objectives. At the same time, the improvement of criminal law is not the only goal of the theory of criminal law. It should not be limited only to criticism of the current legislation and proposals for its improvement. However, the vast majority of modern domestic criminal law publications, such as monographs, articles in legal periodicals, dissertations, are devoted to criticism of the current Criminal Code of the Russian Federation. Indeed, the current criminal law is not perfect, but the "imbalance" of research into the "law-making" side significantly reduces the scope of criminal law doctrine. And there will always be demand for theoretical studies on the analysis of the subject and method, system and objectives of criminal law, its sources.

Debatable, for example, still is the issue of the legal nature of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and, in particular, the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation. The explanations

of the Plenum of the Supreme Court are a special kind of judicial interpretation and a fairly reliable tool for the courts to understand "the letter of the criminal law" and its applicability to the particular case. As for the assessment of the legal nature of the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation, the criminal law doctrine often fails to notice that they touch upon the methodological problems of the theory of criminal law. In relation to a number of criminal law prohibitions, judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation are a source of criminal law, along with the Criminal Code. The Constitutional Court of the Russian Federation specified the most important principle of criminal law — the principle of legality and clarified the characteristics of criminality of socially dangerous acts prohibited by criminal law, which is directly related to the issue of criminal liability. In this sense, the Constitutional Court formulated a new and important addition to the content of the principle of legality — the certainty of criminal law rules, and, first of all, the criminal law prohibitions. Thus, the judicial authority overtook the criminal law doctrine in solving one of the most important issues for criminal proceedings.

Keywords: criminal law, criminal law doctrine, Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, normativity, judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation, the principle of legality

1. Введение

Чем вызвано обращение к проблеме, обозначенной в названии статьи? Всего лишь стремлением к уточнению теоретических и методологических начал уголовно-правовой науки. Дело в том, что сегодня бóльшая часть публикаций по российскому уголовному праву фактически посвящена критике действующего уголовного законодательства и формулированию предложений по его совершенствованию. Споры нет, недостатков в нашем Уголовном кодексе (далее — УК РФ) много и даже очень много, и вызваны они чаще всего непродуманными изменениями, вносимыми в него самим законодателем, превращающим законотворчество в процесс «кройки и шитья» Кодекса, в надежде использовать уголовное право для решения любых государственных и социальных задач (действительных или мнимых).

Эти недостатки, отмечаемые в многочисленных научных публикациях, можно объединить в две группы: (1) пробелы уголовного закона или, на что значительно чаще обращается внимание, излишняя криминализация общественно опасных деяний (по сути, речь идет о социальной обусловленности уголовного закона) и (2) дефекты законодательной техники (по преимуществу они вызваны несогласован-

ностью одних уголовно-правовых запретов с другими, а в конечном счете нарушением системности в их конструировании). Таким образом, недостатки известны и, разумеется, доктринальный сигнал о них (от науки) должен поступать законодателю (другое дело, что законодатель, как правило, на этот сигнал не реагирует).

Бессистемность УК РФ в действующей редакции часто рассматривается теоретиками уголовного права как один из основных недостатков Кодекса, препятствующих его применению на практике. Думается, это не совсем так. На практике суды не прекращают свою работу и всегда находят выход из затруднений, созданных законодателем (хотя, заметим, и не без определенных потерь). Нынешнее «плохое» уголовное право «здоровствует» благодаря далеко не безупречному уголовно-процессуальному праву. Неэффективность процессуальных норм мы видим в том, что они оказались не способны преодолеть доминирующий в уголовном судопроизводстве обвинительный уклон, проявляющийся, в частности, и в уже ставшем «привычным» отказе суда от удовлетворения разнообразных ходатайств защиты (при полном одобрении этих отказов стороной обвинения), что приводит к нарушению основополагающих процессуальных принципов, таких как равенство сторон и состязательность процесса, а также презумпции невиновности. Не реализуются при этом и не менее значимые принципы уголовного права (ст. 3–6 УК РФ). При определенной, не слишком объемной, корректировке уголовно-процессуальных норм негативное влияние недостатков системности УК РФ, верно отмечаемых в литературе, может быть значительно уменьшено. И после решения этой неотложной задачи можно приступить к продолжительной работе по подготовке новой редакции УК РФ.

2. Кризис уголовного права?

В свете рассмотренного выше утверждения о якобы невозможности применения действующего УК РФ следует упомянуть и ставшие привычными рассуждения о «кризисе» уголовного права, особо опасном для России¹. Здесь уместно вспомнить позицию А.Э. Жалинского. На основе анализа работ зарубежных авторов А.Э. Жалинский выделил некоторые признаки такого кризиса — социальные и право-

¹ См., например: *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2. С. 9–28.

вые, общие для уголовного законодательства и науки уголовного права в большинстве так называемых развитых государств. Среди социальных признаков кризиса автор называет «одновременный рост числа обвинительных приговоров и совершаемых преступлений» и «быстрый рост прямых затрат на поддержание реализации уголовного закона». К правовым признакам кризиса им отнесены, среди прочих, «немотивированное расширение предмета уголовно-правового воздействия и усиление ответственности», а также «снижение технического уровня уголовного законодательства», приводящее к размыванию уголовно-правовых запретов и утрате определенности самого закона. При этом он справедливо замечает, что «подобные явления с большей или меньшей интенсивностью характерны и для российского уголовного права, определяя при этом также направления развития уголовно-правовой науки»².

Но каковы же перспективы современного уголовного права? Можно ли вести речь о «сломе» старого и разработке нового уголовного права? Ответ на этот вопрос А.Э. Жалинский находит в работах видных теоретиков немецкого уголовного права Г. Кайзера и К. Роксина³. Оба исследователя говорят не о необходимости создания нового уголовного права, а о его обновлении, связанном с естественным развитием человеческого общества. С одной стороны, этот процесс выражается в расширении предмета уголовного права за счет появления новых видов преступности, таких как, например, отмывание «грязных» денег и незаконный оборот наркотиков (Г. Кайзер). С другой стороны, при росте количества уголовно-правовых запретов традиционная для уголовного права идея возмездия продолжит утрачивать свое значение и, соответственно, будет происходить смягчение наказаний и расширение использования иных мер уголовно-правового воздействия, таких как, например, добровольное возмещение вреда. И «уголовное право будущего будет становиться... фактором, в котором должны синтезироваться цель сохранения социального мира, условий существования и гарантии гражданских свобод (К. Роксин)»⁴.

² См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. С. 117.

³ См.: Жалинский А.Э. Актуальные проблемы уголовного права России и зарубежных государств. Рецензия на сборник «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» // Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. М., 2015. С. 215–216.

⁴ Там же. С. 216.

3. Развитие науки уголовного права

Совершенствование уголовного законодательства — не единственная цель уголовно-правовой науки, теории уголовного права. Наука не должна «зацикливаться» только на этом⁵. Уголовное право во всех его смыслах (в узком — нормативном, широком — социологическом) представляет собой «триаду» — уголовный закон, судебная практика и уголовно-правовая доктрина (наука). И эффективно этот комплекс может развиваться только в единстве всех указанных компонентов. А его доктринальная часть не должна ограничиваться критикой действующего законодательства и предложениями по его совершенствованию. В определенном смысле наука выше других компонентов указанной «триады», составляющей уголовное право. Такая ее «первичность» обусловлена «первичностью» правосознания, предшествующего писаному праву. В общей теории права правовые принципы выводятся из правосознания. Они обычно увязываются с идеями, фиксирующими представление о том, каким право должно быть, об идеальном праве. И в этом смысле правосознание служит основой любого правотворческого процесса. Разумеется, что эти представления не остаются в неизменном виде и корректируются как при принятии закона, так и в процессе его реализации. Поэтому обращение к оценке действующего законодательства и его совершенствованию является одним из необходимых направлений научных исследований (естественно, путем использования социологического метода⁶, учета исторического опыта, зарубежного и международного права⁷), но вовсе *не единственным*. Напротив, «перекос» исследований в «законотворческую» сторону существенно уменьшает доктринальное

⁵ См.: *Fletcher G.P.* The Nature and Function of Criminal Theory // *California Law Review*. 2000. Vol. 88. Iss. 3. P. 687–704; *Dubber M.D.* The Promise of German Criminal Law: A Science of Crime and Punishment // *German Law Journal*. 2005. Vol. 6. No. 7. P. 1049–1071.

⁶ См.: *Robinson P.H., Darley J.M.* Objectivist Versus Subjectivist Views of Criminality: A Study in the Role of Social Science in Criminal Law Theory // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1998. Vol. 18. No 3. P. 409–447; *Lacey N.* In Search of the Responsible Subject: History, Philosophy and Social Sciences in Criminal Law Theory // *Modern Law Review*. 2001. Vol. 64. Iss. 3. P. 350–371.

⁷ См., например: *Jescheck H.-H.* The Significance of Comparative Law for Criminal Law Reform // *Hastings International and Comparative Law Review*. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 1–25; *Stephen C.* International Criminal Law: Wielding the Sword of Universal Criminal Justice // *International and Comparative Law Quarterly*. 2012. Vol. 61. Iss. 1. P. 55–89.

«поле». И всегда будут востребованы исследования, на первый взгляд кажущиеся чисто теоретическими, связанные с анализом и изучением предмета и метода уголовно-правового регулирования, системы и задач уголовного права, его источников (в формальном и материальном смысле), базирующиеся на традиционных научных методах — философских, социологических, исторических, сравнительно-правовых. И, конечно же, уровень уголовно-правовой теории и степень ее развития определяется в том числе (если даже не в первую очередь) ее соответствием положениям общей теории права.

Следует ли, однако, абсолютизировать общенаучные методы исследования для совершенствования уголовного права (отрасли и науки), впрочем, как и любых других отраслей юриспруденции, и считать их использование своеобразной «панацеей» от возможных принципиальных ошибок? Разумеется, нет. Истина может оказаться выше самых чтимых постулатов, в том числе и провозглашенных философией и общей теорией права. Сошлемся на два известных исторических примера.

Первый мне вспомнился в связи с недавней столетней годовщиной Октябрьской революции. Примирения между «красными» и «белыми», как известно, так и не произошло. И через 100 лет у сочувствующих тем или другим — «своя правда». Для большевиков «библией» была теория марксизма с ее неременным предсказанием, что социалистическая революция должна произойти в наиболее развитой в капиталистическом отношении стране. Однако В.И. Ленин «повернул» эту теорию так, что революция возможна и в стране, где капиталистические отношения еще не получили своего требуемого (по К. Марксу) развития. Большевики это приняли и захватили власть. И были, по своей партийной логике, правы. В целом история перенесения марксистского учения на российскую почву — лучшее опровержение отстаиваемого ортодоксальным марксизмом тезиса о первичности материи и вторичности сознания, об отставании сознания, в том числе и общественного, от бытия. Российское общественное бытие, в особенности уровень развития капиталистических отношений в стране, не только не соответствовал указанным постулатам марксизма, но и находился с ними в явном противоречии. По сути, большевики фактически пошли, как это ни кощунственно прозвучит, по пути, указанному в Библии: в начале было «Слово» (привнесение идей марксизма в российскую жизнь), а потом последовало «Дело» (т.е. захват государственной власти). Не лишне при этом вспомнить и то, что к этому времени русская философская мысль создала образцы совсем иной

трактовки соотношения сознания и бытия. В знаменитом сборнике статей «Вехи», опубликованном еще в 1909 г., «общей платформой» авторов провозглашалось «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»⁸. Последующие исторические события в России подтвердили именно этот, а не марксистский взгляд на соотношение сознания и бытия.

Означает ли это какую-либо «дискредитацию» диалектического метода? Ни в коем случае. Он, как и все другое, подвержен уточнению. Перефразируя известный тезис о практике и истине, следует сказать: «Жизнь есть критерий истины». В понимании основных законов диалектики, таких как единство и борьба противоположностей, переход количественных изменений в качественные и отрицание отрицания, применительно к уголовному праву следует исправить дисбаланс, существовавший в недавнем прошлом. Речь идет, в частности, о придании ведущей роли не только борьбе противоположностей, но и не отрицаемому диалектикой их единству (что нетрудно заметить при анализе литературы того времени по философии, а также по теории права). В основе же успеха уголовно-правовых исследований лежит использование основных законов диалектики в многообразии их содержания.

Второй пример связан с оценкой статистических данных о преступности. Известно, что в 1960–1980 гг. криминологи отмечали чрезвычайный «многократный» рост преступности в мире. Однако начиная примерно с 1980 г. в ряде развитых стран, например в США и ФРГ, число тяжких насильственных преступлений, таких как убийства и изнасилования, а также наиболее распространенных имущественных преступлений, в частности краж, стало сокращаться. Сейчас это подтверждается и статистическими данными о совершенных преступлениях в России (речь идет не только о статистике регистрируемых преступлений, но и о судебной статистике, т.е. о делах, прошедших через суды). Наши криминологи чаще всего считают эти данные ошибочными, сводя проблему к латентности преступности и престу-

⁸ Гершензон М. Предисловие // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Репринтное издание 1909 г. М., 1990. С. 4.

плений. Последняя, конечно же, существует, но не в пределах называемых некоторыми исследователями — до 22–25 млн преступлений в год (по подсчетам, например, ВНИИ МВД России)⁹. Приводимые цифры представляются попросту несерьезными.

4. О правовой природе постановлений Пленума Верховного Суда РФ

Возвращаясь к теоретическому осмыслению тезиса о практике как критерии истины применительно к уголовному праву и уголовному судопроизводству, стоит отметить известную двойственность при решении вопроса о судебной практике как источнике права, и прежде всего о юридическом значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Конституционного Суда РФ¹⁰.

Российские законы¹¹ в отличие от законодательства советского периода¹² не определяют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ как «руководящие», и потому они рассматриваются не как обязательные, а как рекомендательные¹³. Казалось бы, при решении вопроса о юридической природе и значении таких постановлений этим можно было бы ограничиться. Однако, несмотря на очевидную логичность такого вывода, на самом деле не все так просто.

В отечественной литературе по общей теории права, как и в уголовно-правовой доктрине, давно сложились различные позиции относительно правовой природы и юридической силы разъяснений, даваемые Пленумом Верховного Суда РФ. Большинство теоретиков права считают такие разъяснения особой разновидностью судебного толкования как вида официального толкования и подразделяют его, в свою очередь, на казуальное и нормативное. Казуальное толкование,

⁹ См.: *Лунеев В.В.* Тенденции современной преступности и борьба с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5.

¹⁰ См., например: *Топорнин Б.Н.* Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 34–44.

¹¹ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 4 ст. 19) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (п. 1 ч. 3 ст. 5) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

¹² См.: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР» (ст. 3) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 842.

¹³ Так, в основном это определяется едва ли не в любом учебнике по Общей части уголовного права. См., например: *Уголовное право России. Части Общая и Особенная* / Под ред. А.И. Рагога. 10-е изд. М., 2018. С. 50.

т.е. толкование, даваемое в процессе рассмотрения конкретных уголовных дел, считается обязательным применительно к вступившему в силу решению суда любой инстанции, вынесенному на его основе. В уголовно-правовой науке есть и иное мнение, в соответствии с которым «руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР нельзя считать разновидностью судебного толкования, ибо они даются не в порядке осуществления правосудия, а для обеспечения его надлежащего качества, в порядке руководства судами»¹⁴.

Далее, большинство теоретиков права согласны и в том, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ как акты *судебного* толкования имеют *нормативный* характер¹⁵. Нормативность таких разъяснений не связана с их формальной обязательностью, а определяется тем, что соответствующее толкование уголовного закона рассчитано на неопределенный круг случаев. Если отойти от привычного для отечественной юриспруденции нормативистско-позитивистского подхода и посмотреть на проблему в более широком плане, скажем, с позиций теории функционализма¹⁶ О. Холмса¹⁷ и Р. Паунда¹⁸, т.е. на то, как эти разъяснения действуют, то окажется, что сложно найти судью, который при рассмотрении конкретного дела сознательно примет решение, идущее вразрез с действующим постановлением Пленума Верховного Суда РФ. И, будучи формально рекомендательными, такие разъяснения фактически становятся обязательными.

Язык уголовного закона зачастую имеет довольно общий характер и не всегда позволяет правоприменителю легко определить, охватывается ли данный конкретный случай нормой уголовного закона. Здесь

¹⁴ Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1960. С. 143.

¹⁵ См., например: Алексеев С.В. Общая теория права: В 2 т. Т. I. М., 1981. С. 354–355; *он же*. Общая теория права: В 2 т. Т. II. М., 1982. С. 310–311.

¹⁶ Название этого научного направления связано с перенесением внимания исследователей при решении проблемы права с вопроса «что это?» на вопрос «как это действует?». Подробнее см.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С. 284–295; Боботов С.В. Буржуазная социология права. М., 1978. С. 67–70; Сайдлер Г.Л. Юридические доктрины империализма / Пер. с польск. А.Х. Махненко. М., 1959. С. 104–122.

¹⁷ См.: Holmes O.W. The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. P. 457–478; Holmes O.W. Law in Science and Science in Law // Harvard Law Review. 1899. Vol. 12. No. 7. P. 443–463.

¹⁸ См.: Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven, 1922. См. также: Gardner J.A. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I) // Villanova Law Review. 1961. Vol. 7. No. 1. P. 1–26; Stone J. Roscoe Pound and Sociological Jurisprudence // Harvard Law Review. 1965. Vol. 78. No. 8. P. 1578–1584.

ему и помогают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, основанные на обобщении практики судов различных инстанций. Уголовный закон «живет» благодаря судебной практике, наполняющей его реальным содержанием и отражающей судебские представления о пределах уголовно-правовой нормы и, соответственно, границах неправомерного поведения субъекта преступления. В особенности это относится к содержанию оценочных понятий, используемых в уголовном законе и не раскрытых в его тексте. В итоге даваемое в разъяснениях Верховного Суда РФ нормативное толкование становится обобщенным образцом толкования казуального, и суды получают достаточно надежный инструмент для конкретизации языка уголовного закона.

Практика принятия постановлений Пленума Верховного Суда СССР в советской общей теории права получила удачное, на наш взгляд, название «прецедентной практики» в смысле прецедента толкования уголовно-правовой нормы¹⁹. Как писали С.Н. Братусь и А.В. Венгеров, «прецедент... толкования связан с разъяснением уже существующей нормы права, с выработкой определенного, “устоявшегося” положения о применении нормы права по аналогичным делам»²⁰. И далее: «Прецедент толкования способствует раскрытию смыслового значения правовой нормы, ее конкретизации и детализации в процессе неоднократного применения нормы по аналогичным делам», а также «содержит известный принцип, соображение, имеет общий характер»²¹. Таким образом, постановления высших судебных органов содержат своего рода *типовое* решение, становятся «образцом для решения аналогичных вопросов»²², что позволяет говорить об их нормативном значении.

Конечно, можно найти постановления Пленума Верховного Суда СССР тоталитарно-недемократического характера, например, неправомерно расширяющие понятие должностного лица, но все же большинство их остаются *образцами* судебного толкования²³. Есть

¹⁹ См.: Венгеров А.Б. О прецедентном толковании правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 6. М., 1966. С. 3.

²⁰ Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1975. С. 58.

²¹ Там же. С. 59, 61.

²² Там же. С. 65.

²³ См., например: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»; постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право

недостатки и в действующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, положения которых в ряде случаев выходят за рамки судебного толкования и вторгаются в компетенцию законодателя. Однако нельзя не указать на позитивную роль таких постановлений в целом, тем более что профессиональный уровень рядового судьи все еще уступает профессиональному уровню судей Верховного Суда РФ.

Наконец, возвращаясь к строго нормативному аспекту проблемы, заметим, что вывод о необязательности для судов постановлений Пленума Верховного Суда РФ опирается на ч. 1 ст. 120 Конституции РФ²⁴. Однако такой вывод из текста Конституции РФ в целом не следует, о чем свидетельствуют ст. 126 Конституции²⁵ и ее место в гл. 7 «Судебная власть и прокуратура». Эта статья определяет статус и закрепляет *властные* полномочия Верховного Суда РФ, в числе которых указано и то, что он дает разъяснения по вопросам судебной практики. Таким образом, разъяснения, даваемые в постановлениях Пленума, являются реализацией властных полномочий Верховного Суда РФ наряду с процессуальными формами судебного надзора за деятельностью судов, результатом обобщения этой деятельности, что позволяет оспорить мнение об их необязательности для судов.

5. Постановления Конституционного Суда РФ и наука уголовного права

В отношении оценки юридической природы постановлений Конституционного Суда РФ претензий к доктрине уголовного права еще больше. И главная из них заключается в том, что теория уголовного права порой не замечает, что Конституционный Суд РФ в своих постановлениях затрагивает *методологические* проблемы науки уголовного права. Вспомним, как пример, толкование им известной уголовно-правовой нормы о том, что преступность деяния, а также его

на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 101–102, 125–130.

²⁴ «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

²⁵ «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики».

наказуемость определяются только УК РФ (ч. 1 ст. 3 УК РФ). Применительно к смертной казни как наказанию, предусмотренному УК РФ, Конституционный Суд РФ «отменил» эту норму и превратил свою судебную практику в источник (формальный) уголовного права. В отношении целого ряда уголовно-правовых запретов Конституционный Суд РФ фактически признал свои решения источником уголовного права, наряду с УК РФ, и в ряде своих решений опередил доктрину уголовного права.

Так, Конституционный Суд РФ конкретизировал наиболее важный принцип уголовного права — принцип законности — в направлении уточнения установления преступности запрещенных уголовным законом общественно опасных деяний и, следовательно, решения вопроса об основаниях уголовной ответственности. Без преувеличения можно сказать, что Конституционный Суд РФ сформулировал новое содержание принципа законности, включив в него требование определенности уголовно-правовых норм, и в первую очередь уголовно-правового запрета.

Одним из важнейших в этом смысле является постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П²⁶, где он указал, что «требования определенности правовых норм и их согласованности в общей системе правового регулирования... приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения... в силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия)» (п. 2 мотивировочной части). В свете принципа правовой определенности Конституционный Суд РФ определил и свое отношение к бланкетным нормам уголовного закона, требующим для уяснения своего содержания «обращения к нормативному материалу иных правовых актов», указав, что «степень определенности нормативно-правового регулирования... долж-

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П по делу о проверке конституционности положения статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4659.

на оцениваться путем всей системы взаимосвязи правовых предписаний» (п. 2 мотивировочной части).

В данном решении Конституционный Суд РФ признал положение ст. 226¹ УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ, не соответствующим Конституции РФ, «в той мере, в какой данное положение — при наличии приводящей к его произвольному толкованию и применению неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, — не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам сознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия» (п. 1 резолютивной части) и обязал федерального законодателя определить порядок перемещения физическими лицами через Государственную границу РФ соответствующих лекарственных средств для личного использования (п. 2 резолютивной части).

Аналогичная по сути позиция содержалась в ранее принятом постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урупиной²⁷.

²⁷ СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 2). Ст. 3633. В частности, положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, устанавливающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, было признано не соответствующим Конституции РФ «в той мере, в какой — в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводящую к его произвольному толкованию и применению, — данное законоположение не предполагает возможность учета специфики использования такого оружия и не позволяет лицу, желающему реализовать его как предмет, имеющий культурную ценность, сознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а также предвидеть их уголовно-правовые последствия» (п. 2 резолютивной части). При этом Конституционный Суд РФ обязал федерального законодателя «конкретизировать правила оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, и установить ответственность за их нарушение» (п. 3.4 мотивировочной части).

К сожалению, Конституционный Суд РФ не всегда столь последователен в своих решениях, и можно обнаружить случаи, когда он, с одной стороны, явно признает очевидную неопределенность уголовно-правового запрета, а с другой — делает вывод о его соответствии Конституции РФ.

Мы имеем в виду, например, постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина²⁸, осужденного по этой статье к двум годам и шести месяцам лишения свободы. Не оспаривая оценку конституционности рассматриваемого уголовно-правового запрета, обратим лишь внимание на реагирование Суда на выявленные им неопределенность данной бланкетной формы уголовно-правового предписания и ее толкование в судебной практике²⁹. В своем постановлении Конституционный Суд РФ убедительно определил причины необоснованного осуждения И.И. Дадина к лишению свободы, но в качестве исправления такого толкования рассматриваемой им уголовно-правовой нормы в судебной практике прямо не указал федеральному законодателю на необходимость устранения выявленной неопределенности уголовно-правового запрета, как было сделано в ранее приведенных решениях. В постановлении лишь отмечено, что федеральный законодатель «правомочен внести в статью 212¹ УК РФ изменения, направленные на уточнение нормативных оснований привлечения к уголовной ответственности за предусмотренное данной статьей преступление и мер наказания за его совершение» (п. 3 резолютивной части).

²⁸ СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

²⁹ Конституционный Суд РФ отметил, что ст. 212¹ УК РФ (в ее толковании в совокупности со ст. 20.2 КоАП РФ) «подразумевает возможность назначения лицу наказания в виде лишения свободы лишь при условии, что нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера... или причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям, при том, что *без назначения данного вида наказания невозможно обеспечить достижение целей уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей* (курсив мой. — А.Н.)» (п. 1 резолютивной части). В выделенных словах — суть конкретного уголовного дела, в связи с которым заявитель и поднял вопрос о конституционности ст. 212¹ УК РФ.

6. Заключение

В настоящей статье речь шла о своеобразном минимуме теоретических достижений уголовно-правовой доктрины. Максимальный уровень теории уголовного права трудно достижим. Он характеризуется «местом» отраслевой науки в общей теории права и представляет собой обратное воздействие отраслевой науки на общую теорию права. В тех случаях, когда отраслевая наука обогащает общую теорию права, первая и достигает своего максимума. Следует признать, что нашей уголовно-правовой науке есть чем гордиться в этом отношении. Существует целый ряд аспектов современного правоведения, в развитие которых свой вклад внесла именно наука уголовного права. Упомянем хотя бы уголовно-правовую конкретизацию принципов права, учение о причинной связи и вине, постановку вопроса о «пробелах» в праве и средствах их преодоления, о межотраслевых связях в правоприменении и некоторые другие вопросы. Разумеется, что легче всего «теоретических высот» можно достичь в разработке проблем Общей части уголовного права. Но есть убедительные примеры того, что подобные результаты возможны при разработке проблем Особенной части (по этому поводу вспомним известные работы, например, Н.И. Загородникова³⁰ и Б.В. Волженкина³¹).

Привлечение внимания к такого рода исследованиям предполагает постоянное обновление методологических основ отраслевой науки, с учетом достижений как общей теории права, так и отраслевых правовых наук.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев С.В.* Общая теория права: В 2 т. Т. I. М.: Юридическая литература, 1981.
- Алексеев С.В.* Общая теория права: В 2 т. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982.
- Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2. С. 9–28.
- Боботов С.В.* Буржуазная социология права. М.: Юридическая литература, 1978.
- Венгеров А.Б.* О прецедентном толковании правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 6. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1966. С. 3–19.
- Волженкин Б.С.* Служебные преступления. СПб.: Изд-во Р. Асланова; «Юридический центр Пресс», 2005.

³⁰ См., например: *Загородников Н.И.* Преступления против жизни. М., 1961.

³¹ См.: *Волженкин Б.С.* Служебные преступления. СПб., 2005.

Гершензон М. Предисловие // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Репринтное издание 1909 г. М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. С. 3–4.

Жалинский А.Э. Актуальные проблемы уголовного права России и зарубежных государств. Рецензия на сборник «Актуальные проблемы уголовного права и криминологии» // Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 212–217.

Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2008.

Загородников Н.И. Преступления против жизни. М.: Госюриздат, 1961.

Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьба с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5–18.

Сайдлер Г.Л. Юридические доктрины империализма / Пер. с польск. А.Х. Махенко. М.: Госюриздат, 1959.

Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1975.

Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 9–45.

Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рагоа. 10-е изд. М.: Проспект, 2018.

Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М.: Госюриздат, 1960.

Dubber M.D. The Promise of German Criminal Law: A Science of Crime and Punishment // German Law Journal. 2005. Vol. 6. No. 7. P. 1049–1071.

Fletcher G.P. The Nature and Function of Criminal Theory // California Law Review. 2000. Vol. 88. Iss. 3. P. 687–704. DOI: 10.15779/Z38PT53

Gardner J.A. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I) // Villanova Law Review. 1961. Vol. 7. No. 1. P. 1–26.

Holmes O.W. Law in Science and Science in Law // Harvard Law Review. 1899. Vol. 12. No. 7. P. 443–463.

Holmes O.W. The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. P. 457–478.

Jescheck H.-H. The Significance of Comparative Law for Criminal Law Reform // Hastings International and Comparative Law Review. 1981. Vol. 5. No. 1. P. 1–25.

Lacey N. In Search of the Responsible Subject: History, Philosophy and Social Sciences in Criminal Law Theory // Modern Law Review. 2001. Vol. 64. Iss 3. P. 350–371. DOI: 10.1111/1468-2230.00325

Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale University Press, 1922.

Robinson P.H., Darley J.M. Objectivist Versus Subjectivist Views of Criminality: A Study in the Role of Social Science in Criminal Law Theory // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1998. Vol. 18. No. 3. P. 409–447.

Stephen C. International Criminal Law: Wielding the Sword of Universal Criminal Justice // *International and Comparative Law Quarterly*. 2012. Vol. 61. Iss. 1. P. 55–89. DOI: 10.1017/S0020589311000704

Stone J. Roscoe Pound and Sociological Jurisprudence // *Harvard Law Review*. 1965. Vol. 78. No. 8. P. 1578–1584. DOI: 10.2307/1338955

REFERENCES

Alekseev, S.S. (1981). *Obshchaya teoriya prava: v 2-kh t.* [General Theory of Law in Two Volumes]. Volume I. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Alekseev, S.S. (1982). *Obshchaya teoriya prava: v 2-kh t.* [General Theory of Law in Two Volumes]. Volume II. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Babayev, M.M. and Pudovochkin, Yu.E. (2015). Dialektika traditsiy i novatsiy v ugovnom prave [Dialectics of Traditions and Innovations in Criminal Law]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* [Library of the Criminalist. Scientific Journal], (2), pp. 9–28. (in Russ.)

Bobotov, S.V. (1978). *Burzhuaznaya sociologiya prava* [Bourgeois Sociology of Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Bratus, S.N. ed. (1975). *Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoy sisteme* [Judicial Practice in the Soviet Legal System]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Dubber, M.D. (2005). The Promise of German Criminal Law: A Science of Crime and Punishment. *German Law Journal*, 6(7), pp. 1049–1071.

Fletcher, G.P. (2000). The Nature and Function of Criminal Theory. *California Law Review*, 88(3), pp. 687–704. DOI: 10.15779/Z38PT53

Gardner, J.A. (1961). The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I). *Vilanova Law Review*, 7(1), pp. 1–26.

Gershenzon, M. (1990). Predislovie [Preface]. In: *Vekhi: Sbornik statei o russkoi intelligentsii N.A. Berdyayeva, S.N. Bulgakova, M.O. Gershenzona, A.S. Izgoeva, B.A. Kistyakovskogo, P.B. Struve, S.L. Franka* [Landmarks: A Collection of Articles on the Russian Intelligentsia of N.A. Berdyayev, S.N. Bulgakov, M.O. Gershenzon, A.S. Izgoev, V.A. Kistiakovskii, P.V. Struve, S.L. Frank]. Reprint of the Edition of 1909. Moscow: “Novosti” Publ. (APN), pp. 3–4. (in Russ.).

Holmes, O.W. (1897). The Path of the Law. *Harvard Law Review*, 10(8), pp. 457–478.

Holmes, O.W. (1899). Law in Science and Science in Law. *Harvard Law Review*, 12(7), pp. 443–463.

Jescheck, H-H. (1981). The Significance of Comparative Law for Criminal Law Reform. *Hastings International and Comparative Law Review*, 5(1), pp. 1–25.

Lacey, N. (2001). In Search of the Responsible Subject: History, Philosophy and Social Sciences in Criminal Law Theory. *Modern Law Review*, 64(3), pp. 350–371. DOI: 10.1111/1468-2230.00325

Luneev, V.V. (2004). Tendentsii sovremennoy prestupnosti i bor'ba s ney v Rossii [Trends in Modern Crime and Fight against it in Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (1), pp. 5–18. (in Russ.).

Pound, R. (1922). *An Introduction to the Philosophy of Law*. New Haven: Yale University Press.

Rarog, A.I. ed. (2018). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. 10th ed. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Robinson, P.H. and Darley, J.M. (1998). Objectivist Versus Subjectivist Views of Criminality: A Study in the Role of Social Science in Criminal Law Theory. *Oxford Journal of Legal Studies*, 18(3), pp. 409–447.

Seidler, G.L. (1957). *Doktryny prawne imperializmu*. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe. (in Pl.). [Russ. ed.: Seidler, G.L. (1959). *Yuridicheskaya doktrina imperializma* [Legal Doctrine of Imperialism]. Translated from Polish by A.Kh. Ma-khenko. Moscow: Gosyurizdat].

Shlyapochnikov, A.S. (1960). *Tolkovanie ugovnogo prava* [Interpretation of Criminal Law]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Stephen, C. (2012). International Criminal Law: Wielding the Sword of Universal Criminal Justice. *International and Comparative Law Quarterly*, 61(1), pp. 55–89. DOI: 10.1017/S0020589311000704

Stone, J. (1965). Roscoe Pound and Sociological Jurisprudence. *Harvard Law Review*, 78(8), pp. 1578–1584. DOI: 10.2307/1338955

Topornin, B.N. (2000). Sistema istochnikov prava: tendentsii razvitiya [Sources of Law System: Trends of Development]. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial Practice as a Source of Law]. Moscow: Jurist, pp. 9–45. (in Russ.).

Tumanov, V.A. (1971). *Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike ucheniy o prave* [Bourgeois Legal Ideology. To Criticism of Doctrines of Law]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Vengerov, A.B. (1966). O pretcedentnom tolkovanii pravovoy normy [On the Precedent Interpretation of a Legal Norm]. In: *Uchenye zapiski VNIISZ* [Scientific Notes of the All-Union Research Institute of Soviet Legislation]. Issue 6. Moscow: VNIISZ Publ., pp. 3–19. (in Russ.).

Volzhenkin, B.V. (2005). *Sluzhebnye prestupleniya* [The Official Malfeasances]. Saint Petersburg: R. Aslanov Publ.; “Yuridicheskii center Press”. (in Russ.).

Zagorodnikov, N.I. (1961). *Prestuplenuya protiv zhizni* [Crimes against Life]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Zhalinskiy, A.E. (2008). *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretico-instrumental'nyi analiz* [Criminal Law in Expectation of Changes: Theoretical and Instrumental Analysis]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Zhalinskiy, A.E. (2015). Aktualnye problemy ugovnogo prava Rossii i zarubezhnykh gosudarstv. Retsenziya na sbornik «Aktualnye problemy ugovnogo prava i kriminologii» [Current Issues in Criminal Law of Russia and Foreign States. Review of Collection of Articles “Current Issues in Criminal Law and Criminology”]. In: Zhalinskiy, A.E. *Izbrannyye trudy. T. 3. Ugolovnaya politologiya. Sravnitelnoye i mezhdunarodnoye ugovnoye*

pravo. [Selected Works. Volume 3. Criminal Politology. Comparative and International Criminal Law]. Moscow: Izdatelskiy dom Vysshey Shkoly Ekonomiki, pp. 212–217. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Наумов Анатолий Валентинович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Национальной премии по литературе в области права.

AUTHOR'S INFO:

Anatoly V. Naumov — Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Honored Science Worker of the Russian Federation, Winner of the National Award for Legal Literature.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Наумов А.В. Теория уголовного права не должна сводиться к анализу и критике уголовного законодательства // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 14. № 1. С. 121–140.

CITATION:

Naumov A.V. (2018). The Theory of Criminal Law Should Not Be Reduced to the Analysis and Criticism of Criminal Legislation. *Trudy Instituta Gosudarstva i Prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 121–140.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ЦЕПОВА

Юридическая компания ООО «ФармКонсалтинг»
119590, Российская Федерация, Москва, ул. Улофа Пальме, д. 1.,
помещение 1008
E-mail: tsepova.ekaterina@gmail.com
SPIN-код: 8221-7585
ORCID: 0000-0001-8147-7633

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ И ВАЛЮТНО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ — СОБСТВЕННИКОВ ИМУЩЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Финансово-правовое регулирование обязательств физических лиц — собственников имущества за рубежом требует, с одной стороны, либерализации, с другой — усиления фискального контроля за операциями налогоплательщиков за границей.

В последние годы наблюдается интенсивное развитие норм налогового права во многих странах. Об этом свидетельствуют следующие процессы: распространение практики наделения налогоплательщиков — собственников имущества за рубежом дополнительными процедурными обязанностями, не связанными с фактом наличия объекта налогообложения; введение в налоговое законодательство норм о контролируемых иностранных компаниях; разработка новых мер противодействия уклонению от уплаты налогов как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

От уровня экономического развития страны зависит, в какой степени выражено вытеснение норм валютного законодательства налоговыми нормами. Если в развитых странах наиболее важной задачей является борьба с уклонением от уплаты налогов, то в развивающихся странах часто на первое место выходит совершенствование валютно-правовых отношений в целях сохранения экономической стабильности. Данная тенденция прослеживается и в Российской Федерации. Налоговые обязательства собственников имущества за рубежом постоянно усложняются, расширяются как основные, так и производные обязанности физических лиц. Одновременно с этим наблюдается некоторое смягчение валютного законодательства, которое, тем не менее, нуждается в совершенствовании в целях соответствия уровню развития валютных отношений с участием граждан.

Ключевые слова: имущество за рубежом, обязательства физических лиц, счет в иностранном банке, доля в иностранной организации, контролируемая иностранная компания, резидент, налоговые обязательства, валютное регулирование

EKATERINA ANDREEVNA TSEPOVA

Law firm "PharmConsulting" LLC

1, Ulofa Palme str., office 1008, Moscow 119590, Russian Federation

E-mail: tsepova.ekaterina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8147-7633

REGULATION OF TAX AND CURRENCY EXCHANGE OBLIGATIONS OF INDIVIDUALS, OWNING THE PROPERTY ABROAD

Annotation. Globally financial regulation of the obligations of individuals, who owning property abroad, is influenced by two competing tendencies: the need to liberalize currency exchange regulation and the need to strengthen fiscal control over taxpayer operations abroad. The following processes show the intensive development of tax law in many countries: spread practice of giving to taxpayer, owning the property abroad, the additional procedural obligations, that are not related to the fact of presence of the taxation object; introduction the tax rules on controlled foreign corporations; the development of new measures to counter tax evasion at both the domestic and international levels.

The level of economic development of a country determines the extent to which the exclusion of currency exchange laws by tax rules is expressed. If in developed countries the most important task is to combat tax evasion, then in developing countries the improvement of currency exchange relations in order to preserve economic stability often comes first. Compliance with this trend can be noted in the development of financial regulation in the Russian Federation. Tax liabilities of the owners of property abroad are constantly becoming more complex, both basic and derivative obligations of individuals are expanding, at the same time, there is some mitigation of currency legislation, which nevertheless needs to be improved to match the level of development of currency relations with the participation of individuals.

Keywords: property abroad, individuals obligations, foreign bank account, share in a foreign organization, controlled foreign corporation, resident, tax liabilities, currency regulation

1. Введение

Стремительное развитие технологий в последние десятилетия сделало приобретение и распоряжение имуществом в других странах значи-

тельно более доступным для физических лиц благодаря оперативному выполнению трансграничных финансовых операций. С одной стороны, это предоставляет широкие возможности для реализации личных и деловых интересов, с другой стороны, нередки случаи злоупотребления такими возможностями в целях уклонения от уплаты налогов посредством размытия налоговой базы и вывода денежных средств в юрисдикции с меньшим уровнем налогообложения. Кроме того, активному участию физических лиц в международных расчетах способствует общемировая тенденция либерализации валютного законодательства посредством устранения ограничений в отношении валютных операций. Поэтому в настоящее время во многих государствах, в первую очередь развитых, приоритет в регулировании потоков движения капитала смещается в сторону усиления налогового контроля.

У представителей юридической науки большой интерес вызывает развитие налоговых обязательственных правоотношений с резидентами — собственниками имущества, находящегося в юрисдикции других государств. Профессор Лундского университета М. Хиллинг выражает обеспокоенность возможностью выбора налогоплательщиком страны, в которой его доходы облагаются налогом, и считает, что государство вправе этому препятствовать¹. Профессор Мичиганского университета Р.С. Ави-Йона в исследовании, посвященном международному налогообложению в США, приходит к выводу, что проблема исключения отдельных видов доходов, полученных от иностранных источников, из налогооблагаемой базы до сих пор полностью не решена, хотя работа в этом направлении ведется с 1918 г.²

2. Реализация принципа резидентства как правовой связи лица с налоговой юрисдикцией государства

В большинстве государств определение характера и объема прав и обязанностей сторон финансово-правовых отношений базируется на принципе резидентства, которое в литературе рассматривается как устойчивые отношения лица с государством (его налоговой территорией)³, правовой связью государства с физическими лицами

¹ См.: *Hilling M. Justifications and Proportionality: An Analysis of the ECJ's Assessment of National Rules for the Prevention of Tax Avoidance // Intertax. 2013. Vol. 41. Iss. 5. P. 294–307.*

² См.: *Avi-Yonah R.S. All of a Piece Throughout — The Four Ages of U.S. International Taxation // Virginia Tax Review. 2005. Vol. 25. No. 2. P. 313–338.*

³ См.: *Шахматев А.А. Международное налоговое право. М., 2014. С. 21.*

и организациями, основанной на том или ином отношении последних к территории данного государства, устанавливаемой в целях налогообложения⁴. При этом подчеркивается, что данная связь является экономической⁵. Таким образом, представители научного сообщества сходятся во мнении, что резидентство представляет собой правовую связь физических лиц и организаций с налоговой территорией определенного государства.

В мировой практике можно выделить два основных подхода к определению налогового резидента того или иного государства. Первый подход основывается на факте пребывания физического лица на территории соответствующего государства на протяжении определенного периода времени (как правило, шести месяцев и более в течение календарного года). Такой подход применяется в таких странах, как Россия, Бразилия, Азербайджан, Латвия, ЮАР, Индия, Малайзия, Норвегия, Кения и др. Второй подход основан на комплексном анализе нескольких факторов, в совокупности именуемых «центром жизненных интересов». Данное понятие включает, помимо пребывания физического лица на территории определенного государства, и другие условия: наличие постоянного места жительства, проживание в этом государстве членов семьи соответствующего лица, его профессиональная, политическая, культурная или иная деятельность, получение существенной доли в общей сумме доходов из источников в этом государстве. Данный подход нашел отражение в нормативных правовых актах Соединенного Королевства, Франции, Испании, Исландии, Мальты, Канады, Румынии, Китая, Южной Кореи и др.

Действие налоговой юрисдикции государства в отношении нерезидентов ограничивается государственной территорией, в то время как резиденты находятся под налоговой юрисдикцией государства вне зависимости от места своего пребывания. В связи с тем, что предметом исследования являются финансово-правовые отношения между определенным государством и его налоговыми резидентами, владеющими имуществом за рубежом, интерес представляет действие налоговой юрисдикции за пределами государства. Поэтому в настоящей статье рассматриваются только налоговые обязательства, построенные по резидентскому принципу.

⁴ См.: Балакина А.П. Гражданство и резидентство как элементы правового статуса налогоплательщика // Финансовое право. 2004. № 5. С. 20.

⁵ См.: Налоговое право / Под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2015. С. 438.

3. Обязанности налоговых резидентов — собственников имущества, находящегося за рубежом

Налоговое обязательство представляет собой правоотношение, предполагающее обязанность уплаты налога налогоплательщиком и, соответственно, право государства требовать уплаты налога. Помимо этого, существует множество производных обязанностей. Так, в Российской Федерации физические лица — налоговые резиденты должны уплачивать налог с доходов, в том числе от использования или распоряжения любым принадлежащим им имуществом, находящимся за рубежом. Производными налоговыми обязанностями в этом случае являются также исчисление налога, подлежащего уплате, и предоставление в налоговые органы декларации по форме 3-НДФЛ по итогам календарного года.

В литературе обязанности налогоплательщиков классифицируются в зависимости от юридических фактов, лежащих в основе их возникновения⁶. Основываясь на данном критерии, можно выделить государства, в которых у налоговых резидентов — собственников имущества, находящегося за рубежом, наряду с обязанностями, обусловленными наличием объекта налогообложения, существуют дополнительные обязанности, не зависящие от данного факта. Например, налогоплательщики США, Канады, Испании, Франции, Индии, Бразилии, Японии должны уведомлять государственные органы о наличии имущества в иностранных юрисдикциях независимо от того, является ли оно источником дохода.

Наиболее известным примером нормативного правового акта, порождающего указанные обязанности, является Закон США от 18 марта 2010 г. № 111-147, в соответствии с которым в Налоговый кодекс США были внесены поправки, именуемые «Законодательство о налоговой отчетности по зарубежным счетам»⁷. В соответствии с Налоговым кодексом налогоплательщики США обязаны ежегодно сообщать Службе внутренних доходов США (*Internal Revenue Service*) о наличии у них финансовых счетов в иностранных организациях финансового рынка, а также об иных финансовых активах, которые не отражаются на инвестиционных счетах, например о сертификатах о праве

⁶ См.: Крохина Ю.А. Финансовое право России. 4-е изд. М., 2011. С. 425.

⁷ См.: Hiring Incentives to Restore Employment Act of 18 March 2010. Title V. Subtitle A. Foreign Account Tax Compliance // CONGRESS.GOV. URL: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ147/PLAW-111publ147.pdf> (дата обращения: 11.01. 2019).

собственности на акции или облигации (§ 6038D(a))⁸. Помимо этого, налогоплательщики США обязаны ежегодно сообщать о своих счетах в иностранных организациях финансового рынка также и в Межведомственный орган по борьбе с финансовыми преступлениями в США (*Financial Crimes Enforcement Network*)⁹.

Характерная особенность финансово-правового регулирования США состоит в том, что оно охватывает максимальное число субъектов исходя из периода пребывания в стране (который служит основой конструкции субъекта регулирования в большинстве других стран), наличия гражданства либо вида на жительство в США. Кроме того, субъектами регулирования являются иностранные организации финансового рынка, на которые возложены обязанности по информированию Службы внутренних доходов США о счетах налогоплательщиков США. В случае несоблюдения данного требования их операции подлежат налогообложению в размере 30% от суммы оборотов по корреспондентским счетам, открытым в банках США, что фактически делает работу таких организаций в США невозможной.

Резиденты Канады — физические лица на основании Закона о подоходном налоге, вступившем в силу 31 августа 2004 г., обязаны уведомлять Налоговое агентство Канады о наличии у них любого имущества за пределами страны при превышении определенного стоимостного порога, за исключением отдельных видов имущества, например объектов вещных прав, используемых исключительно для личных нужд субъекта, — предметы искусства, ювелирные украшения, редкие книги и т.д. (§ 54)¹⁰.

В Испании¹¹ резиденты также должны уведомить налоговое ведомство о наличии у них банковских счетов, ценных бумаг, недвижимо-

⁸ См.: U.S. Code: Title 26. Internal Revenue Code // Cornell Law School. Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26> (дата обращения: 11.01.2019).

⁹ Ibid. Subtitle B. Chapter X. Part 1010. General Provisions (дата обращения: 11.01.2019).

¹⁰ См.: Consolidation Income Tax Act R.S.C. 1985, с. 1 (5th Supp.) // Justice Laws Websites. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-3.3/> (дата обращения: 12.01.2019).

¹¹ См.: Declaración Informativa Sobre Bienes y Derechos Situados En El Extranjero Modelo 720 // Gobierno de España. Agencia Tributaria. URL: http://www.agenciatributaria.es/static_files/AEAT/Contenidos_Comunes/La_Agencia_Tributaria/Modelos_y_formularios/Declaraciones/Resto_de_modelos/720/Recopilacion_preguntas_frecuentes.pdf (дата обращения: 17.01.2019).

сти, полисов страхования жизни и индивидуальных пенсионных накоплений, находящихся в юрисдикции других государств. С 2016 г. такая обязанность закреплена и в нормативных правовых актах Бразилии¹² и Японии¹³.

Резиденты Индии обязаны подавать налоговую декларацию с указанием всего принадлежащего им имущества, находящегося за пределами страны, включая средства на расчетных счетах, а также любые активы, фактическими владельцами которых они являются (например, в качестве бенефициарного владельца), независимо о того, является ли указанное имущество источником дохода, облагаемого подоходным налогом в Индии¹⁴. В отличие от других стран в Индии предусмотрены жесткие меры финансово-правовой ответственности за несоблюдение указанных требований, введенных Законом о налогообложении «черных денег» от 26 мая 2015 г. № 22, согласно которому любой нераскрытый налогоплательщиком доход от иностранных источников или стоимость незадекларированных активов подлежат обложению налогом по ставке 30%, а на виновное лицо налагается штраф в размере 1 млн рупий. За указанное правонарушение предусмотрена также уголовно-правовая ответственность в виде лишения свободы на срок до семи лет. Преднамеренная попытка уклонения от уплаты налогов в соответствии с указанным Законом рассматривается как отягощающее обстоятельство и является основанием для наложения штрафа в размере 300% от суммы неуплаченного налога и лишения свободы на срок до десяти лет (§ 3 гл. II)¹⁵.

Необходимо отметить, что даже в случае достаточно жесткого регулирования, предусматривающего обязанность резидентов заявлять о наличии у них имущества, находящегося в юрисдикции других го-

¹² См.: Brazil: Normative Ruling RFB No. 1,627/2016: Regulation of Special Regime for Monetary and Tax Regulation (“RERCT”). URL: <https://www.tauilchequer.com.br/en-US/Instrucao-Normativa-RFB-no-16272016-Regulamentacao-do-Regime-Especial-de-Regularizacao-Cambial-e-Tributaria-RERCT-03-17-2016/> (дата обращения: 17.01.2019).

¹³ См.: Income Tax Act No. 33 of March 31, 1965 (Limited to the Provisions Related to Nonresidents and Foreign Corporations) // Ministry of Justice. Japanese Law Translation Database System. URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=&vm=2&id=2249 (дата обращения: 21.12.2018).

¹⁴ См.: Income-tax Act, 1961–2017 // TAXMANN. Tax & Corporate Laws of India. URL: <https://www.taxmann.com/income-tax-acts.aspx> (дата обращения: 13.12.2018).

¹⁵ См.: The Black Money (Undisclosed Foreign Income and Assets) and Imposition of Tax Act. No. 22 of 2015 // The Gazette Of India. Extraordinary. Part II. Sec. 1. 2015, 27 of May. No. 26. P. 1–30.

сударств, как правило, законом устанавливается минимальная стоимость имущества, о котором должны уведомляться государственные органы финансового контроля. Смягчение финансово-правового регулирования посредством введения таких ограничений обосновывается в первую очередь стремлением к более эффективному налоговому администрированию, позволяющему выявить граждан, владеющих имуществом наибольшей стоимости.

Несмотря на приведенные выше примеры, в мировой практике по-прежнему преобладают более мягкие нормативные требования, предусматривающие обязанность по уплате налога с доходов, полученных от иностранных источников, без избыточного количества процедурных налоговых обязанностей, за исключением декларирования полученного дохода. Это практикуется во многих европейских странах (Германии, Латвии, Финляндии, Швеции), в Китае, в ряде африканских стран (Египте, ЮАР, Кении и др.) и странах Ближнего Востока (Катар, Бахрейне и др.).

4. Налоговые обязательства физических лиц, владеющих долей в уставном капитале или долей голосующих акций иностранных организаций

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об обязанности физических лиц — собственников имущества в виде доли в уставном капитале или доли голосующих акций иностранных организаций. Контролируемая иностранная компания — это юридическое лицо, осуществляющее свою деятельность в юрисдикции одного государства, но принадлежащее или контролируемое налоговыми резидентами другого государства. Это может быть правовой контроль, реализуемый через право избирать контролирующие органы организации; экономический контроль, который предполагает право на получение капитала или активов компании, а также фактический контроль как комплекс факторов, позволяющих налоговому резиденту оказывать определяющее влияние на текущую деятельность контролируемой иностранной компании¹⁶. В некоторых странах у резидентов — контролирующих лиц иностранных организаций в силу налогово-правовых норм возникают специфические обязанности. По мнению экс-

¹⁶ См.: *Садчиков М.Н.* Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5. С. 142–146.

пертов, их законодательное закрепление способствует обеспечению справедливого налогообложения и предотвращению вывода доходов из стран с высокой налоговой ставкой¹⁷.

В 2014 г. в ходе реализации антиофшорной государственной политики в налоговое законодательство РФ были внесены изменения, предусматривающие обязанность по уплате резидентами налога на доходы физических лиц с прибыли, полученной иностранной компанией, в которой данный резидент является контролирующим лицом. Кроме того, налогоплательщики обязаны уведомлять налоговый орган о своем участии в иностранных организациях (если доля такого участия превышает 10%) и о контролируемых иностранных компаниях (пп. 2 п. 2 ст. 23 Налогового кодекса РФ)¹⁸.

Многие представители научного сообщества рассматривают правила налогообложения контролируемых иностранных компаний в качестве составной части более широкой группы правовых норм, направленных на противодействие уклонению от налогообложения, наряду с правилами трансфертного ценообразования, правилами недостаточной капитализации и концепцией фактического получателя дохода¹⁹. С учетом предмета исследования законодательство о контролируемых иностранных компаниях будет рассмотрено в более узком смысле — как основание для возникновения налоговых обязанностей у физических лиц — резидентов, владеющих долей в капитале или голосующими акциями иностранных организаций. По этой причине автором не рассматриваются средства антиофшорного регулирования, согласно которому физическое лицо не наделяется самостоятельными правами и обязанностями, а вводится в законодательство только для целей налогообложения связанных с этим лицом юридических лиц, например для установления их аффилированности. Применение концепции фактического получателя дохода в отдельных случаях может привести к возникновению налоговых правоотношений

¹⁷ См.: *Rust A.* CFC Legislation and EC Law // *Intertax*. 2008. Vol. 36. Iss. 11. P. 493.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» // СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6657.

¹⁹ См.: *Старженецкая Л.И.* Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 16; *Милоголов Н.С., Пинская М.Р.* Правила налогообложения контролируемых иностранных компаний: сравнительный анализ // *Финансовый журнал*. 2014. № 4. С. 36–46.

с участием физического лица — резидента²⁰. Но подробное исследование данного вопроса в рамках настоящей статьи нецелесообразно, поскольку право собственности на имущество за рубежом (прямое участие в иностранной компании) не играет ключевой роли в указанной концепции. Главным условием является признание такой иностранной организации не имеющей фактического права на выплачиваемые доходы, что не позволяет применить к ним пониженную налоговую ставку, предусмотренную соглашением об избежании двойного налогообложения.

Юридическая конструкция контролируемой иностранной компании впервые была закреплена в Законе от 16 октября 1962 г. № 87-834, в соответствии с которым Налоговый кодекс США был дополнен специальной гл. F «Контролируемые иностранные корпорации»²¹. В соответствии с § 6046 данной главы у американских акционеров, которые владеют, прямо или косвенно, более чем 10% голосующих акций (или уставного капитала) иностранной организации, возникает обязанность информировать об этом Налоговую службу США, а также декларировать и уплачивать налоги с сумм отдельных видов доходов этого юридического лица, таких как дивиденды, проценты, роялти, арендные платежи, аннуитеты, а также доходы от продажи собственности, генерирующей подобные «пассивные» доходы. Необходимо отметить, что в этой стране финансово-правовое регулирование в данной области одно из наиболее жестких и технически сложных в мире. Примечательно также, что правовое регулирование налоговых обязательств граждан — собственников доли в уставном капитале или голосующих акций иностранных организаций, разработанное в США, стало заимствоваться с некоторыми изменениями (в основном предполагающими определенные смягчения) другими государствами.

В Германии у налоговых резидентов — собственников долей в капитале иностранных организаций (как у юридических, так и у физических лиц) возникает обязанность уплатить налог на доходы, включив в налоговую базу пассивные доходы иностранной организации, если резидентам принадлежит в совокупности (с учетом прямого и косвенного владения) более 50% голосующих акций или уставного капитала

²⁰ См.: Письмо Министерства финансов РФ от 30 июля 2018 г. № 03-04-06/53469 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Revenue Act of 1962 // Cornell Law School. Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/topn/revenue_act_of_1962 (дата обращения: 11.01.2019).

компании²². При соблюдении этого условия размер доли, принадлежащей каждому резиденту, не влияет на совокупность его прав и обязанностей в отношении налогообложения доходов данной компании, т.е. владельцы и больших, и маленьких долей в компании обязаны включать определенную часть ее доходов в свою налогооблагаемую базу пропорционально размеру своей доли и уплачивать налог.

Аналогичные критерии для признания иностранной компании контролируемой закреплены в нормативных правовых актах Чили²³ и ЮАР²⁴. При этом чилийские налогоплательщики должны не только уплатить налоги, включив в налоговую базу пассивные доходы иностранной организации, но и уведомить налоговую службу о прямых и косвенных инвестициях в иностранные активы при превышении определенного стоимостного порога в течение календарного года.

В Соединенном Королевстве, где налоговые обязательства собственников долей в капитале иностранных организаций были введены в законодательство еще в 1984 г.²⁵, у физических лиц не возникает самостоятельных обязанностей в связи с наличием у них доли в иностранной организации, но контроль за такой компанией со стороны физического лица является основанием для признания связанных с ним резидентов — юридических лиц контролирующими лицами иностранной компании и возникновения у них дополнительных обязанностей по декларированию и уплате налога с прибыли иностранной организации²⁶. Аналогичный подход применяется в Китае²⁷.

Как показал сравнительный анализ критериев признания иностранной компании контролируемой, в большинстве стран Северной

²² См.: Gesetz über die Besteuerung bei Auslandsbeziehungen vom 8. September 1972 // Bundesgesetzblatt. 1972. Teil I. Nr. 98. S. 1713.

²³ См.: Ley del Impuesto a la Renta de Chile Núm. 824. — Santiago, 27 de Diciembre de 1974 // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile. URL: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=6368> (дата обращения: 17.01.2019).

²⁴ См.: Act № 58 of 25 May 1962 to Consolidate the Law Relating to the Taxation of Incomes and Donations // Government Gazette Extraordinary. 1962. 29 May. P. 13–189.

²⁵ См.: *Joscelyne M., Wentworth-May M.* The UK's New CFC Regime // Thomson Reuters Practical Law. 2012. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-519-8741?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&comp=pluk&bhcr=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/0-519-8741?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&comp=pluk&bhcr=1) (дата обращения: 17.01.2019).

²⁶ См.: Finance Act 2012 (§ 371 BD Schedule 20) // legislation.gov.uk. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/14/contents/enacted/> (дата обращения: 15.01.2019).

²⁷ См.: Enterprise Income Tax Law of the People's Republic of China of 16 May 2007 (Art. 45) // Investment Promotion Agency of Ministry of Commerce (CIPA). URL: http://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_3339_0_7.html (дата обращения: 11.01.2019).

Европы в расчет принимаются только критерии правового контроля, и лишь в Финляндии на законодательном уровне закреплён как правовой, так и экономический контроль резидентов за иностранной организацией²⁸.

Понятие «контролируемая иностранная компания» является относительно новым в мировой юридической науке и практике и еще не нашло отражения в нормативных правовых актах большинства государств. Например, законодательство таких стран, как Болгария, Чешская Республика, Хорватия, Эстония, Египет, Бахрейн, Кения, Боливия, Гана, Катар, Таиланд, Украина, и многих других²⁹ не предусматривает каких-либо обязательств граждан, связанных с наличием у них в собственности долей и акций иностранных компаний, а также с возможностью осуществлять контроль над такими компаниями посредством иных юридических механизмов.

В настоящее время регулирование финансово-правовых обязательств физических лиц — собственников голосующих акций и долей в капитале иностранных организаций осуществляется не более чем в 30 странах, в основном развитых³⁰. Но можно утверждать, что в ближайшие годы их число увеличится в связи с актуальностью проблемы разработки эффективных мер противодействия уклонению от уплаты налогов посредством вывода части доходов налогоплательщиков в юрисдикции с низким уровнем налогообложения.

5. Современные тенденции в борьбе с уклонением от уплаты налогов

К числу мер, которые предпринимаются различными государствами в борьбе с уклонением от уплаты налогов, в первую очередь относится активное международное сотрудничество в сфере налогового контроля. Как отмечается в литературе, в настоящее время наблюда-

²⁸ См.: *Schmidt P.K.* Taxation of Controlled Foreign Companies in Context of the OECD/G20 Project on Base Erosion and Profit Shifting as well as the EU Proposal for the Anti-Tax Avoidance Directive — An Interim Nordic Assessment // *Nordic Tax Journal*. 2016. No. 2. P. 87–112.

²⁹ См.: *Designing Effective Controlled Foreign Company Rules, Action 3-2015 Final Report* // OECD iLibrary. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264241152-en> (дата обращения: 12.01. 2019).

³⁰ См.: *Лукьянец К.В., Полежарова Л.В.* Деофшоризация российской экономики: прогноз налоговых поступлений от контролируемых иностранных компаний // *Экономика. Налоги. Право*. 2016. Т. 9. № 3. С. 128–134.

ется повсеместный переход от двусторонних отношений к многосторонним³¹. Например, участниками заключенного 29 октября 2014 г. Многостороннего соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией³² в настоящее время являются 104 государства, включая Российскую Федерацию³³. Не будет преувеличением сказать, что реализация его положений стала прорывом в сфере налогового контроля за трансграничными операциями физических лиц, поскольку позволяет налоговым органам государств-участников беспрепятственно на регулярной основе получать данные о счетах своих налоговых резидентов в иностранных организациях финансового рынка в объеме, достаточном для контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах. До недавнего времени обмен налоговой информацией осуществлялся в основном по запросу³⁴ на основании двусторонних межправительственных соглашений и имел выборочный характер, и поэтому доступ к этим сведениям был существенно ограничен. Многие авторы, например Е.В. Овчарова, отмечают значимость таких мер, как создание единого правового поля финансового контроля³⁵. Поскольку все государства — участники Соглашения осуществляют сбор, анализ и передачу друг другу информации о финансовых счетах налогоплательщиков в соответствии с единым стандартом (п. 1.1 ст. 2), можно утверждать, что это Соглашение является примером успешного решения указанной проблемы в сфере международного налогообложения.

Еще одной мировой тенденцией в сфере борьбы с уклонением от уплаты налогов, отмыванием денег, коррупцией и финансированием терроризма является экстерриториальное действие юридических норм, касающихся применения санкций к лицам, совершившим

³¹ См.: *Pistone P.* Coordinating the Actions of Regional and Global Players during the Shift from Bilateralism to Multilateralism in International Tax Law // *World Tax Journal*. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 3.

³² См.: *Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information* // OECD. URL: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/multilateral-competent-authority-agreement.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

³³ См.: *List of CRS MCAA Signatories* // OECD. URL: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/MCAA-Signatories.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

³⁴ См.: Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам 1988 г. (ст. 5) // СЗ РФ. 2016. № 12. Ст. 1586.

³⁵ См.: *Овчарова Е.В.* Финансовый контроль в Российской Федерации. М., 2016. С. 56.

соответствующие правонарушения в других государствах. Как отмечается в литературе, «в условиях глобализации экстерриториальное действие юридических норм выступает важной составляющей взаимодействия правовых систем мира»³⁶. Примером такого подхода является Закон Соединенного Королевства от 27 апреля 2017 г. о криминальных финансах³⁷, допускающий изъятие имущества в том случае, если собственник (или бенефициар) не может обосновать происхождение средств на его покупку (§ 362 А). Имущество может изыматься как у лиц, которые ведут политическую деятельность, так и у лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений. Кроме того, данный Закон предусматривает ответственность для юридических лиц в виде штрафа, уголовную ответственность за неуплату налогов в других странах, а также субсидиарную ответственность за содействие в уклонении от уплаты налогов (как на территории Великобритании, так и за рубежом).

Мировым лидером в сфере принятия законов экстерриториального характера являются США. Упомянутый ранее Закон от 18 марта 2010 г. № 111-147 — яркий пример подобного регулирования. С одной стороны, этот акт направлен на борьбу с уклонением от уплаты налогов американскими налогоплательщиками, но, с другой стороны, достижение данной цели обеспечивается за счет возложения обязанностей на иностранные организации финансового рынка. Как отмечается в литературе, принцип экстерриториальности реализован в нем не отдельными нормативными правовыми актами, а специфической совокупностью норм, включенных в те или иные законы: «Каждый закон сформулирован так, что может распространяться как на проживающего в другом штате гражданина США или зарегистрированную в другом штате американскую корпорацию, так и на гражданина или юридическое лицо другого государства»³⁸. Столь широкий подход часто подвергается критике за возможность вмешательства во внутреннюю экономическую и политическую жизнь других стран.

Уголовная политика современных государств в сфере экономики балансирует между двумя подходами: разработка эффективных средств борьбы с экономическими преступлениями (*Crime Control*)

³⁶ Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 115.

³⁷ Criminal Finances Act 2017 (с. 22) // [legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents](http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents) (дата обращения: 12.12.2018).

³⁸ Барнашов А. Экстерриториальная юрисдикция США: доктрина «минимальных контактов» // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 42.

и специального инструментария для либерализации экономического сектора и снижения уголовно-правовых рисков (*Doing Business*)³⁹. В рамках второго подхода могут применяться различные правовые механизмы освобождения от ответственности, включая проведение экономической амнистии. Целями амнистии капиталов, как правило, являются: получение дополнительных средств в бюджетную систему (фискальная цель) и нормализация инвестиционного климата в стране (экономическая цель)⁴⁰. Опыт проведения экономической амнистии в разные исторические периоды существует у многих стран, в их числе Аргентина, Индия, Италия. Необходимо отметить, что в Италии эта мера применяется циклично и стала обычным явлением в налоговом праве⁴¹.

В 2015 г. и у российских граждан появилась возможность избежать ответственности за ряд правонарушений в сфере налогового, валютного и таможенного законодательства. Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴² обеспечивает соответствующие правовые гарантии лицам, добровольно задекларировавшим свои активы и банковские счета. Обязанность перечислить в бюджет ранее неуплаченные налоги в нем не предусмотрена. Основной целью проведения амнистии является прежде всего вывод из тени российских капиталов, находящихся в иностранных государствах, хотя воспользоваться освобождением от ответственности могут и владельцы имущества в России. В начале 2018 г. был принят пакет нормативных правовых актов, предусматривающих продление сроков амнистии⁴³. С учетом перехода Российской Федерации к автома-

³⁹ См.: Головкин Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: *Crime Control* и *Doing Business* // Закон. 2015. № 8. С. 32–45.

⁴⁰ См.: Крохина Ю.А. Амнистия капиталов: понятие, правовые основы и гарантии реализации // Академический юридический журнал. 2015. № 3. С. 21.

⁴¹ См.: Ferlazzo N.L., Serrano M.V. Il condono fiscale, nei rapporti con lo Statuto del contribuente e con gli aiuti di Stato, alla luce delle conclusioni dell'avvocato generale dell'UE del 25 ottobre 2007 // Bollettino tributario d'informazioni. 2007. No. 23. P. 1845.

⁴² СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3367.

⁴³ См.: Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1290; Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части

тическому обмену налоговой информацией с иностранными государствами и угрозы расширения западных санкций, вероятнее всего, так называемый второй этап амнистии капиталов (1 марта 2018 г.— 28 февраля 2019 г.) окажется значительно успешнее предыдущего, который завершился 30 июня 2016 г.

6. Зарубежный опыт валютного регулирования правоотношений с участием физических лиц

Говоря о собственности физических лиц за рубежом, нельзя не упомянуть, что владение, пользование и распоряжение за пределами страны таким имуществом, как безналичные денежные средства, наличные деньги и некоторые виды ценных бумаг, во многих государствах регулируется нормами не только налогового, но и валютного законодательства. В рамках правоотношений, возникающих между гражданами и государством в результате регламентирования валютного обращения, резиденты и нерезиденты должны соблюдать ограничения в связи с совершением валютных операций и вправе требовать должного поведения обязанных субъектов со стороны государства. По мнению экспертов, валютные ограничения, являющиеся одним из наиболее жестких методов валютного регулирования, в зависимости от глубины кризисных явлений, возможных негативных последствий и других факторов могут выражаться в запретах проведения как отдельных операций, так и их широкого круга⁴⁴.

В Российской Федерации действует правовой режим валютных ограничений для граждан. Как и в большинстве других государств, он основан на принципе резидентства. В качестве обоснования использования этого принципа указывается на то, что применительно к конкретным валютным ограничениям круг обязанностей для резидентов и нерезидентов может различаться в зависимости от последствий для государства; функции лица в сделке; объективных ограниче-

первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1291; Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в статью 76¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1292.

⁴⁴ См.: *Маняхин Т.В.* Мировая практика валютного регулирования: основные методы и проблемы их применения // *Финансы и кредит.* 2004. № 25. С. 68.

ний действия валютного законодательства в пространстве⁴⁵. Правовое положение резидентов предполагает соблюдение ограничений в отношении валютных операций, совершаемых не только на территории конкретного государства, но и за его пределами. В нашей стране это касается в первую очередь требований в отношении порядка открытия счетов в зарубежных банках и проведения валютных операций. Производные обязанности заключаются в предоставлении органам валютного контроля (функции которых возложены на налоговые органы) документов, связанных с совершением валютных операций, информировании об открытии и закрытии счетов в банках за пределами страны и о движении по ним безналичных денежных средств⁴⁶.

Особенностью финансово-правового регулирования в странах — членах СНГ, на которую обращается внимание в литературе, является использование специфического понятия «резидент для целей валютного регулирования», а не понятия «налоговый резидент». В нормативных правовых актах большинства других государств резидентство регламентируется исключительно нормами налогового права и не предусмотрено использование специального термина для определения субъектов валютного контроля⁴⁷. Как отмечают некоторые авторы, в нашей стране правила отнесения физических лиц к валютным резидентам неоднократно подвергались пересмотру в связи с неоднозначностью их понимания, но, несмотря на это, ряд проблем, связанных с применением данного статуса по отношению к физическим лицам, все еще не решен⁴⁸.

По мнению А.В. Тихомировой, мировой опыт свидетельствует о том, что практически все страны в разные периоды прибегали к использованию валютных ограничений в отношении международного движения капиталов⁴⁹. Но в большинстве развитых стран в конце XX в.

⁴⁵ См.: *Хаменушко И.В.* Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность. М., 2013. С. 60.

⁴⁶ См.: Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 2.

⁴⁷ См.: *Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В., Левашенко А.Д.* Актуальные проблемы валютного регулирования операций физических лиц в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 12. С. 5.

⁴⁸ См.: *Хаменушко И.В., Ромащенко Л.В.* Либерализация валютного законодательства для физических лиц, проживающих за рубежом // *Налоговед.* 2018. № 3. С. 81–89.

⁴⁹ См.: *Тихомирова А.В.* Валютные операции // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право.* 2016. Т. 16. № 4. С. 61.

практически полностью были отменены валютные ограничения в отношении трансграничных финансовых операций как юридических, так и физических лиц в соответствии с рекомендациями, разработанными Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком в рамках так называемого Вашингтонского консенсуса⁵⁰.

Либерализация движения капитала в странах Европы связана также с интеграционными процессами в Европейском союзе. Отмечается, что началом новой политики валютного регулирования стала Директива ЕС 88/361/ЕЭС, принятая в 1988 г.⁵¹ В соответствии с ней все ограничения на движение капитала между физическими или юридическими лицами в государствах — членах ЕС были отменены. Тенденция по смягчению валютных ограничений в результате интеграционных процессов и, как следствие, сокращение количества валютно-правовых обязанностей физических лиц характерно не только для Европейского союза, но и для других союзов государств, например для Евразийского экономического союза. В частности, Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) разрабатываются подходы к регулированию валютной сферы, в соответствии с которыми не будут применяться валютные ограничения в отношении расчетов между резидентами; для физических лиц также планируется отменить ограничения на денежные переводы в пределах таможенной территории ЕАЭС⁵².

В соответствии с отчетом МВФ по механизмам валютного регулирования и валютным ограничениям в 2015 г. различные виды валютных ограничений применялись в 49 из 189 рассматриваемых государств, включая Албанию, Армению, Беларусь, Бразилию, Гану, Исландию, Индию, Иран, Ирак, Колумбию, Монголию, Сербию, Черногорию, Мьянму, Судан, Сирию, Тунис, Украину и др.⁵³ Таким

⁵⁰ См.: *Агитон К.* Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста / Пер. с фр. Е. Константиновой и Е. Кочетыговой. М., 2004. С. 45–49.

⁵¹ См.: *Дубовицкая Е.А.* Европейское корпоративное право. 2-е изд. М., 2008. С. 11.

⁵² См.: *Филатова В.В.* Особенности валютного регулирования стран в условиях членства в ЕАЭС // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 92–97.

⁵³ См.: International Monetary Fund. Monetary and Capital Markets Department. Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2016 // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2017/01/25/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2016-43741> (дата обращения: 18.12.2018).

образом, можно сделать вывод, что валютные ограничения в наибольшей степени используются в странах с развивающейся и переходной экономикой. Вместе с тем в отчете также отмечена тенденция ввода валютных ограничений в развитых странах по соображениям национальной или международной безопасности, требующих обязательного уведомления МВФ. В частности, в 2015 г. о подобных мерах МВФ уведомили 37 стран, в то время как 23 страны сделали это в течение первого полугодия 2016 г., и число таких стран продолжает непрерывно увеличиваться с 2013 г.

Как уже отмечалось ранее, граждане и лица, постоянно проживающие в США, Канаде, Испании, Франции, Японии, обязаны сообщать государственным органам финансового контроля о своих банковских счетах за рубежом. Данная обязанность, как правило, предусматривается в налоговом законодательстве, и цель ее установления — соблюдение законодательства о противодействии легализации преступных доходов. В развивающихся странах ситуация иная, во многих из них валютные ограничения применяются постоянно. Это касается мер валютного регулирования в странах группы БРИКС.

В Индии предусмотрен строгий контроль за трансграничными валютными операциями: резидентам запрещено открывать или владеть счетами в иностранной валюте, они могут это делать только через уполномоченного посредника или при наличии специального разрешения Резервного банка Индии⁵⁴. В Китае гражданам не запрещено открывать счета за рубежом, но установлены существенные ограничения на совершение валютных операций, и соответствующие требования продолжают ужесточаться. Например, в конце 2017 г. лимит на снятие наличных денег за рубежом с банковской карты, выпущенной китайским банком, был сокращен⁵⁵, а годовая квота на покупку иностранной валюты на душу населения, установленная Государственным управлением валютного регулирования Китая, составляет всего 50 тыс. долл. США⁵⁶. Таким образом, при формальном наличии

⁵⁴ См.: Foreign Exchange Management (Foreign Currency Accounts by a Person Resident in India) Regulations, 2015. Par. 3 // Reserve Bank of India. URL: <https://rbi.org.in/Scripts/NotificationUser.aspx?Id=10261&Mode=0> (дата обращения: 11.11.2018).

⁵⁵ См.: Circular of the State Administration of Foreign Exchange on Regulating Large-sum Overseas Cash Withdrawals with Bank Cards // Gov. cn. State Administration of Foreign Exchange. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2017/1230/1397.html> (дата обращения: 29.11.2018).

⁵⁶ См.: Circular of the General Affairs Department of the SAFE on Foreign Exchange Sales and Settlement for Foreign Citizens with Their Foreign Permanent Resident

счета в иностранном банке резиденты Китая могут перевести на него ограниченную сумму денежных средств. Валютное законодательство Бразилии является достаточно либеральным, оно предусматривает обязанность резидентов уведомлять Центральный банк Бразилии о принадлежащем им имуществе за рубежом, но при этом не содержит ограничений на осуществление операций по зарубежным счетам резидентов.

7. Заключение

Как свидетельствует практика, основными тенденциями регулирования налоговых и валютно-правовых обязательств физических лиц — собственников имущества за рубежом являются: ужесточение правовых норм в сфере налогообложения, усиление фискального контроля за трансграничными операциями налогоплательщиков и постепенная либерализация валютно-правового регулирования, вытесняемого налоговыми нормами. Следование каждого государства указанным тенденциям обусловлено в первую очередь степенью его экономического развития. В развитых странах при полной либерализации движения капитала на первый план выходит борьба с уклонением от уплаты налогов посредством вывода капитала в юрисдикции с меньшим уровнем налогообложения. В развивающихся странах и странах с переходной экономикой более важным является сохранение экономической стабильности, требующее в том числе валютных ограничений, чем объясняются более низкие темпы совершенствования налогового законодательства.

Российская Федерация также следует общемировым тенденциям, несмотря на то, что полноценное регулирование данной области общественных отношений стало осуществляться только в 1991–1992 гг. Налоговые обязательственные правоотношения между российскими резидентами — собственниками имущества за рубежом и государством постоянно усложняются, совершенствуются механизмы реализации государством своих прав. Перечень доходов, особенности налогообложения которых урегулированы Налоговым кодексом РФ, расширяется, как и перечень процедурных обязанностей субъектов. Возникают новые объекты обложения налогом на доходы физических лиц, такие как прибыль контролируемых иностранных компа-

ID Cards // Gov. cn. State Administration of Foreign Exchange. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2017/1129/1365.html> (дата обращения: 29.11.2018).

ний, приравниваемая к доходу контролирующего лица. В то же время наблюдается постепенная либерализация законодательства, хотя темпы смягчения нормативных требований остаются низкими по сравнению с темпами развития валютных отношений с участием граждан, и нормативно-правовая база в данной сфере по-прежнему требует существенного усовершенствования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агитон К. Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста / Пер. с фр. Е. Константиновой, Е. Кочетыговой. М.: Гилея, 2004.

Балакина А.П. Гражданство и резидентство как элементы правового статуса налогоплательщика // Финансовое право. 2004. № 5. С. 17–20.

Барнашов А. Экстерриториальная юрисдикция США: доктрина «минимальных контактов» // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 42–48.

Головкин Л.В. Два альтернативных направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: *Crime Control* и *Doing Business* // Закон. 2015. № 8. С. 32–45.

Дубовицкая Е.А. Европейское корпоративное право. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2008.

Крохина Ю.А. Амнистия капиталов: понятие, правовые основы и гарантии реализации // Академический юридический журнал. 2015. № 3. С. 19–24.

Крохина Ю.А. Финансовое право России. 4-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.

Лукьянец К.В., Полежарова Л.В. Деофшоризация российской экономики: прогноз налоговых поступлений от контролируемых иностранных компаний // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9. № 3. С. 128–134.

Маняхин Т.В. Мировая практика валютного регулирования: основные методы и проблемы их применения // Финансы и кредит. 2004. № 25. С. 66–71.

Милоголов Н.С., Пинская М.Р. Правила налогообложения контролируемых иностранных компаний: сравнительный анализ // Финансовый журнал. 2014. № 4. С. 36–46.

Налоговое право / Под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Овчарова Е.В. Финансовый контроль в Российской Федерации. М.: Зерцало-М, 2016.

Садчиков М.Н. Контроль как критерий налогово-правового статуса контролируемой иностранной компании // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5. С. 142–146.

Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 115–124.

Синельников-Мурyleв С.Г., Трунин П.В., Левашенко А.Д. Актуальные проблемы валютного регулирования операций физических лиц в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 12. С. 3–13.

Старженецкая Л.И. Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, 2016.

Тихомирова А.В. Валютные операции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 59–65. DOI: 10.14529/law160410

Филатова В.В. Особенности валютного регулирования стран в условиях членства в ЕАЭС // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 92–97.

Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность. М.: Норма, 2013.

Хаменушко И.В., Ромащенко Л.В. Либерализация валютного законодательства для физических лиц, проживающих за рубежом // Налоговед. 2018. № 3. С. 81–89.

Шахматев А.А. Международное налоговое право. М.: Международные отношения, 2014.

Avi-Yonah R.S. All of a Piece Throughout — The Four Ages of U.S. International Taxation // Virginia Tax Review. 2005. Vol. 25. No. 2. P. 313–338.

Ferlazzo N.L., Serranò M.V. Il condono fiscale, nei rapporti con lo Statuto del contribuente e con gli aiuti di Stato, alla luce delle conclusioni dell'avvocato generale dell'UE del 25 ottobre 2007 // Bollettino tributario d'informazioni. 2007. No. 23. P. 1845–1847.

Hilling M. Justifications and Proportionality: An Analysis of the ECJ's Assessment of National Rules for the Prevention of Tax Avoidance // Intertax. 2013. Vol. 41. Iss. 5. P. 294–307.

Joscelyne M., Wentworth-May M. The UK's New CFC Regime // Thomson Reuters Practical Law. 2012. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/>; resource id 0-519-8741 (дата обращения: 22.12.2018).

Pistone P. Coordinating the Actions of Regional and Global Players during the Shift from Bilateralism to Multilateralism in International Tax Law // World Tax Journal. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 3–9.

Rust A. CFC Legislation and EC Law // Intertax. 2008. Vol. 36. Iss. 11. P. 492–501.

Schmidt P.K. Taxation of Controlled Foreign Companies in Context of the OECD/G20 Project on Base Erosion and Profit Shifting as well as the EU Proposal for the Anti-Tax Avoidance Directive — An Interim Nordic Assessment // Nordic Tax Journal. 2016. No. 2. P. 87–112. DOI: 10.1515/ntaxj-2016-0005

REFERENCES

Aguiton, Ch. (2004). *Al'ternativnyi globalizm: Novye mirovye dvizheniya protesta* [Alternative Globalism: New World Protest Movements]. Translated from French by E. Konstantinova and E. Kochetygova. Moscow: Gileya. (in Russ.).

Avi-Yonah, R.S. (2005). All of a Piece Throughout — The Four Ages of U.S. International Taxation. *Virginia Tax Review*, 25(2), pp. 313–338.

Balakina, A.P. (2004). Grazhdanstvo i rezidentstvo kak elementy pravovogo statusa nalogopatel'shchika [Citizenship and Residency as Elements of the Legal Status of the Taxpayer]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], (5), pp. 17–20. (in Russ.).

Barnashov, A. (2000). Eksterritorial'naya yurisdiksiya SSHa: doktrina "minimal'nykh kontaktov" [United States Extraterritorial Jurisdiction: The "Minimum Contacts" Doctrine]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], (5), pp. 42–48. (in Russ.).

Dubovizkaja, E.A. (2008). *Evropeiskoe korporativnoe pravo* [European Corporate Law]. 2nd ed. Moscow: Wolters Kluwer. (in Russ.).

Ferlazzo, N.L. and Serranò, M.V. (2007). Il condono fiscale, nei rapporti con lo Statuto del contribuente e con gli aiuti di Stato, alla luce delle conclusioni dell'avvocato generale dell'UE del 25 ottobre 2007. *Bollettino tributario d'informazioni*, (23), pp. 1845–1847. (in It.).

Filatova, V.V. (2017). Osobennosti valyutnogo regulirovaniya stran v usloviyakh chlenstva v EAES [The Characteristic Features of Foreign Exchange Regulation under the Eurasian Economic Union Membership]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs Policy of Russia in the Far East], (2), pp. 92–97. (in Russ.).

Golovko, L.V. (2015). Dva al'ternativnykh napravleniya ugovolnoi politiki po delam ob ekonomicheskikh i finansovykh prestupleniyakh: Crime Control i Doing Business [Two Alternative Directions of Criminal Procedure Policy in Cases on Economic and Financial Crimes: Crime Control and Doing Business]. *Zakon* [Law], (8), pp. 32–45. (in Russ.).

Hilling, M. (2013). Justifications and Proportionality: An Analysis of the ECJ's Assessment of National Rules for the Prevention of Tax Avoidance. *Intertax*, 41(5), pp. 294–307.

Joscelyne, M. and Wentworth-May, M. (2012). The UK's New CFC Regime. [online] Thomson Reuters Practical Law. Available at: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/>; resource id 0–519–8741 [Accessed 22 December 2018].

Khamenushko, I.V. (2013). *Valyutnoe regulirovanie v Rossiiskoi Federatsii: pravila, kontrol', otvetstvennost'* [Currency Regulation in the Russian Federation: The Rules, Control, Responsibility]. Moscow: Norma. (in Russ.).

Khamenushko, I.V. and Romashchenko, L.V. (2018). Liberalizatsiya valyutnogo zakonodatel'stva dlya fizicheskikh lits, prozhivayushchikh za rubezhom [Liberalisation of Currency Legislation for Individuals Living Abroad]. *Nalogoved* [Nalogoved], (3), pp. 81–89. (in Russ.).

Krokhina, Yu.A. (2011). *Finansovoe pravo Rossii* [Financial Law of Russia]. 4th ed. Moscow: Norma; INFRA-M. (in Russ.).

Krokhina, Yu.A. (2015). Amnistiya kapitalov: ponyatie, pravovye osnovy i garantii realizatsii [Capital Amnesty: Concept, Legal Basis and Guarantees of Implementation]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* [Academic Law Journal], (3), pp. 19–24. (in Russ.).

Lukyanets, K. and Polezharova, L. (2016). Deofshorizatsiya rossiiskoi ekonomiki: prognoz nalogovykh postuplenii ot kontroliruemykh inostrannykh kompanii. [De-Offshorization of the Russian Economy: The Forecast of Tax Revenues Received from Controlled Foreign Companies]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 9(3), pp. 128–134. (in Russ.).

Manyakhin, T.V. (2004). Mirovaya praktika valyutnogo regulirovaniya: osnovnye metody i problemy ikh primeneniya [World Practice of Currency Regulation: The Main Methods and Problems of Its Application]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], (25), pp. 66–71. (in Russ.).

Milogolov, N.S. and Pinskaya, M.R. (2014). Pravila nalogooblozheniya kontroliruemyykh inostrannykh kompanii: sravnitel'nyi analiz [Controlled Foreign Companies' Taxation Rules: Comparative Analysis]. *Finansovyi zhurnal* [Financial Journal], (4), pp. 36–46. (in Russ.).

Ovcharova, E.V. (2013). *Finansovyi kontrol' v Rossiiskoi Federatsii* [Financial Control in the Russian Federation]. Moscow: Zertsalo-M. (in Russ.).

Pepelyaev, S.G. ed. (2015). *Nalogovoe pravo* [Tax Law]. Moscow: Alpina Publ. (in Russ.).

Pistone, P. (2014). Coordinating the Actions of Regional and Global Players during the Shift from Bilateralism to Multilateralism in International Tax Law. *World Tax Journal*, 6(1), pp. 3–9.

Rust, A. (2008). CFC Legislation and EC Law. *Intertax*, 36(11), pp. 492–501.

Sadchikov, M.N. (2016). Kontrol' kak kriterii nalogovo-pravovogo statusa kontroliruemoi inostrannoi kompanii [Control as an Element of Tax Status of Controlled Foreign Company]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], (5), pp. 142–146. (in Russ.).

Samarin, A.A. (2015). Pravo i eksterritorial'nost' v usloviyakh globalizatsii [Law and Extraterritoriality in the Light of Globalization]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], (1), pp. 115–124. (in Russ.).

Schmidt, P.K. (2016). Taxation of Controlled Foreign Companies in Context of the OECD/G20 Project on Base Erosion and Profit Shifting as well as the EU Proposal for the Anti-Tax Avoidance Directive — An Interim Nordic Assessment. *Nordic Tax Journal*, (2), pp. 87–112. DOI: 10.1515/ntaxj-2016-0005

Shakhmamet'ev, A.A. (2014). *Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo* [International Tax Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russ.).

Sinel'nikov-Murylev, S.G., Trunin, P.V. and Levashenko, A.D. (2015). Aktual'nye problemy valyutnogo regulirovaniya operatsii fizicheskikh lits v Rossii [Current Problems of Foreign Exchange Regulations of Individuals' Transactions in Russia]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], (12), pp. 3–13. (in Russ.).

Starzhenetskaya, L.I. (2016). *Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya kontroliruemyykh inostrannykh kompanii: opyt zarubezhnykh stran i Rossii* [Legal Regulation of Taxation of Controlled Foreign Companies: The Experience of Foreign Countries and Russia]. The Doctor of Legal Sciences Thesis. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry for Foreign Affairs of Russia. (in Russ.).

Tikhomirova, A.V. (2016). Valyutnye operatsii [Foreign Exchange Transactions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of South Ural State University. Series Law], 16(4), pp. 59–65. (in Russ.). DOI: 10.14529/law160410

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цепова Екатерина Андреевна — Генеральный директор юридической компании «ФармКонсалтинг».

AUTHOR'S INFO:

Ekaterina A. Tsepova — General Director of the Law Firm "PharmConsulting".

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цепова Е.А. Правовое регулирование налоговых и валютно-правовых обязательств физических лиц — собственников имущества за рубежом // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 141–165.

CITATION:

Tsepova, E.A. (2019). Regulation of Tax and Currency Exchange Obligations of Individuals, Owing the Property Abroad. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14 (1), pp. 141–165.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ШТАТИНА

Юридический институт, Российский университет дружбы народов
(РУДН)

117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

E-mail: rudnfinad@yandex.ru

SPIN-код: 1701-7196

ORCID: 0000-0002-2269-1290

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В ИНДИИ

Аннотация. В отличие от других развивающихся стран Индия отказалась от концепции догоняющего развития, и все проводимые административные реформы основывались на идеологии индийской самобытности и внедрении самых перспективных для своего времени научных достижений в сферу государственного управления. Особенность построения государственного аппарата Индии после получения страной независимости заключалась в использовании достижений колониальной гражданской службы и сохранении институтов, способных гарантировать единство государственной власти. В индийской культуре удалось укоренить «живую демократию», поддерживающую традиции плюрализма и основанную на применении метода управления через консенсус и согласование. На первом этапе административных преобразований правительство сумело обеспечить ведущую роль государства в развитии экономики и совершенствование организационных основ государственного управления, в том числе механизмов социально-экономического планирования, создав основы для конституционно-го признания Индии социалистической республикой. Важнейшим инструментом государственного управления стала система лицензирования, распространенная на все сферы экономической деятельности и породившая создание многочисленных государственных инспекций с широкими юрисдикционными полномочиями.

Кризисные явления в экономике в 1990-е гг. и неспособность государства интервенционистскими методами решить социальные проблемы послужили причиной изменения курса развития страны и проведения реформ либерализации 1990–2000-х гг. Правительство отказалось от системы лицензий, отдав предпочтение методам мягкого административно-правового регулирования.

Расширение прав и возможностей децентрализованных органов изменили основные направления деятельности индийской публичной администрации. Национальный институт трансформации Индии обеспечил подготовку реше-

ний по 80 направлениям социально-экономического развития страны при посредничестве всех заинтересованных сторон — должностных лиц Союза, штатов и органов местного самоуправления, общественных организаций и граждан. Либеральные реформы направлены также на демократизацию управления и формирование администрации, ориентированной на граждан. Основное внимание уделяется внедрению инновационных информационных технологий в бизнес и публичное управление.

Ключевые слова: публичная администрация, демократия, методы управления, государство всеобщего благоденствия, новый публичный менеджмент, новое публичное правление, электронное государство

MARINA A. SHTATINA

Law Institute, RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow 117198, Russian Federation

E-mail: rudnfnad@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2269-1290

ADMINISTRATIVE REFORMS IN INDIA

Abstract. Unlike other developing countries, India abandoned the concept of catching-up development, and all its administrative reforms supported the ideology of Indian identity by introducing the most promising scientific achievements in the field of public administration. We identify three stages of administrative reforming in India: 1) the stage of formation of the national public administration; 2) the stage of the state interventional development of the public administration; 3) the stage of liberalization and informatization of the public administration. Since India had received independence, the new state used of the achievements of the colonial civil service and maintained institutions guaranteeing the unity of the state. The Indian government has succeeded in establishing a "living democracy" as the inherent part of Indian culture which supports the traditions of pluralism and is based on the application of rule by consensus and accommodation. Established in 1966, the First Administrative Reforms Commission ensured the leading role of the state in economic development. It improved the organizational foundations of public administration, including the mechanisms of socio-economic planning. The Commission's reports prepared the base for constitutional recognition of India as a socialist republic. The most important instrument of the Union public administration was the licensing system, which extended to all spheres of economic activity and spawned the creation of numerous inspections with broad jurisdictional powers. The economic crisis and the inability of the Union to solve the social problems by interventionist methods — these were the reasons of the liberal reforms of the 1990s — 2000s. The rejection of the license system, the transition to the methods

of soft administrative and legal regulation, the empowerment of decentralized bodies have changed the main areas of activity of the Indian public administration. The National Institute for Transforming India has provided the solutions to the problems in 80 areas of the country's socio-economic development, acting through the mediation of all stakeholders — central, state and local government officials, public organizations and citizens. Liberal reforms are also aimed at democratizing governance and forming a citizen-oriented administration. They are focused on the implementation of innovative e-technologies in business and public administration.

Keywords: public administration, democracy, methods of governance, Welfare State, New Public Management, New Public Governance, E-government

1. Введение

Специалисты не случайно стали говорить о реальных возможностях индийского государства обрести статус сверхдержавы: в последние годы Индия совершила впечатляющий рывок в своем экономическом и технологическом развитии. Успехам способствовали многие факторы, в том числе и проводимые административные реформы.

Следует иметь в виду, что специфика современного индийского государства во многом обусловлена иным по сравнению со странами Европы или Северной Америки отношением к истории и ее измерению. Индия — одна из немногих стран мира, в которых цивилизация не прерывалась в течение нескольких тысячелетий. Поэтому политические горизонты Индии и ныне простираются намного дальше повседневной целесообразности, смыкая практическую рациональность государства с трансцендентным космизмом общества. Эти уникальные особенности определяют подходы к административным реформам и выводят их за рамки сложившихся стереотипов.

Административное реформирование — сложный процесс, который может менять вектор своего развития и требует наряду с определением долгосрочных целей постоянного учета меняющихся социально-экономических условий. Как подчеркивал первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру¹, «администрация не статична; она представляет динамично развивающийся революционный процесс подстройки под изменяющееся время»². Этапы этого

¹ Дж. Неру в 1947–1950 гг. занимал пост премьер-министра Индийского Союза, а после принятия в 1949 г. Конституции Индии с 1950 по 1964 г. — пост премьер-министра Республики Индия.

² Цит. по: *Prasad K. Indian Administration: Politics, Policies and Prospects. New Delhi, 2006. P. 1.*

процесса были связаны с изменением основной направленности деятельности публичной администрации.

Хотя в Индии обычно выделяют две административные реформы (1960–1970-х гг. и 1990–2000 гг.), представляется, что их ход во многом был обусловлен преобразованиями аппарата управления, проведенными после обретения страной независимости. Исходя из этого, последующее изложение базируется на признании трех этапов административных реформ: 1) формирование национального государственного аппарата после освобождения от колониальной зависимости; 2) государственно-интервенционистское развитие публичной администрации; 3) либерализация и информатизация публичного управления.

2. Реформирование колониального аппарата и формирование национального государственного аппарата

Воссоздавая национальное государство после обретения в 1947 г. независимости, индийские лидеры не пошли по пути революционно-радикализма. Поставив цель достижения самостоятельности и самодостаточности страны, они при этом отказались от слома машины косвенного управления, сформированной английскими колонизаторами.

Заняв должность премьер-министра независимой Индии, Дж. Неру провозгласил «построение нового величественного дома свободной Индии»³. «Единственный ключ к решению проблем, стоящих перед миром и перед Индией, — полагал он, — социализм»⁴. Но в то же время он сохранил английскую гражданскую службу, используя ее достижения, и впоследствии стремился усовершенствовать ее традиции.

Дж. Неру смог удержать в стране многих специалистов колониального управленческого аппарата, в том числе высших чиновников колониальной администрации, из которых индийцами были не бо-

³ См.: *Неру Дж.* Свидание с судьбой. Речь в Учредительном собрании 14 августа 1947 г. / Выступления и речи. Пер. с англ. М. Тарховой // Республика Индия. URL: india-history.ru/books/item/f00/s00/z0000012/stm048sh1 (дата обращения: 17.10.2018).

⁴ Цит. по: *Ульяновский Р.А.* Вступительная статья // Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества / Пер. с англ. под ред. Г.Л. Бондаревского и др. В 3 т. Т. 1. М., 1981. С. 13.

лее половины⁵. Были сохранены и институты управления колониального периода, способные гарантировать единство государственной власти, такие, например, как институт окружных коллекторов, наделенных административными и судебными полномочиями (кстати, действующий и в настоящее время). Тем самым обеспечивалась как институциональная, так и кадровая преемственность государственного управления, и Дж. Неру в шутку называл себя последним английским правителем Индии⁶.

Благодаря такой политике удалось довольно быстро сформировать профессионально организованный, подотчетный и, как считают исследователи, политически нейтральный бюрократический аппарат — «одно из главных достижений индийской политической системы»⁷. Он был отнюдь не идеален, в полной мере отражал как достижения, так и провалы государственной политики. Но скорое формирование национального государственного аппарата Индии позволило избежать катастрофической потери управляемости, через что прошли многие государства, освободившиеся от колониальной зависимости.

Правительство Индии стремилось соединить элементы традиционного общества, основанные на моральных принципах, с современными демократическими институтами. В этом отношении оно действовало в соответствии со знаменитой формулой М. Ганди: «Нас погубят — политика без принципов, удовольствие без совести, богатство без работы, знания без характера, бизнес без морали, наука без человечности и молитва без жертвы»⁸.

Дж. Неру был уверен, что состояние административной системы определяется прежде всего поведением ее работников. Принципы равного доступа к государственной службе получили юридическое закрепление, но, поскольку служба в разветвленном и многофункциональном государственном аппарате считалась престижной, на нее претендовали прежде всего представители высших каст. В соответствии с национальными традициями именно они были ответственны за моральное состояние в обществе. (Примечательно, что и ныне кастовые различия полностью не изжиты, и чиновники имеют более высо-

⁵ См.: *Льюс Э.* Без оглядки на богов. Взлет современной Индии / Пер. с англ. Б. Пинскера. М., 2009. С. 27.

⁶ Там же.

⁷ *Subrata K.M.* Politics in India. Structure, Process, and Policy. New Delhi, 2014. P. 121.

⁸ См.: URL: <http://greatwords.org/authors/316/> (дата обращения: 02.02.2019).

кое происхождение, чем политики.) В связи с этим вполне понятным было выдвижение правительством требований самоограничения служащих наряду с требованиями профессионализма.

После обретения независимости удалось укоренить в индийской культуре «живую демократию», поддерживающую традиции плюрализма — те самые традиции, которые в течение столетий помогали стране разрешать сложнейшие конфликты без применения насилия. Основой формирования индийской демократии стал метод управления через консенсус (*rule by consensus*) и согласование (*accommodation*)⁹. Это позволило соединить решение общегосударственных задач с региональной и местной автономией, претворить в жизнь принципы федерализма и территориальной децентрализации. Данный метод, с одной стороны, мотивировал население общим целеполаганием, с другой — требовал от администрации учета социальной многоликости страны и способствовал созданию своеобразного «слабо-сильного государства»¹⁰.

Благодаря управлению через консенсус и согласование премьер-министры Индии и в дальнейшем могли, объединяя противоречивое разнообразие взглядов, удерживать моральное лидерство в стране¹¹, несмотря на то что каждый из них возглавлял лишь одну политическую партию. В связи с этим публичная администрация в Индии стала не только инструментом поддержания конституционного порядка, но и отражением правительственного курса на достижение национального консенсуса.

Страна развивалась, опираясь в том числе на доктрину государства всеобщего благоденствия, которая обосновывала ключевую роль государства в защите и развитии экономического и социального благополучия граждан. С 1951 г. принимались пятилетние планы социально-экономического развития Индии. В 1954 г. в составе секретариата Кабинета¹² был образован отдел организации и методов, решавший организационные вопросы публичного управления. При этом ученые и политики подчеркивали необходимость перехода государства

⁹ См.: *Subrata K.M.* Op. cit. P. 100.

¹⁰ См. об этом: *Rudolph L.A., Rudolph S.H.* In Pursuit of Lakshmi. The Political Economy of the Indian State. Chicago; L., 1987.

¹¹ См. об этом: *Manor J.* Anomie in Indian Politics: Origins and Potential Wider Impact // *Economic and Political Weekly.* 1983. Vol. 18. No. 19/21. P. 725–733.

¹² В Индии воспринята английская модель правительства, при которой главным правительственным органом является Кабинет, в состав которого премьер-министр включает руководителей наиболее значимых министерств.

от принципов патернализма (покровительства по отношению к своим гражданам) к принципам матернализма¹³. Создавался образ правительства, которое должно было не только подобно отцу защищать своих граждан от внешней агрессии, внутренних беспорядков и экономических катаклизмов, но и словно мать заботиться о людях, реально помогая им в решении насущных проблем. Матерналистский подход вышел за пределы западной концепции государства всеобщего благоденствия и стал частью национальной культуры. Стоит ли удивляться, что государство и в настоящее время, несмотря на явное изменение вектора своего развития, кардинальным образом воздействует на каждую сферу общественной жизни?

«Живая демократия» способствовала внедрению функциональной автономии, позволяющей быстрее выявлять и разрешать возникающие проблемы в различных сферах и отраслях общественной жизни. Даже в Конституции Индии предусмотрено создание функциональных децентрализованных органов в форме специальных комиссий, таких как: Финансовая комиссия, решающая вопросы распределения налоговых поступлений между центром и федеральными штатами (ст. 280); Союзная комиссия публичной службы, организующая вступительные экзамены для кандидатов на высшие должности гражданской службы; национальные комиссии по делам женщин, меньшинств, каст, племен (ст. 315–323)¹⁴.

Правительство Дж. Неру учло особенности индийского национального характера с его гибкостью и толерантностью, иррациональностью и практичностью, способностью к обучению и технической изобретательностью. В отличие от многих развивающихся стран оно акцентировало внимание не на ликвидации неграмотности, а посчитало приоритетной подготовку высококвалифицированных кадров. Были образованы пять технических университетов и технологические институты. Причем высшие учебные заведения ориентировались не на развитие сельского хозяйства, как рекомендовали западные консультанты, а на подготовку кадров для индустриализации страны. И хотя меры, предпринимаемые правительством Дж. Неру для созда-

¹³ В отличие от широко используемого термина «патернализм» термин «матернализм», фактически замещающий общепринятое понятие социального государства, встречался автору исключительно в работах индийских ученых, что, как представляется, также отражает специфику индийского подхода к государственности.

¹⁴ См.: India.gov.in. National portal of India. URL: <https://www.india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text> (дата обращения: 07.02.2019).

ния национальной промышленности, получили неоднозначную оценку, благодаря им были сформированы необходимые предпосылки для последующего научно-технологического взлета Индии.

Благодаря еще одной характерной особенности развития индийского общества, заложенной после получения независимости, стало возможным создать условия для проведения последующих реформ. В отличие от многих молодых государств, которые стали развивать свои национальные языки, отказываясь от широкого использования языка бывшей метрополии, Индия провозгласила английский язык одним из государственных языков и обеспечила его преподавание как в школах, так и в университетах. Поскольку английский язык в настоящее время играет роль главного средства международного общения, свободное владение им индийскими гражданами предоставило Индии дополнительные конкурентные преимущества.

Таким образом, становление индийского государственного аппарата после обретения независимости проходило реформаторским, а не революционным путем. Определение и использование основных инструментов общественного развития — решающей роли индийского государства, становления университетского образования и сохранения английского языка как средства межнационального общения внутри страны — определило траекторию долговременного социально-экономического развития Индии.

3. Административные реформы 1960–1970-х гг.: государственно-интервенционистский этап развития публичной администрации

В условиях обострившейся после смерти Дж. Неру политической борьбы требовалось пересмотреть роль публичной администрации, ее структуру и соотношение с политическими институтами.

В 1964 г. в состав Министерства внутренних дел был включен департамент административных реформ, созданный на основе действовавшего в секретариате Кабинета отдела организации и методов. Тем самым задача проведения административных реформ была официально объявлена и организационно обеспечена. В январе 1966 г., когда пост премьер-министра занимал Л.Б. Шастри¹⁵, была образована

¹⁵ Л.Б. Шастри, представлявший Индийский национальный конгресс — партию, созданную Дж. Неру, занимал пост премьер-министра с 9 июня 1964 г. по 11 января 1966 г.

первая Комиссии по административным реформам (*First Administrative Reforms Commission*) во главе с М. Десаи¹⁶. Она объединила 20 исследовательских, 13 рабочих групп и один центр (*Task Force*).

В течение пяти лет¹⁷ Комиссия готовила доклады по организации государственного аппарата и публичному управлению. Первым в 1966 г. был подготовлен доклад о рассмотрении жалоб граждан, а последним — о департаментах по науке в 1970 г. В 20 докладах Комиссии была дана 581 рекомендация по обновлению системы публичной администрации на всех уровнях — центральном, местном и на уровне штатов, в том числе по вопросам организации государственного аппарата, порядка его работы и управления кадрами, по работе с жалобами граждан, взаимоотношениям центральных и региональных органов, по работе администраций штатов и союзных территорий, по механизмам планирования, управлению в сфере экономики и финансов, по вопросам железных дорог, почты и телеграфа. Наиболее важные рекомендации касались структурных изменений центрального правительства, прежде всего департаментов, ответственных за подготовку и реализацию планов и программ развития. Премьер-министру была отведена роль главного координатора и контролера деятельности Кабинета.

В ходе проведения административных реформ удалось прийти к национальному консенсусу в отношении принципиальных вопросов, определяющих вектор социально-экономического развития страны, — ключевой роли государства в обеспечении развития экономики, с одной стороны, и необходимости национального экономического планирования — с другой. Эти характеристики, так же как провозглашенные принципы равенства и социальной справедливости, считались тогда признаками социалистического пути развития¹⁸.

Во время проведения первых административных реформ статус подразделения, ответственного за их реализацию, неоднократно менялся. В 1970 г. департамент административных реформ МВД был пе-

¹⁶ М. Десаи, первоначально один из лидеров Индийского национального конгресса, стал заместителем премьер-министра. Впоследствии в результате разногласий с И. Ганди он возглавил Джаната Парти, занял пост премьер-министра 24 марта 1977 г. и оставался на этом посту до 28 июля 1979 г.

¹⁷ В рассматриваемый период помимо Л.Б. Шастри пост премьер-министра занимали Г. Нанда (11 января 1966 г. — 24 января 1966 г.) и И. Ганди (24 января 1966 г. — 24 марта 1977 г.).

¹⁸ См. об этом: *Raj Sh. Fragmented Responses toward Global Governance: The Indian Context // Indian Journal of Public Administration. 2017. Vol. 63. Iss. 1. P. 67.*

реименован в департамент кадров и административных реформ, который в 1973 г. был выведен из министерского ведения и подчинен секретариату Кабинета, а в 1977 г. возвращен в состав МВД. Однако несмотря на изменения подведомственности, самостоятельное подразделение, обеспечивающее реализацию нововведений, неизменно сохранялось в системе органов исполнительной власти и действовало наряду с первой Комиссией административных реформ.

Доклад об исполнении рекомендаций первой Комиссии был представлен Парламенту Индии в 1977 г. Особое место в нем уделялось социально-экономическим вопросам — программам борьбы с бедностью, безработицей, защите прав женщин и детей. Предусматривалось активное развитие государственного сектора экономики, представленного государственными предприятиями и квазиправительственными автономными институтами.

Социальная направленность деятельности индийского государства получила конституционное закрепление. 3 января 1977 г. вступила в силу 42-я поправка к Конституции, уточнившая, что народ Индии стремится построить не только суверенную светскую демократическую (как указывалось ранее), но и социалистическую республику.

Реформы сделали администрацию основным инструментом и проводником правительственной политики, что в полной мере соответствовало провозглашенному социалистическому курсу. Однако причины очевидной политизации государственного аппарата в Индии не были напрямую связаны с социалистической идеологией. Публичная администрация утрачивала свою политическую нейтральность прежде всего потому, что безраздельно правящая ранее партия Индийский национальный конгресс потеряла свое монопольное господство и к руководству во многих штатах пришли другие политические партии, стремившиеся руководить региональной администрацией.

Государство структурировало и активно направляло социально-экономическую жизнь общества, закрывая отдельные сектора экономики для частного капитала, разрешая производить определенные товары только предприятиям малого бизнеса. Важнейшим инструментом государственного контроля стали лицензии. Была сформирована жесткая система лицензирования, при которой для осуществления практически любой деятельности требовались специальные разрешения от государственных органов, а многочисленные государственные инспекции, наделенные широкими юрисдикционными полномочиями, проводили бесчисленные проверки бизнес-структур. Хотя Индия, несмотря на провозглашение социалистической респу-

блики, никогда не отказывалась от ценностей смешанной экономики, жесткие пути лицензирования сковывали становление и расширение бизнеса. Бывший глава индийского отделения корпорации *Procter & Gambler* Г. Дас отмечал: «За тридцать лет активной жизни в индийском бизнесе я не встретил ни одного чиновника, который бы действительно разбирался в моем деле, но при этом любой из них мог легко его раздавить»¹⁹. Не случайно государственное управление в то время нередко отождествляли с системой «владычества лицензий» (*License Raj*), а исследователи сравнивали Индию с Италией, в которой сложилась поговорка «экономика растет по ночам, когда государство спит»²⁰.

Государство стояло на страже интересов работников и запрещало произвольные увольнения. Трудовое законодательство содержало такие строгие нормы, что увольнение на законных основаниях даже плохо работающего сотрудника оказывалось практически невозможным. Работодатели предпочитали либо мириться с неквалифицированными и ленивыми работниками, либо отказываться от официального оформления трудовых отношений.

Несмотря на многочисленные государственные программы и формирование новых управленческих институтов, решить социально-экономические проблемы не удавалось. Специалисты указывали: всеобъемлющее государственное вмешательство в процессы социально-экономического развития в условиях идеологического господства концепции государства всеобщего благоденствия привело к неэффективности, коррупции и растратам государственных средств²¹. Взаимное доверие общества и государства сменялось отчуждением. Типичным становилось отношение граждан к администраторам как к предпринимателям от государства, которые руководят администрацией для максимального удовлетворения собственных потребностей²².

В 1985 г. на основе департамента кадров и административных реформ было создано самостоятельное министерство, в настоящее время именуемое Министерством кадров, обращений граждан и пенсий (*Ministry of Personnel, Public Grievances and Pensions*). Образование в его

¹⁹ Цит. по: *Льюис Э.* Указ. соч. С. 63.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ См.: *Sharma A.* New Public Management in India: Reinventing Administration // *Indian Journal of Public Administration*. 2008. Vol. 54. Iss. 1. P. 98.

²² См. об этом: *Sharma A.* The Cultural Context of Management // *Indian Journal of Public Administration*. 1982. Vol. 28. Iss. 1. P. 153.

составе департамента административных реформ и обращений граждан подчеркивает отношение правительства к административным реформам как к одному из постоянных направлений государственной деятельности.

4. Административные реформы конца XX в.: либерализация и информатизация публичного управления

Кризис 1991 г., когда резко возросли цены на нефть в результате войны в Персидском заливе, поставил экономику Индии на грань банкротства. Обострились противоречия между жестким государственным регулированием и потребностями смешанной экономики. Правительство объявило об изменении курса развития страны и о переходе к реформам экономической либерализации.

Новый вектор развития Индии отражала популярная в 1980–1990-х гг. и насаждаемая мировыми глобальными институтами триада: либерализация — приватизация — глобализация. Было объявлено, что главной задачей реформ является достижение трех «е»: *efficiency* (результативности), *economy* (экономичности), *effectiveness* (эффективности). Средствами решения этой задачи считались прежде всего улучшение инвестиционного климата, в том числе для иностранного капитала, а также введение предпринимательских механизмов в государственное управление.

Либеральные реформы проводились тогда во многих странах мира и основывались на рекомендациях, разработанных Всемирным банком и МВФ. Но индийские реформаторы не стремились копировать зарубежные образцы, стараясь и в этих условиях учитывать интересы стратегического развития страны.

Почти все отрасли государственного управления открывались для частного бизнеса, а внутренние рынки — для иностранных инвестиций. При этом государство применяло дифференцированный подход к разным сферам и отраслям экономики. Так, прямые иностранные инвестиции не допускались в сектор розничной торговли, хотя именно там они могли обеспечить более быструю отдачу. Создавались специальные экономические зоны, но не для привлечения иностранного капитала, а в целях развития экспортного производства. Основная ставка была сделана на поддержку инноваций, и решающая роль в выведении страны из кризиса отводилась сектору программного обеспечения, а не сырьевой экономике, как в большинстве развивающихся стран.

Реформы считались экономическими, но они затрагивали публичную администрацию, видоизменяя ее функции. В Заявлении Правительства страны о промышленной политике от 24 июля 1991 г. (*Statement of Industrial Policy*) предусматривалась отмена лицензий во всех сферах, кроме сфер безопасности, стратегии развития, окружающей среды и социальных услуг. Во второй половине 1990-х гг. перечень товаров, производство которых резервировалось для малого предпринимательства, был сокращен на 14 позиций. Отменялись обязательные разрешения для расширения осуществляемых проектов и для инвестиций в новые проекты, которые предусматривались ранее Актом о монополиях и ограничительной торговой практике²³. Принятый в 2002 г. Акт о конкуренции²⁴ базировался уже на другой концептуальной основе. Его целью не был тотальный предварительный контроль за предпринимателями через систему лицензий. Он ограничивал антиконкурентное поведение и злоупотребление доминирующим положением²⁵ путем применения текущего и последующего контроля. Таким образом, осуществлялся долгожданный переход «от Индии разрешений к Индии возможностей»²⁶.

Новыми возможностями, открывшимися для предпринимательства, воспользовались прежде всего молодые люди, имевшие хорошее образование и открытые к инновациям. Как отмечал учредитель компании *Infoys* Н. Нилекани, «люди обрели уверенность и достигли звезд, а индийские лидеры стали робкими и нерешительными», у них «наблюдается сильный уклон в сторону слабых реформ»²⁷. Но, возможно, именно эта слабая позиция индийских лидеров позволила раскрыть творческий потенциал индийского народа.

Правительство не отказывалось от государственного регулирования экономики, а искало его новые формы. Наиболее перспективным было признано публично-частное партнерство, которое с точки зрения индийского правительства представляет собой проект, основанный на договоре или концессионном соглашении между прави-

²³ The Monopolies and Restrictive Trade Practices Act, 1969. URL: http://www.mca.gov.in/Ministry/actsbills/pdf/The_Monopolies_and_Restrictive_Trade_Practices_Act_1969.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

²⁴ The Competition Act, 2002. URL: https://www.cci.gov.in/sites/default/files/cci_pdf/competitionact2012.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

²⁵ См.: *Rajan A.* Institutional Dynamics of Governance Reform in India (1991–2016) // *Indian Journal of Public Administration*. 2017. Vol. 63. Iss. 1. P. 41–62.

²⁶ *Raj Sh.* Op. cit. P. 79.

²⁷ *Нилекани Н.* Образ новой Индии: эволюция преобразующих идей / Пер. с англ. О. Дахнова. М., 2010. С. 16.

тельством или государственным органом, с одной стороны, и частной компанией — с другой, о предоставлении платных услуг в определенной сфере²⁸. Государство определило сектора и объекты управления, в отношении которых должно было осуществляться публично-частное партнерство, в том числе дороги и мосты, железные дороги, порты, аэропорты, внутренние водные пути, городской транспорт, водоснабжение. Эти проекты успешно реализовывались.

Следует отметить, что специальных законов о публично-частном партнерстве в Индии нет. Правительство пошло по пути мягкого правового регулирования, и государственные органы принимают руководства и типовые соглашения, имеющие рекомендательный характер. Комитет по поддержке публично-частного партнерства (*Public Private Partnership Approval Committee*), созданный в 2005 г. при департаменте экономических дел Министерства финансов Индии, разрабатывает модельные документы, в которые включает стандарты качества предоставляемых услуг, распределения рисков, гарантий²⁹. Публично-правовое регулирование при этом сохраняется. Так, Высший суд Бомбея подтвердил, что в отношениях публично-частного партнерства концессионер является агентом государства и должен действовать в соответствии с теми принципами и правилами, которые распространяются на государство и его органы, в том числе в соответствии с принципами прозрачности и отсутствия произвола³⁰.

В ходе проведения реформ существенно изменилась роль государства в его взаимоотношениях с обществом. Если в 1950–1980-х гг. государство позиционировало себя как силу, противостоящую рынку, то в 1990-х гг. в качестве спонсора и исполнителя рыночных по своей природе программ оно стало взаимодействовать с рынком. Была провозглашена новая формула этих взаимоотношений: «государство и рынок».

Экономическая либерализация требовала изменения правового положения управленческих структур, что привело к расширению децентрализации и развитию прежде всего одного из ее направлений,

²⁸ См.: Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Scheme and Guidelines for Financial Support to Public Private Partnership in Infrastructure. New Delhi, 2013.

²⁹ Подробнее об этом см.: Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / Под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. М., 2015.

³⁰ См.: Bombay High Court. Judgment of 5 June 2008. Flemingo Duty Free Shop Pvt. Ltd. vs Union of India and Others // URL: <https://indiankanoon.org/doc/1799553/> (дата обращения: 10.02.2019).

так называемого организационного уполномочивания (*organizational empowerment*). Предусматривалось расширение прав и возможностей децентрализованных органов и учреждений. Одновременно с этим уменьшалось число обязательных предписаний и контрольных механизмов, которые используют законодательные органы, центральные министерства и ведомства.

В 1992 г. были приняты 73-я и 74-я поправки к Конституции Индии, закрепившие самостоятельный статус местного управления, а также расширяющие полномочия панчаятов в сельской местности и органов муниципального управления в городах. Правительства штатов обязывались постепенно и последовательно передавать часть своих полномочий на места и ежегодно публиковать доклады о деволуции. Центральные власти должны были оценивать эффективность такого перевода полномочий по 17 установленным показателям³¹.

В 2000 г. премьер-министр Индии назвал важнейшим направлением деятельности государства создание условий для формирования в стране общества, основанного на знаниях. В отчете комиссии по планированию 2001 г. были обозначены главные императивы, способствующие достижению поставленных целей.

Позитивное воздействие реформ на экономическое положение страны стало проявляться сразу же: рост валового национального продукта увеличился с 0,8% в 1991–1992 гг. до 5,3% в 1992–1993 гг. и 6,2% в 1993–1994 гг.³² В ходе реформ 1990-х гг. удалось справиться с дефицитом продовольствия и иностранной валюты, который страна испытывала на протяжении 40–50 лет после обретения независимости³³. Включение сектора информационных технологий в мировую экономику позволило увеличить объем золотовалютных резервов Индии менее чем с 1 млрд долл. в 1991 г. до 140 млрд долл. в 2006 г.³⁴ В 2003 г. доходы индийских программистов превысили затраты страны на импорт нефти³⁵. Примечательно, что результаты экономических реформ оказались не только впечатляющими, но и долговременными. Последние 20 лет Индия по темпам экономического роста уступала только Китаю, а в настоящее время опередила даже Поднебесную.

³¹ Подробнее см.: *Rajan A.* Op. cit. P. 41–43.

³² См.: NITI Aayog. National Institute for Transforming India. URL: niti.gov.in/content/national-statistics (дата обращения: 05.02.2019).

³³ См.: *Льюс Э.* Указ. соч. С. 52.

³⁴ См.: NITI Aayog. National Institute for Transforming India. URL: iti.gov.in/content/national-statistics (дата обращения: 05.02.2019).

³⁵ См.: *Льюс Э.* Указ. соч. С. 46.

Экономические реформы 1990-х гг. были подкреплены административными реформами начала 2000-х гг., направленными на изменение методов государственного управления.

В 2005 г. начала работать вторая Комиссия административных реформ. Она должна была предложить меры для создания на всех уровнях управления активной, ответственной, подотчетной, устойчивой и эффективной публичной администрации. Для этого, в частности, требовалось пересмотреть организационную структуру правительственных органов, решить вопросы этики управления, создать администрацию, ориентированную на граждан, усовершенствовать федеративные отношения и организацию управления на местах, способствовать формированию электронного правительства, ввести в публичное управление механизмы кризис-менеджмента. Администрации предстояло перестроить свои отношения с политиками, судебной системой и средствами массовой информации. Таким образом, нацеленные прежде всего на методы деятельности публичной администрации, либеральные административные реформы, как и все предшествующие им, отличаются всесторонним характером и комплексным подходом³⁶.

При правительстве Индии в соответствии с резолюцией Кабинета министров от 1 января 2015 г. был создан Национальный институт трансформации Индии (*National Institute for Transforming India*; далее — НИТИ). Ему переданы многие вопросы, относившиеся к компетенции Комиссии по планированию, действующей с 1950 г. Согласно принятой концепции кооперативного федерализма важнейшие вопросы, в том числе касающиеся стратегического планирования, должны решаться Союзом по согласованию и с участием субъектов федерации. НИТИ должен организовать исследование фактического положения дел на всей территории страны, обеспечить подготовку решений при посредничестве и с учетом позиций всех заинтересованных сторон — должностных лиц штатов и органов местного самоуправления, общественных организаций и граждан.

Во многих странах административные реформы конца XX — начала XXI в. проводились под лозунгами нового публичного менеджмента (*New Public Management*), предполагающего ограничение роли государства и переход к методам управления, свойственным бизнесу. Неизбежное при таком подходе построение модели пассивной потре-

³⁶ См. об этом, например: *Bhagal C.L., Kumar Y. Public Administration. New Delhi, 2005. P. 240–241.*

бительской идентификации³⁷ не устроило Индию, и она ранее других государств стала связывать свои либеральные административные реформы с другой концепцией — нового публичного правления (*New Public Governance*), ориентированного не только на либерализацию, но и на демократизацию управления.

Важным направлением административных реформ стало формирование администрации, ориентированной на граждан (*Citizen Centric Administration*). Это предусматривало, в частности, последовательное расширение административной автономии по вопросам определения объема и вида оказываемых услуг населению, в то время как процедура их предоставления выстраивалась по единым стандартам. Департамент административных реформ и обращений граждан в 2018 г. должен был разработать Закон о предоставлении публичных услуг (*A Central Public Service Delivery Act*).

В 2005 г. был принят Закон о праве на информацию³⁸, затрагивающий деятельность центральных, региональных и местных органов, а также получателей правительственных грантов. Он существенно расширил права граждан на получение информации, установив правило: граждане не обязаны определять свой статус в отношении запрашиваемой информации. Причем если информация касается коррупции или нарушения прав человека, то нормы Закона распространяются даже на организации, связанные с государственной безопасностью и разведкой.

В Индии восприняты и закреплены в национальном законодательстве цели устойчивого развития, утвержденные ООН в 2015 г. на период 2016—2030 гг.³⁹ В настоящее время с помощью НИТИ разработаны программы по 80 направлениям государственного управления: от обеспечения законности и развития местного самоуправления до решения вопросов молодежи. Самая подробная и объемная программа подготовлена по сложнейшей для страны проблеме социальных меньшинств.

Образование остается приоритетным направлением развития общества. Если количество колледжей в стране относительно стабильно (700 в 2010—2011 гг. и 721 в 2015—2016 гг.), то число универ-

³⁷ См.: *Steger M.B.* Globalization: A Very Short Introduction. Oxford, 2003.

³⁸ См.: Right to Information Act No. 22 of 2005 // The Gazette of India Extraordinary. Part II. Section 1. 2005. No. 25. P. 1—23.

³⁹ См.: Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 07.02.2019).

ситетов в последние годы заметно выросло — с 621 в 2010–2011 гг. до 799 в 2015–2016 гг.⁴⁰ В 2015–2016 гг. в Индии насчитывалось 126 451 доктор философии и 1 818 443 аспиранта, а высшее образование имели около 35 млн 585 тыс. человек⁴¹. В настоящее время индийские университеты ежегодно выпускают около 1 млн технических специалистов, больше, чем в США и странах Европы. Научно-технический потенциал Индии к концу XX в. оценивался как третий в мире и уступал лишь потенциалу США и Японии⁴². В отличие от многих развивающихся стран, входящих в мировую систему разделения труда через сырьевую экономику, Индия представляет на глобализирующийся рынок продукцию высоких технологий, а ее компании конкурентоспособны прежде всего благодаря использованию инженерных знаний и навыков, необходимых для производства передовой высокотехнологичной продукции. Но при этом в стране самое большое количество взрослых неграмотных граждан — 287 млн человек (37% взрослого неграмотного населения в мире)⁴³.

В мировом рейтинге учреждений высшего образования *Times Higher Education World University Ranking 2016–2017* шесть вузов Индии входят в 500 лучших в мире (для сравнения: в Китае таких вузов 11, в России — восемь)⁴⁴. Вице-президент Индии считает эти показатели неудовлетворительными и ставит задачу в ближайшие годы значительно повысить качество подготовки студентов за счет предоставления большей автономии образовательным учреждениям и большей академической свободы преподавателям.

В сфере коммуникаций правительство планирует, в частности, обеспечить деревни мобильной спутниковой связью, а все панчаяты — оптико-волоконной связью. Перед Министерством панчаятов поставлена задача оказывать помощь в подготовке и реализации проектов развития штатов и местных образований, в том числе определять конкретные цели, результаты, общие направления, точные сроки исполнения конкретных мер по осуществлению проектов социально-

⁴⁰ См.: NITI Aayog. National Institute for Transforming India. URL: niti.gov.in/writereaddata/files/NumberofUniversities.xlsx (дата обращения: 26.11.2018).

⁴¹ См.: NITI Aayog. National Institute for Transforming India. URL: niti.gov.in/writereaddata/files/EnrollmentbyLevel.xlsx (дата обращения: 26.11.2018).

⁴² См. об этом: *Гринин Л.* Модели развития Китая и Индии // Государственная служба. 2013. № 2. С. 87–90; *Rudolph L.A., Rudolph S.H.* Op. cit. P. 10.

⁴³ См.: *Rai Sh.* Op. cit.

⁴⁴ См.: The World University Ranking. URL: www.timeshighereducation.com (дата обращения: 08.02.2019).

экономического развития. В рамках этих параметров штаты могут самостоятельно разрабатывать проекты развития, лишь консультируясь с министрами центрального правительства.

Новые технологии внедряются и в сферу юстиции. Министерство права и юстиции работает по трем основным направлениям реформирования: обеспечение компьютеризации судебной системы; реформирование административных трибуналов; переход к электронному нотариату. Так, компьютеризация судебной деятельности осуществляется поэтапно: в течение двух лет проводится компьютеризация Судебной академии, в течение трех лет электронные технологии внедряются в судебную деятельность, а в течение четырех лет — в систему предоставления услуг. Программа реформирования административных трибуналов — квазисудебных органов административной юстиции — предполагает сокращение числа административных трибуналов с 36 до 17 и создание специального министерства для контроля за ними. Разработка этой программы и подготовка соответствующего доклада доверена Индийскому институту права (*Indian Law Institute*).

По вопросам создания лучших условий для бизнеса ставится задача способствовать созданию крупных компаний, которые могли бы занимать ведущие позиции в глобальной экономике. В июне 2015 г. НИТИ создал рабочую группу для проведения соответствующих исследований и разработки методологии осуществления указанного проекта, в которую были включены высокопоставленные должностные лица и эксперты. Рабочая группа изучила деятельность более 3 тыс. компаний, расположенных во всех штатах и почти на всех союзных территориях, причем проведенные исследования превосходили по своей глубине и охвату аналогичные исследования Всемирного банка. Полученные данные были переработаны таким образом, чтобы можно было провести сравнение с аналогичными показателями развития экономики в других странах мира, прежде всего в Китае.

В меморандуме, принятом в 2016 г. по результатам исследования условий ведения бизнеса, сформулированы предложения по упрощению административных процедур в сфере предпринимательской деятельности и созданию работоспособных эффективных экономических систем. Было выявлено, что наибольшие потери от контроля и давления со стороны государства испытывают крупные компании, поэтому индийцы сознательно не расширяют свою деятельность, сохраняя таким образом более комфортные условия для бизнеса. Не случайно поэтому в 2013–2014 гг. в несельскохозяйственном секторе Индии на 98,6% предприятий трудилось в среднем не более 10 человек.

НИТИ разработал предложения по снижению государственного давления на бизнес в целом и крупный бизнес в особенности.

Если многие государства, проводившие либеральные реформы, поддерживали насаждаемую глобализацией доктрину институциональной конвергенции и создавали органы с одинаковыми по всему миру названиями и функциями, то Индия придерживалась собственного курса. Правительство, отказавшись от государственного дирижизма, тем не менее стремилось сохранить национальную самобытность. Дистанцируясь от методов авторитарного управления, которые применяла Индира Ганди, новые лидеры поддерживали ее подход в выборе критериев и инструментов развития: «Сила нации заключается в том, что она может сделать сама по себе, а не в том, что она может позаимствовать у других»⁴⁵.

В целях реализации административных реформ была создана во многом уникальная и сохраняющая импульс к дальнейшему развитию система органов публичной администрации. Она сочетает традиционные министерства и подчиненные им ведомства с органами функциональной и территориальной децентрализации, обеспечивает концентрацию стратегического управления в руках государственных органов и передачу многих функций текущего управления неправительственным организациям и бизнесу.

На федеральном уровне действует разветвленный и весьма громоздкий государственный аппарат, что в настоящее время встречается нечасто. Тенденции укрупнения министерств, столь характерные для современного этапа развития, проявляются в Индии своеобразно, в нетипичных для других государств формах.

По-прежнему считая поддержку национальной промышленности государственной задачей, правительство сохранило союзные экономические министерства, созданные по отраслевому принципу: министерства химической промышленности и удобрений, горной промышленности, текстильной промышленности. Перед ними поставлены задачи модернизации и перехода на новые технологии. Министерства, образованные в социальной сфере, ориентированы на решение как общесоциальных проблем (например, Министерство труда и занятости, Министерство по развитию человеческих ресурсов), так и проблем, касающихся определенных социальных групп (министерства по делам племен, меньшинств, женщин и развитию детей). Мно-

⁴⁵ «Железная леди» Индии: 25 цитат Индиры Ганди // Вокруг света. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/282340/> (дата обращения: 02.02.2019).

гие министерства, такие как Министерство сельского хозяйства и благосостояния фермеров, наряду с решением экономических проблем обязаны откликаться на социальные вызовы и решать проблемы определенных групп населения⁴⁶.

Действующая система министерств вполне могла бы оцениваться как устаревшая, не использующая современных научных достижений, если бы не несколько обстоятельств. Во-первых, наряду с традиционными отраслевыми министерствами успешно функционируют органы, нацеленные на стратегическое развитие и обеспечивающие инновации, такие как Министерство электроники и информационных технологий. Во-вторых, внедрению новейших информационных и управленческих технологий отдается беспспорный приоритет, и нововведениями в соответствующих сферах и отраслях управления занимаются все министерства. В-третьих, при разработке системы министерств руководители страны не только решают вопросы управленческой эффективности, но и стараются сочетать их с задачами обеспечения политического плюрализма и возможностями достижения консенсуса по самым сложным проблемам. В результате в системе центральных органов исполнительной власти, как и повсюду в Индии, наблюдается поразительный сплав традиционных и революционно-новаторских методов, форм и инструментов общественного развития.

В настоящее время активно обсуждаются последствия либеральных административных реформ. Сначала был очевиден один отрицательный результат новой политики — недостаточное участие граждан в осуществляемых проектах. Затем стали проявляться многие другие неоднозначные социальные последствия либерализации.

В ходе реформирования изменилась структура занятости населения: увеличивается число самозанятых, временных работников и лиц, работающих на дому. Они фактически оказались незащищенными либо недостаточно защищенными нормами трудового законодательства. Неформальный сектор экономики разрастается, уходит от государственного контроля, но именно он обслуживает многие процессы глобализации и нередко становится основой для роста индийской экономики. Если высококвалифицированные граждане поддерживают изменения и являются двигателем «революции молодых», то нехватка рабочих мест для низкоквалифицированных работников, составляю-

⁴⁶ Сведения о действующей системе федеральных министерств в Индии см.: India.gov.in. National Portal of India. URL: <https://www.india.gov.in/my-government/government-directory/union-government> (дата обращения: 12.02.2019).

ших большинство трудоспособного населения, становится серьезной проблемой национального масштаба.

Утверждениям противников реформ, что «общественное благо оказалось принесено в жертву экономическому росту»⁴⁷, противостоят прежде всего статистические данные: уровень бедности в стране снизился с 47% в 1990-х гг. до 21% в 2011–2012 гг.⁴⁸ Реформы продолжаются, и правительство маневрирует между экономической эффективностью и социальной справедливостью, сохраняя государственную ответственность за обеспечение социальных прав граждан. Гарантирование прав на образование, на информацию, на получение публичных услуг, как и ранее, считается не только юридической обязанностью, но и моральным обязательством властей.

5. Заключение

Современные достижения Индии — отнюдь не случайный результат стечения благоприятных обстоятельств. Они подготовлены всем ходом постколониального развития страны, когда принципиальные решения руководителей государства ориентировались прежде всего на перспективу, а не на сиюминутные потребности элиты. Административные реформы и готовились, и проводились как стратегические по своей сути, содержанию и методам реализации. Они предreshали принципиальные вопросы развития публичной администрации на несколько десятилетий вперед.

Все административные реформы, проводившиеся в Индии, отличаются многогранным и всеобъемлющим характером. Они не только способствовали исправлению недостатков функционирующей публичной администрации и перестраивали систему государственного управления согласно текущим потребностям и новым требованиям, но и, будучи направленными на социальную и экономическую трансформацию общества, оказывали непосредственное воздействие на формирование политического курса развития страны.

В отличие от других развивающихся стран Индия отказалась от концепции догоняющего развития, и все ее административные ре-

⁴⁷ См. об этом: *Волкова А.В.* Особенности формирования политико-административных институтов развития в современной Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 3. С. 37–45.

⁴⁸ См.: NITI Aayog. National Institute for Transforming India. URL: niti.gov.in/writereaddata/files/ (дата обращения: 26.11.2018).

формы основывались на идеологии индийской самобытности, внедряя самые перспективные для своего времени научные достижения в сферу государственного управления.

Индия не случайно считается в дипломатических кругах страной *status quo* — тысячелетняя мудрость индийского народа не допускает опасных разломов, опрокидывающих в одночасье уклад жизни всего общества. Постепенность изменений при последовательном их внедрении заметно выделяет Индию среди развивающихся стран и позволяет избежать кампанейщины при проведении административных преобразований, столь свойственной многим государствам. О современной публичной администрации в Индии в полной мере можно сказать, что она настолько же стара, насколько и нова — так парадоксально, но в целом успешно сочетаются в ней управленческие традиции и новации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волкова А.В. Особенности формирования политико-административных институтов развития в современной Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 3. С. 37–45.

Гринин Л. Модели развития Китая и Индии // Государственная служба. 2013. № 2. С. 87–90.

Льюс Э. Без оглядки на богов. Взлет современной Индии / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010.

Нилекани Н. Образ новой Индии: эволюция преобразующих идей / Пер. с англ. О. Дахнова. М.: Альпина Паблишер, 2010.

Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / Под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой. М.: Инфотропик Медиа, 2015.

Ульяновский Р.А. Вступительная статья // Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества / Пер. с англ. Н. Тер-Акопян. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1989.

Baghel C.L., Kumar Y. Public Administration. New Delhi: Kanishka Publishers, 2005.

Manor J. Anomie in Indian Politics: Origins and Potential Wider Impact // Economic and Political Weekly. 1983. Vol. 18. No. 19/21. P. 725–734.

Prasad K. Indian Administration: Politics, Policies and Prospects. Delhi: Pearson Longman, 2006.

Rai Sh. Fragmented Responses toward Global Governance: The Indian Context // Indian Journal of Public Administration. 2017. Vol. 63. Iss. 1. P. 63–84. DOI: 10.1177/0019556117689849

Rajan A. Institutional Dynamics of Governance Reform in India (1991–2016) // *Indian Journal of Public Administration*. 2017. Vol. 63. Iss. 1. P. 41–62. DOI: 10.1177/0019556116689765

Rudolph L.I., Rudolph S.H. In Pursuit of Lakshmi. The Political Economy of the Indian State. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987.

Sharma A. New Public Management in India: Reinventing Administration // *Indian Journal of Public Administration*. 2008. Vol. 54. Iss. 1. P. 91–111. DOI: 10.1177/0019556120080107

Sharma A. The Cultural Context of Management // *Indian Journal of Public Administration*. 1982. Vol. 28. Iss. 1. P. 145–156. DOI: 10.1177/0019556119820110

Steger M.B. Globalization: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Subrata K.M. Politics in India. Structure, Process, and Policy. New Delhi: Oxford University Press, 2014.

REFERENCES

Baghel, C.L. and Kumar, Y. (2005). *Public Administration*. New Delhi: Kanishka Publ.

Grinin, L. (2013). Modeli razvitiya Kitaya i Indii [Development Model of China and India]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], (2), pp. 87–90. (in Russ.).

Luce, E. (2010). *In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India*. New York: Knopf Doubleday Pub. [Russ. ed: Luce, E. (2010). *Bez ogyadki na bogov. Vzlet sovremennoi Indii*. Translated from English by B. Pinsker. Moscow: IRISEN; Mysl'].]

Manor, J. (1983). Anomie in Indian Politics: Origins and Potential Wider Impact. *Economic and Political Weekly*, 18(19/21), pp. 725–734.

Nilekani, N. (2009). *Imagining India: The Idea of a Renewed Nation*. New York: Penguin Press. [Russ. ed.: Nilekani, N. (2010). *Obraz novoi Indii: evolyutsiya preobrazuyushchikh idei*. Translated from English by O. Dakhnov. Moscow: Alpina Publ.].]

Popondopulo, F. and Sheveleva, N.A. ed. (2015). *Publichno-chastnoe partnerstvo v Rossii i zarubezhnykh stranakh: pravovye aspekty* [Public-Private Partnership in Russia and Foreign Countries: Legal Aspects]. Moscow: Infotropik Media. (in Russ.).

Prasad, K. (2006). *Indian Administration: Politics, Policies and Prospects*. Delhi: Pearson Longman.

Rai, Sh. (2017). Fragmented Responses toward Global Governance: The Indian Context. *Indian Journal of Public Administration*, 63(1), pp. 63–84. DOI: 10.1177/0019556117689849

Rajan, A. (2017). Institutional Dynamics of Governance Reform in India (1991–2016). *Indian Journal of Public Administration*, 63(1), pp. 41–62. DOI: 10.1177/0019556116689765

Rudolph, L.I. and Rudolph, S.H. (1987). *In pursuit of Lakshmi. The Political Economy of the Indian State*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Sharma, A. (1982). The Cultural Context of Management. *Indian Journal of Public Administration*, 28(1), pp. 145–156. DOI: 10.1177/0019556119820110

Sharma, A. (2008). New Public Management in India: Reinventing Administration. *Indian Journal of Public Administration*, 54(1), pp. 91–111. DOI: 10.1177/0019556120080107

Steger, M.B. (2003). *Globalization: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Subrata, K.M. (2014). *Politics in India. Structure, Process, and Policy*. New Delhi: Oxford University Press.

Ul'yanovskii, R.A. (1989). Vstupitel'naya stat'ya [Introductory Article]. In: Nehru, J. *Vzglyad na vsemirnyuyu istoriyu. Pis'ma k docheri iz tyur'my, sodержashchie svobodnoe izlozhenie istorii dlya yunoshestva. V 3 t.* [Glimpses of World History: Being Further Letters to His Daughter Written in Prison, and Containing a Rambling Account of History for Young People. In Three Volumes]. Translated from English by N. Ter-Akopyan. Volume 1. Moscow: Progress. (in Russ.).

Volkova, A.V. (2015). Osobennosti formirovaniya politiko-administrativnykh institutov razvitiya v sovremennoi Indii [The Features of Formation of Political and Administrative Development Institutions of Modern India]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political Science. International Relations], (3), pp. 37–45. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Штатина Марина Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов.

AUTHOR'S INFO

Marina A. Shtatina — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Administrative and Financial Law Department, Law Institute, RUDN University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Штатина М.А. Административные реформы в Индии // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 166–190.

CITATION:

Shtatina, M.A. (2019). Administrative Reforms in India. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 166–190.

ПЕРСОНАЛИИ

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЛЯКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 7–9
E-mail: a.polyakov@spbu.ru
SPIN-код: 9899-2464
ORCID: 0000-0001-9254-5806

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ТИМОШИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 7–9
E-mail: e.timoshina@spbu.ru
SPIN-код: 5983-0917
ORCID: 0000-0002-2948-4825

«ПУТЬ К ИСТИНЕ В НАУКЕ — КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС»: ЮБИЛЕЙ ДЖЕНЕВРЫ ИГОРЕВНЫ ЛУКОВСКОЙ

ANDREY V. POLYAKOV

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034,
Russian Federation
E-mail: a.polyakov@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-9254-5806

ELENA V. TIMOSHINA

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034,
Russian Federation
E-mail: e.timoshina@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2948-4825

"THE PATH TO TRUTH IN SCIENCE IS A COMMUNICATIVE PROCESS": ANNIVERSARY OF PROFESSOR D.I. LUKOVSKAYA

14 марта 2019 г. отмечает юбилей Дженевра Игоревна Луковская — профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, известный специалист в области истории правовых и политических учений и теории прав человека.

Вынесенные в заголовок слова Дженевры Игоревны были написаны в далеком 1985 г. в ее «докторской» монографии «Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект»¹, без преувеличения новаторской работе, в которой была представлена новая для России методология юридической науки как части современного гуманистического знания.

Как известно, «книги имеют свою судьбу», и судьба этой книги на первый взгляд не была особенно счастливой. Однако обоснованные в ней идеи, не оцененные в полной мере при ее выходе в свет, сегодня, по прошествии более 30 лет, не стали банальностью и со временем не только не утратили своего значения, но приобрели еще более актуальное звучание. Они во многом определяют методологию и стиль научных исследований, проводимых на кафедре теории и истории государства и права СПбГУ, подтверждая тем самым правоту слов автора книги: «Знание вообще сохраняется только тогда, когда оно постоянно включается в процесс производства и воспроизводства как самой общественной жизни, так и ее познания... Запечатленное в текстах знание, если его понимать в духе попперовского третьего мира, неминуемо оказывается мертвым»². Такое преемственное воспроизводство знания и методов его получения, интеллектуальных практик и стиля мышления, стоящих за ними этических позиций, наверное, и позволяет говорить о существовании научной школы.

Разработанный в этой книге применительно к науке истории политических и правовых учений *метод интерпретации* как основной метод исследования истории идей оказывается имеющим гораздо более универсальное значение. По сути, он позволяет понимать «судьбы человеческого знания, само его включение в историко-коммуникативный процесс, актуализацию в разные времена тех или иных его смысловых граней»³, т.е. рассматривать знание в контексте культуры, которая, как подчеркивает автор, есть «категория ценностная»⁴. Уже

¹ Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л., 1985. С. 130.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 83.

здесь Дженовра Игоревна дистанцируется от различного рода инструменталистских подходов как к праву, так и к культуре в целом, замечая, что «чисто инструменталистские концепции культуры противоречат ее ценностной природе»⁵.

Центральной категорией теории интерпретации выступает *смысл* (значение): «Когда и кем, в чьих интересах и с какими познавательными целями ни были бы созданы политические и правовые учения прошлого, — пишет Дженовра Игоревна, — научное познание этих учений невозможно без интерпретации их смысла... Категория “смысл” (значение)... является первичной, исходной в построении специально-научной теории науки истории политических и правовых учений»⁶. Объектом интерпретации выступают *тексты*, которые Д.И. Луковская вслед за М.М. Бахтиным рассматривает в качестве первичной реальности гуманитарных наук, подчеркивая, что по отношению к познающему субъекту они в качестве особого рода текстуальных фактов обладают онтологичностью⁷. Дженовра Игоревна разделяет идею М.М. Бахтина о том, что предметом гуманитарных наук является «выразительное и *говорящее* бытие», которое «никогда не совпадает с самим собой и поэтому неисчерпаемо в своем смысле и значении»⁸.

Однако смысл не дается исследователю в готовом виде, он не является результатом простого «отражения» текстуального факта в сознании интерпретатора. Гуманитарное знание рассматривается Дженоврой Игоревной как знание глубоко личностное, ценностное, всецело определяемое познавательной и творческой активностью человека — субъекта интерпретационной деятельности как субъекта культуры и носителя ценностей. «Социально значимые ценности, — отмечает автор книги, — выступают меркой, критерием как целей интерпретируемой деятельности, так и характера соответствующих оценочных процедур. [...] Познание... всегда включает оценку, соотношенную уже на уровне методологического, предпосылочного знания с определенными социальными... ценностями»⁹. Именно поэтому гуманитарное знание, частью которого является знание юридическое, всегда выражает «ценностное культурно-философское самосознание» субъек-

⁵ Луковская Д.И. Указ. соч. С. 85.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 139.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 124.

та¹⁰, а собственно теория интерпретации — «культурное самосознание субъекта науки истории политических и правовых учений»¹¹.

Эта методологическая позиция Дженеvры Игоревны — одна из многих причин ее неизменно критического отношения к юридическому позитивизму, который, ориентируясь на «формальную рассудочность», если и обратился к идее права, то лишь для ««безыдейного» описания и комментирования догмы права»¹². Подчеркивая мировоззренческую общность юридического и философского позитивизма, автор отмечает: «...Агностически оценивая возможность познания сущности права, т.е. “освобождая” право от его собственной идеи (философски осмысленной сущности), юридический позитивизм... склонялся к пассивной созерцательности, мнимой нейтральности»¹³. В основе этого «диагноза» лежит убежденность Дженеvры Игоревны в том, что любая методологическая позиция имеет не только онтологический, но и мировоззренческий эффект, ведь «познание и оценка — неразрывные стороны единого процесса проникновения в объект познания», а «оценочная активность субъекта заложена в самой природе теоретической деятельности»¹⁴.

В трактовке автора книги гуманитарное знание предстает также и как знание предпосылочное и контекстуальное. Это связано с тем, что, по мнению ученого, «мы не в состоянии, даже в предельной абстракции, “сбросить” с себя собственную историчность, дистанцироваться от нее. Разум нельзя “очистить” от традиций и преемственных связей, с тем чтобы судить “абсолютно” непредубежденно о вещах и процессах, идеях и учениях разных эпох, в том числе о собственном мышлении...»¹⁵. Однако именно вследствие историчности своего мышления интерпретатор способен осуществить «декодирование контекстов замысла и смысла»¹⁶. Наконец, замечает Дженеvра Игоревна, «история любой области знания неразрывно связана с ее специфическим языком. [...] Очевидно, что на языке Конфуция и конфуцианства, проблемы права звучат существенно иначе, чем на языке Т. Джефферсона и И. Канта»¹⁷.

¹⁰ Луковская Д.И. Указ. соч. С. 23.

¹¹ Там же. С. 138.

¹² Там же. С. 25–26.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 132.

¹⁶ Там же. С. 142.

¹⁷ Там же. С. 143–144.

Сам метод интерпретации имеет диалогическую, коммуникативную природу и предстает как «метод вопросов и ответов»¹⁸. «Интерпретатор так или иначе, но всегда “беседует” с автором интерпретируемой теории, — пишет Дженева Игоревна. — Создается... ситуация исторического “диалога” как трансляционной связи в специфических... субъект-субъектных отношениях»¹⁹. Вместе с тем слово «диалог» в данной ситуации в известном смысле метафорично, «ведь спрашивает и отвечает одно лицо — интерпретатор», а потому «спора, полемики тут нет и быть не может» — «за интерпретируемого мыслителя “говорят” лишь тексты». И все же, полагает автор, это диалог, потому что тексты «отвечают» исследователю. Вероятно, обобщая личный опыт исследователя истории правовых идей, Дженева Игоревна пишет об условиях, при соблюдении которых появляется «возможность правильно задать вопрос прошлому» — «чтобы беседа состоялась, нужно осуществить рефлексивное вхождение в материал, овладеть им, “вовлечь” себя в этот воображаемый диалог со стоящим “за” текстом мыслителем, достичь “взаимопонимания” с ним»²⁰.

Одним из таких важных условий правильной постановки вопросов и возможности получения «ответов» является соблюдение в процессе интерпретации определенных этических принципов, например, «доверие к источникам информации, исключаящее надменную снисходительность к прошлому»²¹. Уважение к наследию и личности исследуемого мыслителя — еще один отстаиваемый автором этический принцип, позволяющий избегать превращения идей прошлого в некое средство для достижения собственных целей интерпретатора или использования их в качестве простых «предвосхищений» его мысли. По мнению Дженева Игоревны, это всегда «чревато превращением интерпретационной модели в реминисценции лишь “на тему”, например Канта и кантианства, Гегеля и гегельянства и т.п.». Подобного рода «экранизации», полагает она, науке как таковой противопоказаны. Ее личная рекомендация состоит в том, что «на протяжении всего исследования нельзя забывать о живой личности мыслителя, чьей “персональной унией” всегда скрепляются, сводятся воедино многообразные элементы, части, аспекты учения»²².

¹⁸ Луковская Д.И. Указ. соч. С. 138.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ Там же. С. 130–131.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 149.

Таким образом, интерпретация как метод познания, как путь к истине представляет собой коммуникативный процесс: выявление актуального смысла правовых идей прошлого происходит в «пространстве» современного научного диалога, опосредуемого текстами мыслителей прошлого и их последующих интерпретаторов. Искомый в процессе познания смысл — это «ответ, который несут политические и правовые учения прошлого на проблемы, волнующие как их современников и восприимчивиков, так и субъектов интерпретации»²³. Как подчеркивает Дженевера Игоревна, завершающая процесс интерпретации «разработка оригинально-творческой интерпретационной концепции (теоретической модели) учения... должна... вносить вклад в современную науку о государстве и праве»²⁴.

То, что процесс интерпретации имеет предпосылочный и контекстуальный характер, определяющий выбор исследовательской гипотезы и отбор текстуальных «фактов», не лишает интерпретатора научной объективности, а полученные им результаты — познавательной значимости²⁵. Дженевера Игоревна никогда не разделяла позицию эпистемологического релятивизма, освобождающую ученого от ответственности за результаты своего интеллектуального труда: «Признание множественности относительно истинных интерпретаций... плодотворно для науки лишь в том случае, если оно одновременно исключает существование “многих истин”. Тезис о “плюрализме истин”, — подчеркивает она, — препятствует развитию науки, ведет к релятивизму, агностицизму и в конечном счете к эпистемологическому анархизму... (П. Файерабенд)»²⁶. Вместе с тем, по убеждению Дженеверы Игоревны, многообразие интерпретационных концепций является «нормальным» научным явлением, «ведь основу непреходящего интереса к идейно-теоретическому наследию прошлого как раз и составляет возможность его иных интерпретаций». Так называемые вечные проблемы философии права «не просто повторяются, буквально воспроизводятся, а как бы заново “прочитываются”, понимаются под другим углом зрения». В результате же «плоскооднозначного понимания смысла учений прошлого пропадает живой интерес к ним»²⁷.

²³ Луковская Д.И. Указ. соч. С. 121.

²⁴ Там же. С. 147.

²⁵ Там же. С. 124.

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ Там же. С. 128.

После этой книги, заложившей основы теории интерпретации, профессором Луковской было написано много интереснейших работ — по методологии юридической науки, истории правовой мысли, теории прав человека. Однако какой бы теме они ни были посвящены, в центре исследований Дженеvры Игоревны всегда была личность — автора, интерпретатора, человека как субъекта фундаментальных прав. Права человека, свобода и человеческое достоинство — основные доминанты ее научных исследований последнего времени. Однако уже в своей «докторской» монографии, посвященной, казалось бы, сугубо методологическим вопросам, Дженеvра Игоревна не упускает возможности подчеркнуть, что «во всех общественных науках “точкой отсчета” оказывается человек в его предметно-специфической деятельности»²⁸, а его главным — собственно человеческим — свойством является свобода. В стесненных идеологических обстоятельствах того времени, когда была написана книга, Дженеvра Игоревна находит возможность говорить о «законе свободы» (кантовском категорическом императиве): он является таковым постольку, поскольку «морально-правовое (свободное) начало человеческой природы есть ее сущностная... характеристика»²⁹. Отстаивая свободу как величайшую ценность подлинно человеческого бытия, Дженеvра Игоревна всегда деликатно относилась к свободе другого человека, предоставляя ему возможность сделать собственный свободный выбор, никогда не навязывая свою трактовку и свое понимание того, что концептуально ей наиболее близко.

Судьба книги Дженеvры Игоревны, пожалуй, сложилась счастливо, если спустя более 30 лет после ее выхода в свет мы возвращаемся к ней и она помогает нам понять и почувствовать принадлежность к определенному кругу идей и признательность за то, что однажды, благодаря Дженеvре Игоревне, мы вошли в этот круг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985.

REFERENCES

Lukovskaya, D.I. (1985). *Politicheskie i pravovye ucheniya: istoriko-teoreticheskii aspekt* [Political and Legal Doctrines: The Historical and Theoretical Aspect]. Leningrad: Leningradskii universitet Publ.

²⁸ Луковская Д.И. Указ. соч. С. 28.

²⁹ Там же. С. 23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Поляков Андрей Васильевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

Тимошина Елена Владимировна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

AUTHORS' INFO:

Andrey V. Polyakov — Doctor of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Saint Petersburg State University.

Elena V. Timoshina — Doctor of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Saint Petersburg State University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Поляков А.В., Тимошина Е.В. «Путь к истине в науке — коммуникативный процесс»: юбилей Дженевры Игоревны Луковской // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 191–198.

CITATION:

Polyakov, A.V. and Timoshina, E.V. (2019). "The Path to Truth in Science is a Communicative Process": Anniversary of Professor D.I. Lukovskaya. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14 (1), pp. 191–198.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ АНТОНОВ

Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Санкт-Петербургский филиал)

198099, Российская Федерация, Санкт-Петербург,

ул. Промышленная, д. 17

E-mail: mantonov@hse.ru

SPIN-код: 4586-3170

ORCID: 0000-0002-6462-2664

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. 240 p.

Аннотация. Монография профессора права Ноттингемского университета К.С. Черчеля «О юриспруденции государственного коммунизма: право и неудача революции», вышедшая в 2018 г., отличается от книг и статей, написанных в первые годы после падения социалистических режимов в странах Центральной Европы, когда интеллектуалы этих стран восторженно принимали западные идеалы, кляня недавнее социалистическое прошлое и его идеологическое наследие. К.С. Черчель пытается переосмыслить историю авторитаризма в Румынии, своей родной стране, обращаясь к изучению питавшей его формально-юридической идеологии. Идеи советского правоведения кардинальным образом не отличались от дискурса о праве, характерного для эпохи модерна, — в перспективе этих идей формальная и процедурная определенность правил (режим законности) противостоит содержательной правомерности исключений из действия правил во имя некоторых «высших начал». Такие «высшие начала», обуславливающие легитимность закона, по-разному формулировались в западном и коммунистическом правовых дискурсах, но оба они, тем не менее, были основаны на этой дуалистической парадигме понимания права.

Анализ межвоенных философско-правовых идей К.С. Черчель помещает в достаточно интересную перспективу психоанализа, доказывая, что все теоретические попытки объяснения права через его соотношение с государством были своего рода психологической защитой классической юридической мысли от революционных потрясений первых десятилетий XX в., психологическим

механизмом замещения и вытеснения из сознания тех социальных фактов, которые подрывали сами основы этой мысли и демонстрировали триумф политического насилия над юридическим порядком. Анализ послевоенного правового и государственного строительства в Румынии, демонстрирует, как широкие дискреционные полномочия позволяли создавать систематические исключения из действия правил во имя народа, страны и государства, что оказалось весьма полезно для набравшего силу авторитаризму.

Ключевые слова: коммунистическая теория права, режим законности, правило и исключение, марксизм, юридический формализм, идеология

MIKHAIL V. ANTONOV

School of Law, Higher School of Economics National Research University,
Campus in Saint Petersburg

17, Promyshlennaya str., Saint Petersburg 198099, Russian Federation

E-mail: mantonov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6462-2664

REVIEW

Cercel, C.S. (2018). *Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution*. London: Routledge. 240 pp.

Abstract. The present essay is a review of the 2018 book by Professor Cosmin Cercel *Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution*. In reviewer's opinion, this book is a good contrast to the books and articles written in the first post-Soviet years in the Central European countries, when the intellectuals glorified the Western ideals and condemned the socialist past of their countries and the ideological legacy of the communist regimes. The focal point of the book under review is to rethink the history of authoritarianism in Romania through analyzing the formalist legal ideology that was utilized by communist regimes for their purposes. In author's opinion, the ideas of Soviet jurisprudence do not significantly differ from the bourgeois discourse about law that characterizes the modernity. In the perspective of this discourse, the formal and procedural autonomy of legal rules (the regime of legality) is opposed to the substantial exceptions from these rules which are justified with references to higher values. These latter underpin the legitimacy of the laws. There were different versions of postulation of such values in the Western and in the communist legal theories, but all these versions are equally based on the same dualist paradigm of legal thinking.

The author contextualizes this analysis of the legal philosophy of the interwar period within a broader perspective of psychoanalysis. In his opinion, all the

theoretical attempts to understand law through its connection with the state represented a kind of psychological defense of the classical jurisprudence against the revolutionary changes of the first decades of the XX century. These attempts are considered by the author as a function of psychoanalytical replacement and ousting of the historical facts from legal mentality, as far as these facts undermined the legal rationality and demonstrated the triumph of political violence over legal order. This semantic background was important for legal and political changes in the postwar Romania after 1945 — the wide discretionary powers of the regime were justified with reference to the principle of exception which allows avoidance of rules in the name of people, country or state. This theoretical construction was largely utilized by the authoritarian regime which did not invent anything new but just followed the theoretical paths protracted in the interwar legal philosophy and theory.

Keywords: Communist theory of law, regime of legality, rule and exception, Marxism, legal formalism, ideology

Профессор права Ноттингемского университета К.С. Черчель в своей монографии «О юриспруденции государственного коммунизма: право и неудача революции», вышедшей в 2018 г., рассматривает влияние политико-правовых доктрин на формирование государственного социализма и ту роль, которую в этом процессе сыграли сформулированные в марксистско-ленинской философии представления о государстве и праве. В работе представлены рассуждения о «способности права управлять, ограничивать и изменять пути революций, а также о том, как политическая субъективность может стать жертвой языка, семантической значимости и истории права» (с. 1). Автор показывает, что благодаря своей внутренней нормативной логике право успешно сопротивлялось политическим экспериментам и антиформалистской идеологии большевиков и их последователей, смогло защитить свою формальную автономию от идеологии революционной целесообразности и способствовало изменению политических практик и идеологий.

Опыт государственного коммунизма рассматривается как ценный пример силы нормативности права — той силы, которая, по мнению автора, привела к «развенчанию революции и к ее отступлению под защиту государственного аппарата и форм, выработанных в величественной и монументальной истории права» (с. 202). Это сопротивление права («логика идей») заставило социалистические режимы опереться — вопреки изначальным установкам на вытеснение права и замену его общественной моралью — на идеи юридического формализма и этатизма, которые создавали более благоприятную почву для утверждения новой институциональной среды и порядка властво-

вания, чем дискурс ортодоксального марксизма. В этом ракурсе автор формулирует интересный философско-правовой ответ на вопрос о дуализме советского права (его нормативной и прерогативной сторон), который в течение многих десятилетий обсуждался западными специалистами по советскому праву (эта дискуссия не завершена и сегодня)¹.

Причиной возврата к правовой нормативности явилась не только процедурная автономия права как регулятивного механизма, но и легитимирующие свойства семантики права, которые позволяют эффективно обосновать отношения власти и подчинения через их преемственность с прошлым и фиксацию политических идеалов (идеологий) в общезначимой и общеобязательной форме. Такие свойства правовой нормативности объясняют институциональную устойчивость права к революционным лозунгам марксизма, изначально направленным на устранение из социальной жизни нормативности, опосредующей символическое насилие, и тем самым на эмансипацию человека от условий, определяющих его отчуждение от его родовой сущности.

В качестве объекта исследования К.С. Черчель выбрал развитие коммунистической теории права (этот термин автор вслед за Г. Кельзенем наиболее часто использует в своих рассуждениях) после Октябрьской революции, а также практическое применение и соответствующие трансформации этих идей в Румынии после Второй мировой войны. Ключом к объяснению данных трансформаций для автора служит динамика интеллектуальных представлений, которые лежали в основе политических экспериментов коммунистов. Эта динамика была двоякой. С одной стороны, представления о праве менялись под влиянием политических процессов, но с другой — правовые идеи и понятия сами оказывали серьезное влияние на то, как формировались авторитарные режимы и какие конституционные формы они принимали. Влияние правовых идей на понимание государственного суверенитета и его пределов, на объяснение взаимосвязи принуждения, идеологии и ценностей в социальном регулировании можно проследить через эволюцию марксистской философии, которая претерпела значительные изменения с момента ее возникновения в XIX в., когда она была критически настроена к существующим по-

¹ См., например: *Hendley K. Varieties of Legal Dualism: Making Sense of the Role of Law in Contemporary Russia // Wisconsin International Law Journal. 2011. Vol. 29. Iss. 2. P. 233–262.*

рядкам, и до середины XX в., когда она, наоборот, встала на защиту консервативных принципов.

Рецензируемая работа отличается от книг и статей, написанных в первые годы после падения социалистических режимов в странах Центральной Европы, когда интеллектуалы этих стран восторженно принимали западные идеалы, кляня недавнее социалистическое прошлое и его идеологическое наследие. К.С. Черчель пытается переосмыслить историю авторитаризма в Румынии — своей Родине, обращаясь к изучению питавшей авторитаризм формально-юридической идеологии и ставя своей задачей «проблематизировать наше настоящее путем осмысления прошлого» (с. 1). Критикуя антикоммунистическую политику памяти центральноевропейских стран, автор предостерегает против «смещения права, политики и морали для апологии нашего настоящего» (с. 204) и решительно отвергает «аполлоническую мечту» (с. 17) противопоставления коммунизма, выступающего в качестве парадигмального примера противоправного, нелегитимного строя, и либерализма, который по умолчанию рассматривается как образец легитимного правопорядка, «светлое начало» в политической теологии.

К.С. Черчель исходит из «понимания права как обособленно-практического поля, обладающего относительной автономией» (с. 203). Такой подход поднимает вопрос о применении к коммунистическому праву логики «правила» и «исключения» К. Шмитта, которая отражает сущность права как «символической структуры, расположенной между уровнями нормативности и фактической силы» (с. 6). Следуя В. Беньямину² и Дж. Агамбену³, автор исходит из свойственного для понимания права в эпоху модерна конфликта между текстом и социальными силами, который обуславливает внутреннюю противоправность (*inner lawlessness*) законности (противопоставляемой праву) в западной правовой традиции (с. 7). В этом ракурсе, как считает К.С. Черчель, идеи советского правоведения кардинально не отличались от дискурса о праве, характерного для эпохи модерна, — в перспективе этих идей формальная и процедурная определенность правил

² См.: Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Frankfurt am Main, 1965. S. 29–66. Сокращенный перевод на русский язык см.: Беньямин В. К критике насилия / Пер. с нем. И.М. Чубарова // Культиватор. 2011. № 1. С. 114–126.

³ См.: Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М., 2011; *он же*. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / Пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М., 2011.

(режим законности) противостоит содержательной правомерности исключений из действия правил во имя «высших начал». Эти высшие начала, обуславливающие легитимность закона, по-разному формулировались в западном и коммунистическом правовых дискурсах, но оба они, тем не менее, были основаны на этой дуалистической парадигме понимания права.

В качестве основного методологического инструмента К.С. Черчель использует психоаналитическое исследование коллективной памяти в духе философии Ж. Лакана для понимания того, как «право артикулируется в систему символов и в символическую практику» (с. 8).

Монография состоит из семи глав, в которых автор, двигаясь от абстрактного к конкретному, пытается установить варианты взаимосвязи между философскими дискурсами марксизма-ленинизма о праве, идеологическими постулатами коммунистических режимов, с одной стороны, и фактическими практиками правотворчества и правоприменения — с другой.

В первой главе К.С. Черчель рассматривает «межвоенный конституционный этос» (с. 38), уделяя особое внимание идеям Г. Кельзена и К. Шмитта, противопоставляя их методологическое обоснование нормативности и децизионизма. Кельзеновскую попытку обосновать единство государства и права К.С. Черчель интерпретирует как запрет легитимации государственной власти за пределами норм, что ведет к требованию безусловного ограничения государственной деятельности правовыми рамками. Напротив, политическая теология К. Шмитта предполагала отрицание правовых ограничений государственной власти, поскольку эта власть есть суверенная инстанция, утверждающая себя вне каких-либо правовых рамок.

Данные межвоенные философско-правовые идеи автор помещает в достаточно интересную перспективу психоанализа, доказывая, что все эти теоретические попытки объяснения права через его соотношение с государством были своего рода психологической защитой классической юридической мысли от революционных потрясений первых десятилетий XX в., психологическим механизмом замещения и вытеснения тех исторических фактов, которые подрывали сами основы этой мысли и демонстрировали триумф политического насилия над юридическим порядком (с. 44). Эти новые теоретические построения, пишет К.С. Черчель, «были частью очень конкретной, обремененной последствиями дискурсивной ситуации, в которой оказалось право, преодолевшее установленные пределы юридической мысли и, что еще более интересно, преодолевшее культурные пределы того, что мы до нас-

тоящего времени небесспорно обозначаем термином “Западная Европа”» (с. 42).

Такую же теоретическую перспективу автор находит в идеях К. Маркса, которые рассматриваются во второй главе. В работе обращается особое внимание на истоки Марксова понимания права. Эти истоки анализируются через призму его статей в «Рейнской газете» (1842 г.) с критикой законодательства рейнского ландтага о воровстве леса, где К. Маркс встает на защиту естественно-правовых представлений о праве всех пользоваться дарами природы для выживания против законодательного искажения этих представлений имущими классами со ссылками на категорию собственности. К.С. Черчель прослеживает те же самые базовые посылки (справедливость как исторически изменчивая, но краеугольная для социальной философии категория, конкретные правовые формы которой обусловлены классовой борьбой и экономическим базисом) в критике К. Марксом гегелевского описания государства как воплощенного этического и рационального порядка, а затем в его рассуждениях об отчуждении человека от своей родовой сущности и о путях эмансипации человека, возврате человеку его свободы.

На данных примерах К.С. Черчель пытается показать, что для К. Маркса, как и для многих его современников, было важно развенчать претензии права на автономию, разрушить «юридическое мировоззрение», которое воспринимает права и обязанности вне их связи с конкретным социально-экономическим и политическим соотношением сил. В философии К. Маркса акцентируется дуализм двух аспектов права: с одной стороны, право понималось К. Марксом как реальное явление, определяемое экономической структурой и движением материальных сил общества, с другой — оно суть идеологическое искажение существующих фактических отношений. Это противоречие, по мнению К.С. Черчеля, «оказалось краеугольным для последующих теоретических ошибок и злоупотреблений законностью в коммунистическом контексте» (с. 67).

В третьей главе рассматривается комплекс представлений о праве, который сложился в Советской России после Октябрьской революции 1917 г. Интерпретация советскими правоведами рассуждений К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата в «Манифесте коммунистической партии»⁴ обнаруживала двоякое понимание революционного

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 419–459.

права — и как инструмента разрушения старого порядка, и как формы легитимации, институционализации нового строя (с. 74). Такая теоретическая перспектива отчасти объясняет парадокс Октябрьской революции, которая началась с мечты об уничтожении государства (создании условий для его «выветривания») и других механизмов классового господства, но привела в сталинский период к одной из наиболее жесточайших форм государственного насилия в истории.

К.С. Черчель справедливо подмечает, что философско-правовые построения европейских мыслителей того времени «вращаются вокруг одного особого юридического вопроса о соотношении между чисто нормативным элементом права и том насилии, которое поддерживает или уничтожает этот элемент» (с. 95–96). В идеях В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и Е.Б. Пашуканиса К.С. Черчель находит ту же самую антинормативную направленность, которая характерна для представления К. Шмитта о внеправовой власти суверена и критики В. Беньямином правового насилия, и то же самое противоречие, что было свойственно марксистскому пониманию права. В качестве примера смысловой близости правовых идей той эпохи приводится дискуссия К. Каутского и Л.Д. Троцкого о правиле (принципы права) и исключении из правила (революционная целесообразность), которая через несколько лет была актуализирована в иных терминах в споре между Г. Кельзенем и К. Шмиттом. Поразительное сходство К.С. Черчель обнаруживает между описанием государства как фактически неограниченной суверенной власти, деятельность которой основана на принципе целесообразности, в «Политической теологии» К. Шмитта⁵ и «Общей теории права и марксизме» Е.Б. Пашуканиса⁶.

«Государство и революция» В.И. Ленина⁷ — еще один пример теоретического мышления, где ярко проступает противоречие между идеологическим содержанием понятий «государство» и «право», и их использованием для осмысления условий и пределов диктатуры пролетариата. Это противоречие выражается, в частности, в понимании В.И. Лениным пролетарского государства и революционного права

⁵ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Ю. Коринца, А. Филиппова. М., 2000. С. 7–98.

⁶ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 32–181.

⁷ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М., 1969. С. 1–120.

как институтов, призванных уничтожить самих себя при окончательном торжестве социализма, но без которых невозможно добиться этого торжества. К.С. Черчель удачно подмечает причину этой загадочной диалектики в марксистско-ленинской философии: «Юридические понятия не только передают особое мировоззрение, но и несут в себе семантическую нагрузку, которую трудно выразить в радикально новом контексте диктатуры, не изменяя при этом изначальные намерения и цели диктатуры» (с. 88).

В четвертой главе К.С. Черчель обращается к правовой теории, развитой А.Я. Вышинским и его сторонниками в годы сталинского режима. Эта теория означала решительный отказ от революционной идеологии разрушения правовой формы. Свойственный для теории А.Я. Вышинского формалистский стиль правового мышления смещал акцент с рассмотрения права как эпифеномена экономических отношений и идеологической надстройки над этими отношениями к пониманию права как формализованного механизма управления обществом. В рамках такого формалистского мышления предполагалось, что право имеет свою автономную нормативную сферу, независимую от идеологии, экономики и иных социальных явлений, и благодаря этому может служить инструментом для построения нового общественного строя. Государство рассматривалось Сталиным и другими апологетами новой теории как универсальная сила; оно сосредоточивает в своих руках всю мощь класса-победителя (пролетариата) и призвано, после полного достижения целей революции, уничтожить себя самого через свое максимальное усиление. Этот теоретический ход позволял преодолеть характерное для марксистской философии и коммунистической идеологии первых послереволюционных лет противоречие между утверждением о классовом характере права и государства и потребностью в правовом регулировании в социалистическом обществе, в котором классовая борьба предполагалась завершенной.

К.С. Черчель подробно разбирает философские основания сталинской идеи относительно того, что после победы над классовыми врагами право уже не должно выражать классовый интерес и представлять собой ту или иную идеологию; социалистическое право предполагалось способным напрямую отражать реалии нового социалистического общества. Тем самым марксистско-ленинская теория права возвращалась к дореволюционной позитивистской теории права и создавала методологическую опору для характерной для сталинизма апологии государства (с. 119). К.С. Черчель метафорически ха-

рактирует советское право после такого возврата к юридическому формализму как «живого мертвеца»: в правовой форме возвращается то, что должно было умереть, и согласно ортодоксальной марксистско-ленинской идеологии умерло в годы революции — право в смысле государственно-организованного принуждения.

Рассматривая сталинские чистки и террор конца 1930-х гг., К.С. Черчель приходит к выводу, что эти процессы отражали «теоретическую суть права» (с. 110). Здесь он очевидно смешивает две разные «суть» права — нормативную и идеологическую. Применительно к социалистическому праву вполне можно говорить о том, что его идеологической сущностью было разделение на своих и врагов (победивший класс и враждебные ему классы), предполагавшее преследование и уничтожение последних. Соответствовали ли эти практики нормативным формулировкам 1930-х гг., в которых отчетливо проступал принцип равенства перед законом? Как представляется, К.С. Черчель напрасно ищет основу массового террора в специфике формально-юридических представлений, которые могли использоваться для легитимации террора.

Неаккуратное использование слов автором создает впечатление, что возвращение советской юриспруденции к дореволюционному формализму для него имеет некую необходимую связь с внеправовыми расправами сталинского режима с «врагами народа» (с. 114). Метафора «живого мертвеца» развивается в дальнейшем сравнением с обрядом погребения, нарушение которого вызывает мертвеца в этот мир (с. 119–120). К.С. Черчель полагает, что поскольку позитивистские представления о праве и государстве не были надлежаще «похоронены» в марксистско-ленинской теории права в послереволюционные годы, они явились в 1930-х гг. как призраки, мстящие своим «теоретическим убийцам» (вроде Е.Б. Пашуканиса). Но эти метафоры кажутся недостаточными для доказательства принципиальной несовместимости нормативного (формалистского) понимания права с марксистско-ленинским учением о революции и диктатуре пролетариата, с одной стороны, и для предположения о смысловой связи между юридическим формализмом и легитимацией государственного принуждения — с другой.

В этой связи вызывает сомнение уверенность К.С. Черчеля в том, что «разрыв с формализмом, который до настоящего времени влияет на наше понимание права, является необходимой предпосылкой для аутентичного изучения прошлого» (с. 204). Приводимые автором примеры внеправовых сталинских репрессий и послевоенного

государственного строительства в Румынии основывались не только на юридическом формализме — как правило, они опирались на иные идеологические и теоретические представления. В качестве примера таких представлений можно упомянуть классовую теорию права П.И. Стучки или теорию пролетарского права Д.И. Курского, которые имели антиформалистскую направленность. К.С. Черчель не упоминает и психолого-правовые представления М.А. Рейснера и других разработчиков теории революционного правосознания, которая также носила ярко выраженный антинормативный характер. Эти представления о классовом праве и правосознании гораздо лучше подходили для апологии внеправовых расправ, чем юридический формализм. Но данный аспект развития советской теории права автор, к сожалению, оставил без комментариев.

Изложенные в первых четырех главах рассуждения подготовили почву для анализа того сложного комплекса интеллектуальных представлений, которые были вызваны перенесением коммунистического дискурса в политическую и правовую жизнь стран Центральной Европы после Второй мировой войны. Эти представления, с одной стороны, содержали в себе антагонистические начала (призыв к преодолению права в новых социальных формациях и призыв к соблюдению права для упрочения завоеваний революции; противостояние революции и реакции в смысле идеологического отторжения старого строя и его фактического продолжения, и проч.) и, с другой — сочетались с взглядами на нормативность права, развитыми в центральноевропейских странах в первой половине XX в. в ином контексте, чем тот сложный и противоречивый дискурс о праве, который мог быть заимствован из советского правоведения. Все это объясняет, по мнению К.С. Черчеля, метаморфозы послевоенного преобразования в центральноевропейских странах и различие избранных ими путей построения социализма.

Скрытое противоречие между коммунистическим дискурсом о праве и юридическими воззрениями, сформировавшимися в довоенный период, изучается применительно к Румынии в последующих (с пятой по седьмую) главах рецензируемой книги. К.С. Черчель помещает развитие правового мышления в контекст довоенного усиления авторитаризма и национализма, что было присуще Румынии, Венгрии и многим другим центрально- и восточноевропейским странам. Он полагает, что характерный для послевоенной Румынии синтез коммунистической идеологии и формалистской правовой теории был не столько результатом установления советской гегемонии, сколь-

ко продолжением довоенного развития идей, в рамках которых в качестве необходимого атрибута прав и обязанностей зачастую мыслилось используемое по усмотрению властных субъектов исключение для обеспечения социальной солидарности. Это развитие идей отражало такие исключительные методы властвования, как введение военного или чрезвычайного положения, что было обычным явлением в довоенной Румынии, либо военную диктатуру, установленную в 1940 г. маршалом И. Антонеску. Поэтому переход этого региона под гегемонию сталинского СССР в послевоенные годы лишь продолжил уже сложившуюся там тенденцию интеллектуально-правового развития: центральноевропейская «история рецепции юридических идей имела свои истоки в довоенные годы, хотя к ним потом добавились теоретико-правовые и идеологические конструкции, свойственные сталинизму» (с. 124).

В пятой главе монографии автор показывает, что базовые юридические представления в Румынии в межвоенный период основывались на идеологии национального единства и солидарности; утверждение этих идей часто подразумевало имплицитное введение в правовое регулирование исключений по национальному, политическому или иным признакам. Правовая терминология постепенно наполнилась такими расплывчатыми понятиями, как «меры безопасности», «защита общества», «социальный порядок» и проч., которые предоставляли органам власти широкую дискрецию в определении прав и обязанностей субъектов. Такой семантический фон послужил основой для послевоенного правового и государственного строительства в Румынии, где широкие дискреционные полномочия позволяли создавать систематические исключения из действия правил во имя народа, страны и государства, что оказалось весьма полезным для набравшего силу авторитаризма.

В шестой и седьмой главах работы К.С. Черчель обращается непосредственно к послевоенному политическому и правовому развитию Румынии. Шестая глава посвящена тем трансформациям, которые произошли в первые годы советской власти в Румынии. Рассматривая политико-правовую аргументацию в послевоенных судебных процессах против врагов нового режима (прежде всего в процессе против И. Антонеску и его соратников) и сравнивая эту аргументацию с обоснованием предпринятых в те годы конституционных преобразований и реформ в сфере уголовного права, автор приходит к выводу о своеобразии понимания символической роли права и принципа законности. Румынское прочтение принципа со-

циалистической законности, по его мнению, отличалось от тех позитивистских формулировок, которые этот принцип получил в советской юриспруденции. Законность в Румынии понималась как символический предел для государственного принуждения, а само право предстало как «государственная правда», которая потенциально обосновывала любое принуждение со ссылкой на логику исторического развития национального государства, в том числе и за пределами закона, что создавало основу для теоретического противопоставления законности и правомерности в контексте дихотомии правила и исключения. В этом смысле К.С. Черчель утверждает, что коммунистическое правительство в первые годы своего владения использовало символические практики, основой которых был «язык права, усиленный связью с прошлым» (с. 166). Это означало «сохранение законов с их символическим содержанием, хотя бы эти законы и применялись в согласии с гибкой идеологией, подконтрольной партии» (с. 172).

В седьмой главе автор исследует постепенное «выветривание» советской правовой идеологии из социалистической Румынии. В годы правления Н. Чаушеску акцент все чаще делался на утверждение румынской национальной идентичности через правовые нормы, что, в частности, проявилось в ходе проведенной в 1965 г. конституционной реформы. Особое внимание в этой главе уделяется проблематике социализации собственности, что было центральным элементом господствующей идеологии. После национализации средств производства они стали государственной собственностью и использовались под контролем административного аппарата государства, хоть формально и были провозглашены народным достоянием. С этим обстоятельством автор связывает значение права для легитимирующих идеологических дискурсов того времени, в рамках которых праву приписывалась нормирующая функция, а само право при этом понималось исключительно как право государства.

Идеология столь резко расходилась с реальностью, что на практике не могла быть для нее руководящим началом, тогда как правовые нормы позволяли сделать социальную действительность управляемой и контролируемой, сохраняя при этом процедурную и символическую автономию права и не требуя особых идеологических усилий для убеждения населения в необходимости повиновения ему. Такой синтез правовых норм с идеологией национальной идентичности означал фактическое стирание границ между политическим и юридическим, облегчил становление авторитарного режима в Румынии и обеспечил

его легитимную связь с прошлым, сдерживая и ограничивая идеологическое и политическое влияние СССР.

К.С. Черчель завершает свою работу описанием обстоятельств краха режима Чаушеску, находя в них следы борьбы идей, приведших режим к внутренним противоречиям и тем самым к утрате легитимности как в формально-юридическом, так и в идеологическом аспектах.

В рецензируемой работе представлено осмысление теоретического правового наследия Румынии периода государственного социализма. Читатель также найдет много интересных идей и интригующих сопоставлений применительно к анализу философских оснований коммунистической теории права. В этом отношении монография является значительным вкладом в изучение истории развития представлений о праве и государстве, сформировавшихся в XX в. в Восточной Европе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агамбен Дж. Номо Сакер. Суверенная власть и голая жизнь / Пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова. М.: Издательство «Европа», 2011.

Агамбен Дж. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / Пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Издательство «Европа», 2011.

Беньямин В. К критике насилия / Пер. с нем. И.М. Чубарова // Культиватор. 2011. № 1. С. 114–126.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 1–120.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.

Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 32–181.

Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Ю. Коринца, А. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 7–98.

Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1965.

Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. DOI: 10.4324/9781315544113

Hendley K. Varieties of Legal Dualism: Making Sense of the Role of Law in Contemporary Russia // Wisconsin International Law Journal. 2011. Vol. 29. Iss. 2. P. 233–262.

REFERENCES

Agamben, G. (1995). *Il potere sovrano e la nuda vita. Homo Sacer*. Torino: Giulio Einaudi editore. (in It.). [Russ. ed.: Agamben, G. (2011). *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Translated from Italian by I. Levina, O. Dubitskaya, P. Sokolov, M. Velizhev and S. Kozlov. Moscow: Evropa Publ.].

Agamben, G. (2003). *State di eccezione. Homo Sacer*. Torino: Bollati Borighieri. (in It.). [Russ. ed.: Agamben, G. (2011). *Homo Sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo Sacer. State of Exception]. Translated from Italian by M. Velizhev, I. Levina, O. Dubitskaya and P. Sokolov. Moscow: Evropa Publ.].

Benjamin, W. (1965). *Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. (in Germ.). [Russ. ed.: Benjamin, W. (2011). *K kritike nasiliya* [Toward the Critique of Violence]. Translated from German by I.M. Chubarov. *Kul'tivator* [Cultivator], (1), pp. 114–126].

Cercel, C.S. (2018). *Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315544113

Hendley, K. (2011). Varieties of Legal Dualism: Making Sense of the Role of Law in Contemporary Russia. *Wisconsin International Law Journal*, 29(2), pp. 233–262.

Lenin, V.I. (1969). Gosudarstvo i revolyutsiya [State and Revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. 5th ed. Volume 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 1–120. (in Russ.).

Marx, K. and Engels, F. (1848). *Manifest der Kommunistischen Partei*. London: Gedruckt in der Office der “Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter” von J.E. Burghard. (in Germ.). [Russ. ed.: Marx, K. and Engels, F. (1955). *Manifest kommunisticheskoi partii* [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. and Engels, F. *Sochineniya* [Collected Works]. 2nd ed. Volume 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 419–459].

Pashukanis, E.B. (1980). Obshchaya teoriya prava i marksizm [Toward a General Theory of Law and Marxism]. In: Pashukanis, E.B. *Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva* [Selected Writings on the General Theory of Law and State]. Moscow: Nauka, pp. 32–181. (in Russ.).

Schmitt, C. (1922). *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München: Duncker und Humblot. (in Germ.). [Russ. ed.: Schmitt, C. (2000). *Politicheskaya teologiya*. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [Political Theology. Four Chapters on the Concept of Sovereignty]. In: Schmitt, C. *Politicheskaya teologiya. Sbornik*. [Political Theology. Collected Papers]. Translated from German by Yu. Korinets and A. Filippov. Moscow: “Kanon-press-Ts”, pp. 7–98].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

AUTHOR'S INFO:

Mikhail V. Antonov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, School of Law, Higher School of Economics National Research University, Campus in Saint Petersburg.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Антонов М.В. Рецензия на монографию: Cercel C.S. Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge, 2018. 240 p. // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 199–214.

FOR CITATION:

Antonov, M.V. (2018). Review: Cercel, C.S. (2018). Towards a Jurisprudence of State Communism. Law and the Failure of Revolution. London: Routledge. 240 pp. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 199–214.

АНТОН БОРИСОВИЧ ДИДИКИН

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: abdidikin@bk.ru
SPIN-код: 4897-4450
ORCID: 0000-0003-0808-8900

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЛЯЕВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: yurist84@inbox.ru
SPIN-код: 6307-4238
ORCID: 0000-0002-7498-5231

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Philosophical Foundations of Law and Neuroscience / Ed. by D. Patterson, M.S. Pardo. Oxford: Oxford University Press, 2016. 272 pp.

Аннотация. Коллективная монография под редакцией М. Пардо и Д. Паттерсона посвящена осмыслению научных проблем, возникающих при применении результатов нейронаучных исследований в сфере права. Авторы обсуждают вопросы изменения понятийного аппарата юриспруденции в результате теоретического «вторжения» в нее нейронаук, показывая, что правовой инструментарий неизбежно будет меняться в случае восприятия нейронаучных выводов.

Повышенное внимание представителей социальных наук к исследованиям головного мозга, проводимым физиологами, психологами и невропатологами, обозначилось в два-три последних десятилетия и было вызвано в первую очередь технологическим прогрессом. Поскольку стало возможным наблюдать за активностью мозга в режиме реального времени, не обращаясь к хирургическому вмешательству, у многих психологов и философов возникла гипотеза о необходимой и однозначной связи поведения (макроуровень) и нейронных, т.е. клеточных, механизмов (микроуровень). Сообразно этой гипотезе начинают складываться такие дисциплины, как нейромаркетинг, нейрокультурология и нейроэтика, каждая из которых фокусируется на поисках физического причинно-следственного объяснения той или иной деятельности.

В рамках данной тенденции находится и нейроюриспруденция. Потенциально любое правовое понятие и любая правовая проблема могут входить в круг интересов этой новой дисциплины. Однако главная проблема заключена не в ее предмете, очертить который пока довольно трудно, а в методе. В качестве базового допущения, делающего для юристов доказательными все нейропсихологические

выводы, фигурирует редукционистская установка, согласно которой формирование определенных качеств на макроуровне (личность) может быть сведено к изменениям на микроуровне (клеточные структуры мозга). Это, однако, приводит к утрате многими правовыми категориями собственного значения. Так, категория свободы воли в случае признания субъекта права запрограммированным и подчиненности его поведения физическим законам превращается в фикцию, что влечет за собой невозможность применения юридической ответственности. Политика государства в части превентивных мер по предупреждению правонарушений становится малоэффективной, если волевой характер морального выбора отсутствует.

В рецензируемой монографии анализируются нейронаучные вызовы в контексте развития отраслевых юридических наук, включая уголовное право и криминологию, представлены социокультурные и морально-этические последствия проводимых нейронаучных исследований, в которых правовое поведение субъекта связывают с функционированием различных участков головного мозга. В работе широко представлены доводы относительно невозможности сведения юридически значимого поведения человека к его психической и мозговой деятельности, что делает ее интересной и полезной для юристов.

Ключевые слова: нейронаука, эксперимент, теория права, ответственность, свобода воли, юридически значимое поведение, правонарушение

ANTON B. DIDIKIN

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: abdidikin@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0808-8900

MAXIM A. BELYAEV

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: yurist84@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-7498-5231

REVIEW

Patterson, D. and Pardo, M.S., eds. (2016). *Philosophical Foundations of Law and Neuroscience*. Oxford: Oxford University Press. 272 pp.

Abstract. The collaborative monograph edited by M.S. Pardo and D. Patterson is dedicated to comprehension of the scientific concerns arisen in the application of

neuroscientific research findings in the field of law. The authors discuss the prospects of changing the conceptual system in jurisprudence as a result of theoretical "intrusion" of neurosciences, thus demonstrating that the legal instruments will be inevitably changing provided that the neuroscientific findings are absorbed.

The strengthened focus of social science community on brain researches conducted by physiologists, psychologists and neuropathologists has become evident over the last two-three decades and is attributable to technological advances. Since it became possible to monitor cerebral activity in real time mode without any recourse to surgical intervention, many psychologists and philosophers invented a hypothesis about an indispensable and explicit linkage between the behavior (macro-level) and neural, i.e. cellular mechanisms (micro-level). Consistent with this hypothesis, such disciplines as neuromarketing, neuroculturology and neuroethics start to emerge. The main emphasis in each of these disciplines is to observe physical causal interpretation of this or that activity.

Neurojurisprudence falls under the scope of this trend too. Potentially, any legal concept and any legal issue may fall within the range of interests of this new discipline. However, the principal legal concern lies not in its subject, which is yet difficult to denote, but in the method. As a main assumption, underpinning all neuropsychological findings for lawyers, serves a reductive mindset (attitude) where the build-up of certain properties at the macro-level (personality) may lead to changes at the micro-level (cellular cerebral structures). This, however, causes a phenomenon where most legal categories lose its own meaning. Thus, a category of free will in case of acknowledging a legal entity as being programmed and subordination of his/her behavior to physical laws becomes a fiction the fact that entails impossibility of imposing legal responsibility. The governmental policy with regard to preventive measures aimed at preventing delinquency becomes not very effective if a will-driven nature of a moral choice is lacking.

The monograph under review provides the analysis of neuroscientific challenges in the context of developing sector-wise legal sciences, including criminal law and criminology, presents socio-cultural and moral & ethical implications of the conducted neuroscientific research where the legal behavior of an entity is linked with the functioning of different areas of the brain. The paper provides a broad presentation of findings concerning the impossibility of reducing a legally relevant human behavior down to its mental and cerebral activity, the fact that makes it appealing and useful for lawyers.

Keywords: neuroscience, experiment, legal theory, responsibility, free will, legally relevant behavior, offences

В 2016 г. в издательстве *Oxford University Press* вышла коллективная монография «Философские основания права и нейронаук» под редакцией известных американских юристов М. Пардо (Университет штата Алабама) и Д. Паттерсона (Европейский университет в Италии, Флоренция). Книга включает в себя введение и 10 научных статей, авторами которых являются ученые-юристы, психологи и фило-

софы из высших учебных заведений США. Среди них, в частности, такие известные специалисты в области философии и теории права, как М. Мур (Университет штата Иллинойс) и Ф. Шауэр (Университет штата Вирджиния). Такой профессиональный коллектив ученых сложился не случайно, поскольку рецензируемая монография объединяет статьи, посвященные актуальной и редко обсуждаемой в отечественной юриспруденции теме — взаимодействие права и нейронаук. Небывалый рост влияния нейронаучных исследований и их результатов на социальные и гуманитарные науки, включая правоведение, неизбежно приводит к переосмыслению многих базовых категорий права, например, статуса субъекта права, характера волевого поведения и принимаемых решений.

По мере развития наук, изучающих мозговую деятельность человека, право все чаще начинает изучаться как явление психического характера, иногда даже только психического характера, как утверждает в некоторых исследованиях такого профиля. Сегодня предпринимаются попытки отыскать связи между закономерностями функционирования мозга человека и его правовыми суждениями или представлениями. На эту тему имеется огромное количество публикаций, но их авторы озабочены не верификацией своих гипотез, а введением в научный оборот ранее не известных терминов (то же «нейроправо» у М. Пардо и Д. Паттерсона). «Нейроправо» — не новая отрасль; право не регулирует нервные процессы и говорить о «нейроправе» как об обособленной совокупности норм нельзя. Однако право и неврология действительно имеют «общий топос» — человеческое сознание (*mind*). Именно из этой глубинной предпосылки и исходят авторы книги.

Так, во введении, а затем и в последующих главах «Свободная воля как основа права» (А. Кольбер, Бруклинская школа права) и «Разум, необходимый в эпоху нейронауки» (С. Морс, Университет штата Пенсильвания) говорится о необходимости различать концептуальное измерение вопроса и эмпирическое. На эмпирическом уровне ни у кого нет сомнений, что мозг и сознание связаны неким сложным, но неразрывным образом. Связь эта подчиняется законам природы (физическим законам, главным образом) и может быть удостоверена разными способами, но особенно наглядно — при нарушениях работы психики, вызванных повреждениями головного мозга. Поскольку физические законы стабильны и не претерпевают изменений с течением времени, можно предположить, что и в нормальном состоянии у любого человека сознание и мозг функционально связаны, причем эта связь

может быть как взаимно-однозначной, так и многозначной. Настаивать на принципиальном обособлении субстанции сознания от материальной основы — значит игнорировать массив фактических данных и выступать против здравого смысла. Такая позиция, хоть и освящена авторитетом Декарта, сегодня выглядит маргинальной. Поэтому на эмпирическом уровне в «нейроправе» никаких «подводных камней» не обнаруживается.

Концептуальное измерение вопроса заключается в том, что человек как носитель всех юридически релевантных свойств подвергается опасности редуцирования до какой-то своей части. Если брать бихевиоризм, то вместо целостной личности на рассмотрение выносятся только ее поведение. Однако общеизвестно, что право в ряде случаев учитывает и те намерения человека, которые не были объективированы в поведении. Аналогично, человек не есть только головной мозг или нервная система, о чем пишет в главе «Нейрологические основания свободы» Н. Фарахани (Школа права Университета Дьюка). Вообще, между хорошо знакомыми и на первый взгляд простыми (если воспринимать их нефилософски) категориями на самом деле существует разрыв (*hiatus*), преодоление которого уже представляет собой определенную метафизически фундированную позицию. В самом деле, кто может поручиться за тождество психики и сознания? Психологи (в частности, С. Морс¹) эти два понятия уверенно различают, философы обычно обходят эту проблему, поскольку психика редко становится предметом их исследований.

В качестве примера возьмем сравнительно простую и распространенную ситуацию — детекцию лжи. Этому посвящена специальная глава книги «Детектирование лжи, нейронаука и доказательственное право», написанная Ф. Шауэром (Университет штата Вирджиния). Фундаментальная психологическая гипотеза заключается в том, что лицо, по каким-либо причинам скрывающее правду, будет вести себя нетипичным образом (поскольку в повседневной жизни мы обычно говорим правду, а не лжем) и по определенным признакам это поведение можно выявить, подтвердив тем самым, что субъект в определенный момент солгал. Нейрофизиология позволяет нам от уровня анализа поведения (менее надежного свидетельства) перейти к наблюдению за тем, что происходит в тех или иных участках мозга, когда лицо сообщает нам что-либо (как правило, дает ответы на вопросы).

¹ См.: *Morse St.J. The Non-Problem of Free Will in Forensic Psychiatry and Psychology // Behavioral Science and the Law. 2007. Vol. 25. Iss. 2. P. 203.*

Почему такого рода свидетельство должно считаться более надежным? Во-первых, оно обеспечено инструментами, причем довольно сложными (в самой их конструкции заложена некая естественно-научная теория). Во-вторых, оно касается «низкоуровневой» основы принятия личностью решений: если своим поведением лжец до некоторой степени способен управлять, в связи с чем обычный полиграф может дать погрешность, то сознательный контроль за участками мозга невозможен по определению, т.е. здесь ввести приборы в заблуждение не получится.

Достоверность в данном случае повышается классическим способом — через многократное повторение однотипного опыта, так что в итоге мы можем установить корреляцию между двумя линиями событий. На одной линии располагается активность участков мозга, на другой — речь исследуемого лица. Мы можем говорить о связи такого типа: «если субъект S в момент времени t солгал, это соответствует повышению активности зоны F на 10–15% относительно обычного уровня, т.е. уровня, когда S говорит правду». В этой фразе, надо заметить, все условно — зон может быть не одна, а несколько, уровень активности может не повышаться, а снижаться и проч. Но это принципиально неважно. Важно, что мы претендуем на выявление безусловной, детерминистской связи двух разнородных событий. Какое из них играет роль причины, какое — следствия? На этот вопрос можно ответить лишь с привлечением ряда философских категорий.

Активизация участков коры головного мозга — это события физического уровня, они имеют протяженность во времени и пространстве, их границы приблизительно можно очертить (с определенной, всегда конечной, мерой точности). Но что такое сообщение неправды в категориальном смысле? Можно ли считать его событием с аналогичными характеристиками? Что такое вообще ложь и истина?

Эти философские вопросы рассматриваются в контексте правовых наук в нескольких главах книги, особенно в главе «Дуализм и доктрина», написанной Д. Фоксом (Школа права Университета Сан-Диего) и А. Штейном (Школа права им. Б. Кардозо). Если анализировать возможное влияние нейронаук на право, то неизбежно возникает вопрос, можно ли пересмотреть отношение к действиям нарушителей правовых норм. Что, если нейронная активность мозга запрограммирована и человек не свободен в реализации своих желаний и устремлений? Проблема существования свободы воли в данном случае заметно обостряется, и этот философский вопрос оказывается вызовом и для юриспруденции.

Свободу воли, как правило, противопоставляют детерминизму, т.е. представлению о том, что нынешнее состояние мира зависит от законов физики и его прошлых состояний. В случае абсолютного детерминизма свобода воли как возможность поступить иначе может отсутствовать, если все состояния и процессы детерминированы. Позиция компатибилизма предполагает возможность совмещения детерминизма с моральной ответственностью человека. Инкомпатибилизм такое совмещение отрицает и постулирует жесткий детерминизм. В то же время либертарианство отрицает детерминизм и признает свободу воли.

Между тем детерминизм согласуется с представлением о том, что у людей есть возможность действовать в соответствии со своими психическими состояниями и что такие состояния влияют на поведение. А поскольку не существует строго повторяемых психических состояний, люди могут быть ответственными за свои действия. Нейронауки не способны достоверно ответить на вопрос, всегда ли осознанное психическое состояние предшествует поведению. Таким образом, моральный выбор или выбор способа поведения может осуществляться независимо от того, какую версию детерминизма мы признаем в качестве обоснованной. Очевидно, что правовая доктрина должна базироваться на компатибилизме, когда независимо от законов природы человек свободен действовать и поступать по своему выбору, поскольку без признания моральной ответственности невозможно обосновать юридическую наказуемость деяния.

В контексте соотношения свободы воли и детерминизма написаны главы «Роль нейронауки в уголовном праве» (Д. Денно, Школа права Фордхэмского университета), «Исследование сознания через исследование мозга и проблема уголовной ответственности» (Г. Яффе, Школа права Йельского университета), «Бессознательная виновность: неосторожность и уголовная ответственность» (К. Сифферд, Колледж Эльмхёрст), иллюстрирующие влияние нейронаук на восприятие уголовной ответственности. Можно предположить, что если нейронаучные аргументы достоверно подтверждают отсутствие свободы воли, то и об ответственности говорить становится невозможно.

Насколько убедительны доводы нейронаук и могут ли они быть положены в основание правовых решений? Представляется, что нейронауки не могут дать какие-либо точные ориентиры для определения моральной ответственности лица и справедливости установленных наказаний за те или иные деяния. Фактически нейронауки предоставляют лишь новую информацию, из которой очевидным образом не следует эпистемологическое решение проблемы.

В главах «Нейронаучный аспект оправдания», «Нейронауки: перспективы для права» М. Мур, М. Пардо и Д. Паттерсон обсуждают влияние нейронаук на теорию юридической ответственности, уголовное право и предупреждение преступности. Вопрос о связи психологических процессов и мозговой деятельности с принимаемыми юридическими решениями весьма сложный и неоднозначный. Ведь понимание того, как и почему применяется та или иная санкция за правонарушение, не обязательно связано с оправданностью и необходимостью самой санкции. Здесь важен переход от эмпирической информации к концептуальным выводам. Допустим, эмпирически подтверждается, что люди массово считают справедливыми конкретные виды наказаний за определенные правонарушения. Но какие нормативные выводы следуют из этого? Особенно если учесть, что восприятие уголовного наказания у людей преимущественно эмоциональное, в том числе связанное с чувством гнева. То, что большинство граждан считает наказание за конкретное преступление справедливым, автоматически не делает его легитимным. Для назначения наказания необходимо юридически установить и оценить совершенное правонарушение. Использование здесь эмоциональных аргументов делает наказание менее легитимным.

Что произойдет, если обоснование наказания будет зависеть от деонтологических аргументов, обусловленных эмоциональным психологическим процессом в сознании человека? Фактически это будет означать, что деонтология как рациональная моральная теория окажется искаженной эмпирической информацией. Ведь определять характер суждений будет не независимая нравственная оценка, а случайные эмоции. Таким образом, можно утверждать, что нейронаучное «вторжение» в теорию права основывается на нескольких концептуальных ошибках. Во-первых, здесь происходит смешение ретрибутивизма как эмоционального взгляда на сущность наказания с деонтологией (по аналогии с попытками морального обоснования правовых норм в юснатурализме). Во-вторых, ретрибутивизм не может абсолютизироваться как теория сущности наказания. В ретрибутивизме нет необходимых и достаточных условий для определения наказания за правонарушение. А значит, нейронаучные открытия не позволяют отрицать сложившиеся представления о правовых процедурах установления наказаний. Активность мозга человека не дает точных критериев для выбора правильного или справедливого наказания, и даже акцент на существовании особых эмоций по этому поводу вряд ли можно считать удачным способом аргументации.

В результате прочтения книги складывается довольно любопытная картина. Если нейрофизиология дает нам некую картографию мозга, то «картографирование» феноменального опыта (а это и есть самое важное в индивидуальном сознании и самое интересное для юридической практики) осуществляется нами посредством концептов и на уровне культуры, а не биологии или физики. Тогда оказывается, что либо мы изымаем из юриспруденции то, вокруг чего она строит ряд важных конструкций (разум и волю человека), либо подтверждаем сложным техническим путем то, что и так очевидно на уровне *sensus communis*: испытуемый солгал, поскольку и его поведение указывало на это, и его энцефалограмма (условно) свидетельствовала о том же.

Условно говоря, ученый может занимать позицию, в силу которой «мы — это наши мозги», и чисто категориально она не будет лучше или хуже, чем установка: «мое сознание есть мое поведение». Но эта позиция онтологически чужда юридической науке, которая не предполагает раскладывание личности на составляющие (мозг отдельно, а тело отдельно). То субъективное единство, на которое опирается и само право, и наука о нем, порождено совокупной человеческой культурой, где личность — не исходная точка отсчета или социальный атом, а, напротив, некий результат согласования, конденсации и взаимоподкрепления множества общественных сил, как хорошо известных, так и анонимных. Нейронаука же пытается атомизировать человека, вырвать его из многообразных и многослойных контекстов и обнаружить какие-то его свойства, «сами по себе сущие». Однако уравнивание личности и индивида, индивида и тела, тела и головного мозга с категориальной точки зрения не имеют преимуществ перед отказом от такой редукции. Следовательно, учитывать результаты нейрофизиологии в юриспруденции оказывается не более рациональным, чем не учитывать. А с общекультурной точки зрения нейрофизиология — это шаг назад и свидетельство нашей неспособности работать с личностью на том уровне, на котором она существует и свидетельствует о себе. Тройное последовательное сведение есть упрощение с точки зрения эпистемологии и метафизики, и никакой дальнейший прогресс нейрофизиологических исследований перевернуть ситуацию не сможет, поскольку речь идет о выборе не техническом, но исключительно культурном. К таким выводам подталкивает рецензируемая коллективная монография под редакцией М. Пардо и Д. Паттерсона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Morse St.J. The Non-Problem of Free Will in Forensic Psychiatry and Psychology // Behavioral Science and the Law. 2007. Vol. 25. Iss. 2. P. 203–220. DOI: 10.1002/bsl.744

Philosophical Foundations of Law and Neuroscience / Ed. by D. Patterson, M.S. Pardo. Oxford: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198743095.001.0001

REFERENCES

Morse, St.J. (2007). The Non-Problem of Free Will in Forensic Psychiatry and Psychology. *Behavioral Science and the Law*, 25(2), pp. 203–220. DOI: 10.1002/bsl.744

Patterson, D. and Pardo, M.S., eds. (2016). *Philosophical Foundations of Law and Neuroscience*. Oxford: Oxford University Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Дидикин Антон Борисович — доктор философских наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующего сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН.

Беляев Максим Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН.

AUTHORS' INFO:

Anton B. Didikin — Doctor of Philosophy, Candidate of Legal Sciences, Leading Research Fellow, Acting Head of the Legal Philosophy, Theory and History of State and Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Maxim A. Belyaev — Candidate of Philosophy, Research Fellow of the Legal Philosophy, Theory and History of State and Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дидикин А.Б., Беляев М.А. Рецензия на монографию: Philosophical Foundations of Law and Neuroscience / Ed. by D. Patterson, M.S. Pardo. Oxford: Oxford University Press, 2016. 272 p. // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 1. С. 215–224.

CITATION:

Didikin, A.B. and Belyaev, M.A. (2019). Review: Patterson, D. and Pardo, M.S., eds. (2016). *Philosophical Foundations of Law and Neuroscience*. Oxford: Oxford University Press. 272 pp. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(1), pp. 215–224.

Труды Института государства и права РАН

2019. Том 14. № 1

Подписано в печать 14.03.2019 г. Формат $60 \times 90 \frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,0. Заказ